

ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

МОСКВА
«ПАНОРАМА»
1992

ББК 63. 3(2)4
Л 38

Составление, примечания *М. Файнштейна*

Текст печатается по изданиям:

Божерянов И. Н., Никольский В. А. Петербургская старина.

Очерки и рассказы. СПб., 1909;

Пыляев М. И. Старое житие. СПб., 1892;

Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898;
журн. «Северное сияние», 1862. Т. 1

Л $\frac{4702010101-001}{088(02)-92}$ КБ-5-5-92

ISBN 5-85220-173-1

© Составление, примечания
М. Файнштейна, 1992.

© Оформление Г. Лопатиной, 1992.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Пусть читателя не введет в заблуждение название книги. Осторожное слово «легенды» нередко очень близко к подлинному рассказу очевидца, устная молва совпадает с «поденными» записками современников событий. Да и городской фольклор нередко лишь расцвечивает реальные факты... В этой книге собраны страницы сочинений замечательных знатоков петербургской истории, имена которых, увы, забыты — искусствоведа Ивана Николаевича Божерянова, историков Валерия Александровича Никольского и Ивана Александровича Шишкина. Лишь Михаил Иванович Пыляев известен нынешней читающей публике.

Исторические рассказы, очерки, повествования о временах от Петра Великого до Александра Пушкина, разумеется, только фрагменты большой исторической картины жизни города на Неве. Они могут лишь разбудить вкус к историческому чтению.

Мы предлагаем Вам, дорогой читатель, вдохнуть аромат старины и погрузиться на несколько часов в глубины петербургской истории. Потом Вы вернетесь в сегодняшний день, но голос минувшего будет звучать для Вас. Пусть эта книжка поможет возрождению великого Города внутри нас самих.

Итак, путешествие в Петербург начинается...

НЕБЫВАЕМОЕ БЫВАЕТ

I

2 мая 1703 года.

— За здоровье его царского величества! — кричал порядком уже охмелевший военный инженер Ламберт, высоко поднимая свой бокал и плеская из него вином на стол.

— Яко младший по чину, не почитаю возможным за оное пить без дозволения генерал-фельдмаршала нашего, — возразил «бомбардир-капитан Петр Михайлов» *, сидевший за столом с товарищами-офицерами.

Борис Петрович Шереметев *, в красивом фельд-маршальском мундире, тяжело поднялся со стула и взял свой стакан.

— Яко верный подданный своему государю, не смею иначе пить его здравия, как на ногах!..

Все засмеялись на ловкий ответ Шереметева и задвигали стульями, поднимаясь со своих мест.

Не мало выпито было сегодня здравиц за царским обедом, в доме коменданта сдавшегося «на аккорд» Ниеншанца *. Портреты шведских королей сурово глядели на пирующих со стен, маятник громадных часов в углу бойко лепетал что-то и тоже, казалось, грозился... В раскрытые окна доносились веселые крики пирующих солдат, обрывки удалых песен...

— И вспомнить смею достойно, как свейские солдаты-то выходили нонче, — бормотал, покачивая головой и усмехаясь, совсем уже захмелевший полковник. — Знамена, это, распущены, барабаны бьют, а во рту — пули, да порох... Неча сказать — твердые орешки!

— Как в «аккорде» писано, так и шли...

Действительно, сегодня, после полудня, по оконча-

нии торжественного въезда «покорителя Ниена» — фельдмаршала Шереметева, гарнизон был выведен с распущенными знаменами, барабанным боем, ружьями и четырьмя пушками, «с порохом и пулями во рту», как гласила первая статья договора о сдаче крепости.

— Поистине, ноне двери обретены к тому «ключу», что в прошедшем годе счастливо сыскан был, — громко кричал царский «деньщик» поручик Меншиков, намекая на взятие Шлиссельбурга, с расчетом, чтобы его услышали.

— Отменную правду сказать изволил, — похвалил говоруна сам фельдмаршал и потянулся со своим кувшином к опустевшему бокалу Петра, вполголоса разговаривавшего с Ламбертом о выборе места для новой крепости.

«Отныне мои корабли нашли себе прочную гавань», — думал Петр, затягиваясь крепким табаком из своей коротенькой глиняной трубочки...

Вечерело. За Ниеном *, ближе к устью реки, стлалась уже лиловая вечерняя мгла. За рекой Охтой, в опустевшем городке, зажглись одинокие огоньки. У берега, близ лодок, гвардейцы возились у костров, приготовляя ужин. За земляною крепостью, в поле, расположился со всем своим скарбом шведский гарнизон Ниеншанца с комендантом Яганом Опалевым во главе. Караульные-преображенцы с интересом прислушивались к «свейской речи» и перешептывались между собою.

— Комендант-то ихний, Опалев полковник, из русских, слышь...

— Ну да, из русских? Ври больше.

— Верное слово говорю. Еще отец евоный на свейскую сторону перекинулся. При покойном царе...

На другом берегу Невы, у Спасского села, черным силуэтом вырезался на прозрачном весеннем небе Спасский шанец *, еще на третий день осады Ниеншанца сдавшийся Шереметеву. Красное пламя костров дробилось на мелких волнах реки, и черные тени солдат по временам заслоняли его.

Царский обед окончился, и все разбрелись кто куда. Петр, в расстегнутом мундире, без шляпы, вышел на крыльцо и с наслаждением вдыхал сырую прохладу,

которой дышала на него река — великий путь «из Варяг в Греки», лишь сегодня открывшийся для русского флота после долгого «свейского плена»... Вдали, за извидами Невы, на самом горизонте воздвигались из облаков причудливые «фортеции» и горы.

Царь был весел сегодня. Сбывалась — как сон наяву — его заветная мечта об укреплении русского владычества на берегах Свейского моря. С падением Ниеншанца Нева от истока до устья принадлежала Петру.

К крыльцу подошел какой-то солдат и молча остановился, отдавая честь. Это был сержант Семеновского полка из числа отвезенных Петром на острова к устью Невы трех рот гвардейцев для сторожевой службы.

— Ты что?.. — удивленно спросил его царь.

— Гораздо великое число кораблей на море появилось, государь, с какою вестью и послан...

И будто в подтверждение его слов издали донеслись два гулких пушечных выстрела.

— Известуют о себе в Ниен,— усмехнулся царь.— Не ведомо им еще... Беги к Меншикову с приказом — немедля салютовать дважды!

Сержант побежал, придерживая свою шпагу, к невысоким земляным укреплениям Ниеншанца. Прошло несколько мгновений... Две шведские мортиры, направленные вниз по Неве, тяжело грохнули, окутываясь облаками дыма...

— Шведы, шведы! — закричали где-то.— Шведы наступают!..

Тревожно затрещали барабаны, послышались крики команды, тени забегали по крепости из казарм и в казармы...

— Ваше величество! — запыхавшись подбежал к смеявшемуся Петру солдат.— Шведы наступают!..

Переполошились и пленные шведы, вскочили на ноги, изумленно озираясь и не понимая, что творится вокруг.

Но скоро все объяснилось, и веселый царь почтительно стоял уже пред фельдмаршалом.

— Известую вам, что гости пожаловали с моря, чего ради с моего приказа дважды от мортир салютовано оным...

5 мая 1703 года.

Каждый день — утром и вечером — со стен Ниеншанца гремели ответные выстрелы эскадре Нумберса *, не решавшейся войти в Неву из-за низкой воды.

Поехавшие со шведских кораблей за лоцманами матросы были переловлены сторожами-гвардейцами и доставлены к царю в «Канцы» — как звали солдаты Ниеншанца.

Наконец сегодня снова явился гонец с известием, что два корабля из эскадры подошли к самой Неве и стали на якорях.

К вечеру «бомбардир-капитан Петр Михайлов» и поручик Александр Меншиков, как опытные в морском деле люди, по приказу фельдмаршала отправились с солдатами на тридцати лодках на «поиск».

Тихо проплыли они мимо королевского Ниенского госпиталя с громадным садом, миновали Березовый остров с одинокими избушками досмотрщиков за сплавом леса...

Петр на передней лодке переговаривался по-шведски со стариком рыбаком, взявшимся проводить русскую флотилию на возморье.

— Так тою речкою доступно ко возморью выйти? — спрашивал Петр, указывая на Фонтанку.

— Можно, можно... Там деревушки есть, по левому берегу — Каллина и Ремана... А другой путь — прямо, мимо Лосьего острова *, — шамкал старик, указывая на Васильевский остров.

Безлюдные, покрытые густым лесом с торчащими верхушками сосен берега наводили тоску и уныние на молодцов-гвардейцев.

— Новую, слышь, фортецию строить будут, — шептались на лодках. — Уж и житье — в грязи, да в воде, ровно кулики на болоте... А и светлая ж ночь здесь, братцы, что наш вечер московский... Все видно, как днем...

— Ты, Александр Данилыч, иди по реченке этой, в обход. Выйдете на возморье и ждите — как завидите наши лодки, на встречу идите, поспешая всемерно, — распоряжался Петр. — А мы с тобой, Гаврила Иваныч, по Неве пойдем.

Флотилия разделилась: семнадцать лодок пошли с Меншиковым по Фонтанке, а на остальных тринадцати Петр и Головкин поплыли Невою, прячась у лесистых берегов Лосьего острова.

Среди ночной тишины резко раздавались мерные всплески весел, изредка поскрипывал руль, да в кустах, на берегу, посвистывали какие-то птички.

Зоркие глаза Петра увидели вдали, на слившейся с ночным небом полосе воды, две темные точки.

— Они? — спросил царь у проводника.

Тот молча кивнул головою, раскуривая свою трубочку.

Хватаясь руками и баграми за сучья и ветви, солдаты, по знаку царя, притянули лодки к берегу и притаились...

Петр ждал минуты, когда станет немного хоть темнее от бродивших по небу туч, чтобы врасплах напасть на шведов.

Наконец, набежала тучка и прыснул маленький дождичек. Петр поднялся со скамьи и махнул рукой...

Застучали весла, взвизгнули уключины, и восемь лодок вынырнули вперед; остальные остались в запасе.

* * *

Часовые на шняве «Астриль» мирно дремали, кутаясь от дождя в свои плащи, и не видали мчавшихся на них лодок... Стучит по палубе дождик, поскрипывают снасти, вода заливается сторожу со шляпы на шею...

Хочет он плотнее закутаться плащом и, словно во сне, видит солдат на лодках, чужие мундиры; слышит как часто и мерно плескают весла...

— Тревога! Тревога! — кричит он и бежит по мокрой и скользкой палубе к трюму...

— Заметили!.. Дружней на весла, на правый борт! — доносится с лодок звучный голос «бомбардир-капитана».

— Багры на нос! — кричат там и звякают ружейные стволы, молодцы-гренадеры берут в руки гранаты, топоры...

«Астриль» встречает незваных гостей ружейным залпом, артиллеристы спешат к пушкам, спотыкаясь и толкая друг друга, еще не очнувшись от сладкого сна...

Гранаты летят и разрываются на палубе, крик и стон идет вокруг, а на борт «Астрили» влез уж громадный «капитан» с топором и гранатой в руках... Один за другим лезут по пятам за ним, как кошки, преображенцы...

Жестокая схватка, грудь с грудью, крики о помощи — и восьмипушечный «Астриль» в руках Петра, а на палубе десятипушечного адмиральского бота «Гедан» уже распоряжается «Данилыч»...

Команда сдается, из восьмидесяти человек осталось всего тринадцать, почти всех перекололи расходившиеся солдаты.

— Лодки крепить на канаты! — распоряжается царь, а на востоке желтеет и розовеет ночное небо...

* * *

Взошло уж и солнце, а храбрецов все нет. Тревожится старый фельдмаршал, тревожится и адмирал Головин *, на земляные валы Ниеншанца вышли солдаты и офицеры.

— Вона! Словно лодки! Плывут! — кричат солдаты, заслоняясь рукою от солнца...

И неожиданно грохнул салют с плененных Петром судов. Уж можно было видеть его могучую фигуру на борту «Астрили»...

— Слава Господу! Цел орел наш, вернулся, — с облегчением шепчет Шереметев и приказывает салютовать победителям.

Фельдмаршал Шереметев и адмирал Головин — как старейшие кавалеры ордена св. Андрея — возложили его на новых кавалеров «Петра Михайлова», Александра Меншикова и Гаврилу Головкина...

На медали в память этой «никогда бываемой виктории» — была выбита надпись: «Небываемое бывает».

ПЕТЕРБУРГ В 1742 ГОДУ

В начале января 1742 г. объявлено было народу, что императрица Елизавета Петровна будет короноваться в Москве 25 апреля. Приготовлениями к этому торжеству Сенат поручил заняться графу

С. А. Салтыкову * и новгородскому архиепископу Амвросию; на издержки им отпустили сперва 20 тысяч рублей, да потом еще 30 тысяч и на фейерверк 19 тысяч. Для сооружения балдахина отправили в Москву мастера-француза Решабота, а триумфальную арку и троны в Успенском соборе и Грановитой палате строил архитектор Иван Бланк.

В январе же месяце дан был указ, которым были упразднены армянские церкви в Петербурге и Москве.

Двор оставил Петербург только в конце февральского месяца, а за это время произошли следующие события: 17 января по улицам Петербурга при барабанном бое было объявлено, что на другой день, в 10 часов утра пред 12 Коллегиями (теперь здание университета) последует публичная казнь врагов Государыни и государства. Рано утром собрался народ на указанное место, но так как Остермана, Миниха, Левенвольда, Менгдена * и других вводили только на эшафот, клали головы на плаху, а затем читали помилование, то народ счел себя обманутым и стал волноваться. Дело кончилось тем, что солдатам Астраханского полка, оцеплявшим место казни, приказано было разогнать толпу. Этот факт свидетельствует, какая ненависть существовала тогда к немцам, и историк Соловьев * совершенно справедливо замечает, что «во вступлении на престол Елизаветы Петровны выразилось народное движение, направленное против преобладания иноземцев, утвердившихся в два последние царствования». Вот чем объясняется также данное в январе того же 1742 г. дозволение Государыни всем и каждому подавать лично челобитные, для чего был назначен определенный день. Затем Елизавета Петровна не замедлила показать, что по отношению к иностранцам она будет держаться правила своего отца, Петра I, которое заключалось в том, чтобы пользоваться искусными иноземцами, принимать их на службу, но не давать предпочтения перед русскими и важнейшие места в управлении занимать исключительно последними.

Присутствуя в Сенате (15 февраля), который с первых дней царствования Елизаветы Петровны получил власть законодательную, и слушая дело инженер-полковника Гамбергера, императрица приказала узнать,

«есть ли в подполковники из российских к произвождению достойные? А буде таковых нет, то Гамбергера освидетельствовать в науках и представить все дело на усмотрение Ея Величества». Весть о таком решении Монархини была приветствуема всеми русскими, которые, впрочем, сохраняли должное уважение к иностранцам, каковых и в армии, и среди жителей Петербурга было немало. Раз только, 18-го апреля, на гулянье под качелями, на Адмиралтейской площади, гвардейские солдаты л(ейб) г(вардии) Семеновского полка побили разносчика, продавшего им гнилые яйца, а потом они подрались и между собою. Армейские офицеры: фон Роз, Гейкин, Зитлан и Миллер, находившиеся в биллиардном доме Берлаха, вышли их унимать. Произошла в конце концов схватка, и офицеры принуждены были ретироваться в биллиардный дом и спастись бегством через соседний двор, но солдаты, из которых один оказался раненым саблею, ворвались в дом, избили хозяина, а также находившихся в доме штаб-лекаря Фусади, капитана Брауна, его слугу Каниха и флигель-адъютанта Сотро. Солдат приговорили к колесованию и битью плетьюми, но императрица приказала четырех главных драчунов сослать на сибирские заводы, а остальных в крепостные гарнизоны.

Такое слабое наказание усилило своеволие гвардейцев, и начальствовавший в Петербурге фельдмаршал Ласси принужден был, для сохранения порядка, расставить по городу пикеты от армейских полков.

Жители-иностранцы находились в большом страхе, боялись отпирать свои дворы, а иные стали даже покидать свои дома и выезжать из столицы.

10 февраля праздновалось рождение герцога Голштинского Карла-Ульриха *, сына цесаревны Анны Петровны, прибывшего в Петербург 5 числа.

Герцогу, племяннику Государыни, исполнилось 14 лет, и Михайло Ломоносов, назначенный 28 января адъюнктом Академии Наук, написал по этому случаю оду в 340 строк, которую подал герцогу 15 февраля, когда его привезли в Академию Наук.

23 февраля Елизавета Петровна выехала из Петербурга в Москву на коронацию, по поводу которой был объявлен длинный ряд пожалований, множество опальных людей возвращено из ссылки, а князь Юрий

Долгоруков получил все свои деревни * — «не в образец, понеже он за Ея Величество страдал».

Война со Швецией, начавшаяся в предшествовавшее царствование, продолжалась: 28 июня наши войска взяли брошенный и зажженный шведами Фридрихсгам *; но война требовала денег, а их не хватало. Поэтому подписан 25 июля указ о взыскании с генерал-берг-директора фон Шомберга немедленно 134 944 руб., а на остальные 99 635 руб. приказано было взять расписки на срок. Начет этот на Шомберга был сделан за отданные ему лапландские и гороблагодатские заводы. Затем за недобор податей наложили на неисправных губернаторов и вице-губернаторов штраф по 100 руб., а в конце года прибегли к средству Петра I, и Государыня подписала указ (11 декабря) о вычете из жалованья военных, духовных, статских и придворных чинов от 2 до 5 копеек с рубля, смотря по рангам и должностям.

В Академии Наук в 1742 г. начался спор библиотекаря и академика Шумахера, управлявшего собственно Академиею, с профессором Делилем и Нартовым, вторым советником Академии. В марте Нартов отвез в Москву к императрице коллективную жалобу на Шумахера, заключающую 38 пунктов, написанных, как полагают, Ломоносовым, в которых русские впервые заявляли свои требования к Академии, составлявшей замкнутый немецкий цех, напоминавший восточную Германию, где еще до конца XVIII века и позже строго соблюдался обычай требовать от каждого вступающего в известную корпорацию клятвенное удостоверение в том, что он не происходит от славянских родителей, что ни одна капля славянской крови не течет в его жилах.

Императрица сначала приказала арестовать Шумахера и назначила комиссию для рассмотрения принесенных на него жалоб, а потом постоянно враждовавшие с Шумахером немцы-академики тем охотнее вошли с ним в стачку и совершенно его оправдали, чтобы чрез удаление Шумахера из Академии не дать в ней усилиться русским.

Для оживления торговли Сенат докладывал о допущении евреев торговать на ярмарках, но Елизавета Петровна дала ответ, что не желает выгод от врагов

Христовых (указ 3 ноября). Вскоре после этого последовал приказ об изгнании за границу всех евреев из России, за исключением «разве тех из них, которые захотят быть в православной вере греческого закона».

Декабря 2 был издан указ о починке по набережным линиям перил в Петербурге и «где над палатами в погребах торгуют яблоками и прочими фруктами, чтобы ход был в оные погреба со дворов, а не с улиц».

Наконец, в конце декабря, перед праздником Рождества Христова, Елизавета Петровна вернулась из Москвы в Петербург, где ее с нетерпением ожидали европейские дипломаты. 11-го декабря вице-канцлер Бестужев подписал трактат с Англией, главной неприятельницей Франции; это случилось благодаря тому, что французский посол маркиз де Шетарди был отозван в начале 1742 г. из России. Елизавета Петровна щедро наградила Шетарди при отъезде, который предлагал ей руку принца Конти, но это предложение она отклонила, говоря, что замуж не пойдет никогда и ни за кого.

Известно, что Елизавета Петровна питала сердечную привязанность к Алексею Гр(игорьевичу) Разумовскому * и вскоре по вступлении на престол негласно сочеталась с ним браком. Предание гласит, что венчание было совершено осенью 1742 г. в подмосковном селе Перове, где Государыня тешилась охотою, так как занятие последнею было любимым развлечением Разумовского.

В заключение расскажем следующий любопытный факт, рисующий бытовую картинку того времени.

Елизавета Петровна, посетив однажды архиерейско-па Феодосия в Александро-Невском монастыре, увидела у преосвященного молодого медведя, обученного разным штукам приказным келейником того монастыря Федором Карповым. Медвежонок настолько понравился Государыне, что она пожелала иметь такого у себя и приказала выписать из Москвы двух медвежат, а по присылке таковых отдать Карпову «для содержания и обучения ходить на задних лапах и прочее». На покупку корма медвежатам велено было выдавать, по мере надобности, деньги из Монетной Канцелярии. Но Карпов оказался недоволен отпуском денег, и главный судья Монетной Канцелярии ст(атский)

сов(етник) Шлаттер доносил кабинет-министру барону Черкасову, что «к комиссару Карпову в Невский монастырь на корм медведенкам один рубль послан, токмо какою учтивостью он оного принял, о том из приложенной при сем сказки усмотреть изволите». А в сказке сообщалось: гвардии отставной солдат Шестаков был послан Шлаттером к Карпову с требованием, чтобы последний прибыл в Монетную Канцелярию для получения, по указу, денег на корм медвежатам. Карпов сказался больным и исполнить требование Шлаттера отказался, почему к нему вторично был послан с тем же отставным солдатом Шестаковым «рублевик с портретом Е(я) И(мператорского) В(еличества)», который «Карпов, вырвав у Шестакова из рук, бросил на пол и притом он, Карпов, сказал: если де оным рублеви-ком, кто тебя послал подтереть... И сказал, чтобы к нему Карпову прислано было, либо сам ст(атский) сов(етник) Шлаттер привез 500 рублей».

Барон Черкасов приказал объявить с.-петербургскому архиепископу, чтобы он Карпова «унял, ежели не желает видеть, чтобы отослан был в Тайную Канцелярию, ибо оный Карпов небитый в покое быть не может».

После этого Карпов более не заводил пререканий относительно размера денег, выдававшихся ему на корм и начал со старанием обучать медвежат в особом, сшитом для них платье, ибо «без платья их совершенно обучать никак по их обычности невозможно».

ВСТРЕЧА ЛЕТА В ЕКАТЕРИНГОФЕ.

ПРАЗДНИК «БЫКОДРАНИЯ».

ОСТРОВА И СБОРНЫЕ ПУНКТЫ НА НИХ

ВСТРЕЧА ЛЕТА

По заведенному Петром Великим обычаю, петербуржцы, до воцарения Императора Александра III, ездили 1-го мая встречать лето в Екатерингоф *, где Петром был построен дворец *, немного выше устья Фонтанки.

Екатерингоф начинался от сада д(ействительного) с(татского) с(оветника) Лукина и тянулся по берегу залива до речки Черной, составлявшей границу С.-Петербургского уезда от Софийского (теперь Царско-сельского).

От залива же парк Екатерингофского дворца доходил до Петергофской дороги, выезд на которую у выгонного рва украшали городские ворота из тесаного камня с белым мраморным орлом, а за ними стоял дом барона Строганова, где в 1793 г. жил принц курляндский Бирон *. Самый Екатерингофский дворец одноэтажный, без двора, расположен был перед рощею, подходившею к самому берегу залива, в которой было два пруда, выложенных булыжником и окруженных земляными валами. Перед дворцом шел смешанный лесок с просеками вместо аллей и небольшой зверинец с деревянными строениями. Петр Великий заложил его в 1712 г. против того места, где в мае 1703 г., лично командуя флотилией лодок, взял два шведские бота, и назвал Подзорным дворцом *, для чего имелась особая башня, с которой Петр мог обозреть залив. Домик этот впоследствии был отдан адмиралтейству, и в нем хранили смолу и деготь, а на самом берегу была поставлена батарея для пушечной пальбы при наводнениях.

В 1719 г. Петр построил более обширный дворец, в два этажа, в семь окон по фасаду, с дверью по середине, к каналу на возморье.

Против садов Екатерингофа находился клинообразный остров «Долгий» (теперь Канонерский), поросший кустарником, и близ него более круглый островок, принадлежавший придворному поставщику Резвому, фамилию которого он сохранил до настоящего времени. Повыше Черной речки находилась деревня Екатерингоф, которая вместе с дворцами и была подарена Петром его «Катеньке», от имени которой и получила свое название. В деревне этой было два ряда домов, а немного далее находилась еще деревенька «Берген», сюда-то городские жители ездили на дачи, нанимая крестьянские избы. В деревне «Берген» находился сахарный завод Лукина и его завод для «двоения водки». За деревней Екатерингоф стояли дворцы Анненгоф и рядом Елизаветенгоф *, тоже у самого

берега; каждый из этих дворцов имел деревянное одноэтажное строение. Это были летние дома, подаренные Петром обеим царевнам — Анне и Елизавете. Дворцы эти, по словам историографа Петербурга академика Георги *, были уже в прошлом столетии пусты «без малейшего присмотра и совсем опали». Но самое место было, по словам того же автора, любимо охотниками до прогулок.

В Екатерингоф Петр с ранней весны до поздней осени приезжал на ночь, на две, из любимого своего Петергофа, и здесь, чаще чем в Петергофе, жила летою царица и ее дочери. Забытый в последующие царствования, Екатерингоф был воскрешен Елизаветою Петровною; при ней Екатерингофский дворец был расширен почти вдвое по плану архитектора графа Растрелли, который, конечно, не позабыл устроить и танцевальную залу для любительницы танцев — императрицы. С воцарением Екатерины II дом соименный ее предшественнице осужден был на забвение, и лишь петербуржцы, памятуя завет своего царя — основателя города, ходили на прогулку в Екатерингофский сад 1-го мая встречать лето; при этом бывала иллюминация, которую посещала и Екатерина II. До какой степени в другое время был пуст Екатерингоф, тому лучшим подтверждением может служить дуэль статс-секретаря Государыни — А. В. Храповицкого, автора известного дневника *. Он поссорился на Маслянице с Окуневым, другом поэта Г. Р. Державина, который в своих «Записках» рассказывает это «забавное приключение»: «Поединок был вызван тем обстоятельством, что, поссорившись на конском бегу, Храповицкий и Окунев ударили друг друга хлыстами. Окунев просил Державина быть у него секундантом, а Храповицкий — А. С. Хвостова». Это предложение поставило Державина в тупик.

Он не хотел отказать приятелю и вместе с тем — идти против человека, бывшего любимцем его начальника, генерал-прокурора князя Вяземского.

Делать было, однако, нечего, и Державин поехал в Екатерингоф, где было назначено место дуэли. Когда дошло до дела, то соперники, «не будучи отважными забияками», скоро были примирены секундантами. Когда враги стали целоваться, то Хвостов сказал, что

им «надобно немножко поцарапаться», чтобы было не стыдно.

Державин возражал, Хвостов спорил: слово за слово и опять «чуть не до драки», стали уже в позицию, но их рознял выскочивший из бани Гасвицкий.

К концу XVIII века Екатерингофский дворец обветшал. Гофинтендантская контора * немного заботилась о нем, а по докладу о негодности и дороговизне ремонта, Император Павел I в 1800 г. указом 31 марта, оставив один дворец, большую часть земли подарил княгине А. П. Гагариной, урожденной Лопухиной.

Александр I указом 1804 г. дворец со всем, что в нем находилось, а равно и самое место, приказал «сдать по надлежащей описи в ведение графа А. С. Строганова», заведывавшего комитетом правления городских повинностей в Петербурге, т. е. отдал дворец и сад столице.

С этих пор город стал заботиться об этом гульбище — единственном для жителей Коломны *. Генерал-губернатор Петербурга граф Милорадович особенно ревниво старался улучшить Екатерингоф, и при нем даже завелся ресторан с музыкою, иллюминациями и спуском воздушных шаров, говоря о которых, заметим, что первый спуск воздушного шара в России был в Москве 19 марта 1784 г., о чем в «С.—Петербургских Ведомостях» сообщалось в № 28 за тот же год; аэронавтом был француз Мениль.

Ко времени отделки Екатерингофа в «Записках» Рафаила Зотова * относится следующий рассказ: «Граф Милорадович, окончив свои утренние служебные занятия, ежедневно отправлялся в Екатерингоф, а после осмотра работ, заходил к князю Шаховскому (известному драматургу, управляющему русскою труппою), жившему там на даче барона Раля, придворного банкира; у князя жили на даче самые талантливые воспитанницы театрального училища, готовившиеся к выпуску, и он обучал их драматическому искусству.

Там были Дюр (впоследствии жена А. П. Каратыгина *), для которой Шаховской писал лучшие роли в своих пьесах, К. Телешева, отличная танцовщица, Азаревичева и Зубова, также танцовщицы, Монтруа, прелестная певица, и Строганова, одаренная превосходным контр-альтом. Здесь-то граф оставался

обедать и проводил свои вечера, присутствуя при уроках воспитанниц и любуясь развивающимися их дарованиями.

Известно, что никто из высокопоставленных лиц не может в жизни сделать шага, чтобы толпа не перетолковала его.

И тут много было толков об этой даче князя Шаховского; можем по истине уверить, замечает Зотов, что все толки и слухи были пустою клеветою. Граф был любезен, мил, шутил со всеми, изобретал для них костюмы, туалеты, прически. Были там совсем другие проделки, которых, конечно, ни князь Шаховской, ни граф Милорадович не знали.

Толпа волокит осаждала по вечерам заборы дачи, и сквозь решетки происходили разные переговоры, размен писем, и все что можно было в этом роде».

Итак, Екатерингоф по своим воспоминаниям причастен даже к истории русского театра, равно как и к литературе, и А. С. Пушкин, бывший 1 мая 1834 г. в Екатерингофе, записал в своем дневнике:

«Гулянье 1 мая не удалось от дурной погоды: было экипажей десять. Случилось несчастье: какая-то деревянная башня, памятник затей графа Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись».

Екатерингофское гулянье 1 мая любил и неизменно посещал Император Николай I со всею царскою фамилию и останавливался всегда перед хором рабочих табачного фабриканта Жукова, который, в кафтане городского головы, сам дирижировал певцами. За двором тянулась вся знать в Екатерингоф на гулянье, а за нею и вся остальная имущая масса. Цена коляски в этот день доходила до 25 рублей, а раз жители Петербурга и совсем не могли их достать, так как Пронька Пономарев, сын богача откупщика, на всех дворах извозщичьих нанял коляски на 1 мая, велел им приехать к своему дому, сел в одну, а остальные последовали за ним пустые.

Умер этот Пономарев в Обуховской больнице лет 20 тому назад, а похоронили его на Волковом кладбище в Пономаревской церкви.

В 1840 г. государь приказал Придворной конторе возобновить Екатерингофский дворец, а в начале пяти-

десятих годов, большая часть замечательной коллекции петровского времени — вещи Петра Великого, перешли из Екатерингофа в состав Петровской галереи Императорского Эрмитажа, но и теперь еще в Екатерингофском дворце сохраняется собственноручной работы Петра I модель корабля и начерченная им карта.

Старинное гулянье в Екатерингофе сохранено художником Гампелем в гравюре длиною более двух аршин.

ПРАЗДНИК «БЫКОДРАНИЯ»

От народного гулянья 1 мая перейдем к описанию народных праздников в Петербурге, бывавших на Дворцовой площади перед Зимним дворцом, которые простой народ называл «быкодранием», как говорит вице-президент Академии Художеств граф Ф. П. Толстой (известный художник медальер, автор превосходных барельефов из воска на события 1812—1813 гг.).

Нельзя не привести описания одного из таких праздников, данного в 1793 г. при праздновании заключения мира с Турцией, за несколько дней до бракосочетания Великого Князя Александра Павловича с В(еликой) К(няжной) Елизаветою Алексеевною *, отличавшейся, как известно, своею добротою. Эту черту ее характера отметила народная песня, приводимая в 40-м, томе «Магазина» А. Т. Болотовым *, в которой говорится:

«Молодой, слышь, царь женился,
Ой! Жена его добра!
Баюг, он в нее влюбился!
Слышь! Белее серебра».

Но возвратимся к описанию праздника «быкодрания». Посреди площади, на том месте, где теперь стоит Александровская колонна, было отделено веревками большое четырехугольное пространство, внутри которого, параллельно с дворцом и довольно далеко друг от друга, были устроены две огромные пирамиды, шедшие к земле уступами и уставленные всевозможными яствами.

На верху пирамид было поставлено по одному цельному жареному быку: у одного были золоченые

рога, а у другого посеребренные. До начала пиршества пирамиды были покрыты красной камкой и имели вид шатров.

Между ними на одинаковом расстоянии от центра площади были сделаны из дерева с резьбой и позолотой высокие фонтаны с большими бассейнами для вина.

Кроме отгороженного места, все пространство, видимое глазу, было покрыто сплошной массой народа. «Эту толпу нельзя было принять за людей,— говорит гр. Толстой,— а точно какой-нибудь разостланный бухарский ковер, по которому мелькали разной величины и формы пятна: красные, синие, голубые и белые. Эти пятна составлялись партиями городских мясников, явившихся на состязание добывания бычьих рогов и разделявшихся одна от другой цветами рубах. Добытым золотые рога выдавалось 50 руб., а серебряные — 25 руб.».

«Несмотря на многочисленность народа, на площади была полная тишина; казалось, что ожидание торжества оцепенило весь этот люд. Наконец на среднем балконе дворца показалась, окруженная семьей и двором, Императрица. Со всех сторон заиграла музыка и сердечное восторженное «ура!» народа загремело. Не одну минуту по воздуху носился гул этого «ура!»».

Взлетела ракета, раздался пушечный выстрел; веревка, окаймлявшая середину площади, исчезла; завесы, скрывавшие пирамиды, упали; из фонтанов широкой струей забило белое и красное вино, и сдерживаемая до сих пор толпа народа бросилась на добычу.

Группа удалцов направилась к пирамидам, стали взбираться, как на крепость, бросая в народ мешавшие им жаркия и печенья; четверти телятины, окорока, поросята, падая с высоты, расшибали физиономии хватавших их людей. В воздухе летали куски разорванной на мелкие части шелковой материи, прикрывавшей пирамиды, которые толпа разбирала на память. Нередко завязывались драки, так что полиция принуждена была разливать дерущихся водою. Я обратил свое внимание на ближайший к нам фонтан, выбрасывающий белое вино, около бассейна которого толпилось много народа с ковшами и кружками. Несколько пили вино, по учению Диогена, горстью, а еще более, которые, опустив голову в бассейн, тянули прямо из него.

Один подставил рот под струю, она так сильно ударила, что он упал без чувств. Подгулявшие, при общем хохоте, сталкивали друг друга в бассейн или добровольно залезали туда, окунаясь с головой в вине, одним словом, «и пили царское вино, и купались в нем». Один забавник сумел взлезть в самый фонтан; товарищи пытались следовать за ним, но тот отбивался от них и наконец ухитрился лечь на отверстие фонтана с руками и ногами, протянутыми в воздухе, и прекратить его действие. С хохотом, бранью и порядочными тумачками стащили дерзкого.

Много тут происходило разных фарсов; это были, хотя по большей части глупые, настоящие мужицкие шутки, но всегда очень смешные. По площади народ проходил веселыми группами, с громким смехом и лихими песнями, но у большинства были подбиты глаза и окровавлены лица. Двое мужиков, крепко обнявшись руками, которыми за несколько минут перед тем развели друг другу кровавые узоры на лицах, с веселым выражением кричали что-то непонятное. Пьяный немец, с уморительно неловким прискакиванием и кривляньем, проходил, махая над головой окороком, несмотря на то, что его длинный нос был совсем сворочен в сторону, он смеялся и громко кричал: «Я шинкель достал». Посреди народа видна была одна плотная масса мужиков в красных рубахах, оказавшихся победителями и только при помощи полиции отстоявших добытые золотые рога от натиска враждебных партий синих и белых рубах».

Такие праздники «быкодрания» давались еще Петром I, который, празднуя Ништадтский мир, угощал народ жареными быками, а императрица Анна Иоанновна, смотря, как «подлые обыватели», т. е. народ, угощался на площади, «имела не малое веселие».

ОСТРОВА

Переходим затем к гуляньям на островах, описывая которые, кн(язь) Шаликов * говорил:

«И менее чем в полчаса
Я облетел все острова:
Елагин, Каменный, Крестовский» и т. д.

Мы начнем наш обзор с Аптекарского острова, который был назван так потому, что здесь, по представлению лейб-медика Петра I Лаврентия Блуменроста, был разведен сад для выращивания «аптекарских трав», а впоследствии сюда перевели находившийся на Васильевском острове ботанический сад, который здесь существует и поныне. Императрица Анна Иоанновна охотилась на зайцев на Аптекарском острове, где было запрещено их стрелять указом, а Екатерина II ездила на тетеревицу охоту на Каменный остров, прежде принадлежавший канцлеру графу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину, а после его ссылки был конфискован и подарен В(еликому) К(нязю) Павлу Петровичу, который в здешнем дворце проводил зимнее время, приезжая сюда из Гатчины во все царствование Екатерины II.

Говоря об охоте императрицы Екатерины II, приводим любопытное «объявление» 1769 г., напечатанное в № 147 «С.-Петербургских Ведомостей»: «Из Обер-Егермейстерской канцелярии сим публикуется, что Е(е) И(мператорское) В(еличество) указом повелеть соизволила, для пресечения истребления дичи, коя почти совсем выведена в заповедных местах, брать в солдаты, в наказание, всех тех преступников, кои будут изыманы без билетов в тех запретительных местах в произвождении охоты с борзыми собаками, с фузеями, или же какими бы то ни было орудиями около С.-Петербурга, Петергофа, Сарского и Красного сел и Кикинской мызы в 3-х верстах».

По вступлении же на престол Павла Петровича этот остров Государь подарил старшему своему сыну Александру Павловичу, исторической жизни которого Каменноостровский дворец * служит незабвенным памятником, так как монарх, возвратившись из взятого им Парижа, отказался от торжественной встречи, которую ему готовил Петербург, а проехал прямо в свой дворец на Каменный остров, где на другое утро и принимал съехавшихся для приветствия сановников.

На Каменном острове Павел I, как генерал-адмирал флота, устроил дом для инвалидов-матросов и против этого дома построил церковь во имя Иоанна Иерусалимского, при которой было кладбище, на котором хоронили всех мальтийских кавалеров, невзирая

на то, был ли кто из них лютеранин, католик или православный. По кончине Павла Петровича родственники похороненных здесь мальтийских кавалеров вырывали гробы своих отцов, мужей или братьев и развозили их на соответствующие кладбища.

СТРОГАНОВА ДАЧА

Напротив Каменного острова находилась дача графа А. С. Строганова, известного богача и любимца Екатерины II, которая в одной из своих комедий вывела его под именем «Сам-блин». Основание «Строгановского» сада положено было еще бароном С. Г. Строгановым, когда он в 1743 г. купил у иллирийского графа Владиславича загородный двор.

В 1772 г. граф А. С. Строганов прикупил у графа Я. А. Брюса * дом около устья Черной речки и у Лукина мызу Мандарову, поручив архитектору Воронихину (строителю Казанского собора), бывшему крепостному человеку графа Строганова, выстроить себе дачу и развести сад. Дача эта сохранилась до сих пор *, хотя значительно испорчена позднейшими переделками; она хорошо знакома многим петербуржцам, так как в ней несколько лет кряду помещалось летом «Благородное собрание». Картина, написанная с нее масляными красками самим Воронихиным, находится в музее Александра III *; за нее архитектор Воронихин был признан академиком живописи.

Сам граф Строганов жил летом то в Царском Селе, то в Петергофе, но не пропускал случая, чтобы каждое воскресенье не приехать на свою любимую дачу, где около грота на площадке раскинута была палатка, перед которою играл бальный оркестр графа. Сюда-то жители Петербурга стекались слушать музыку. Строганов, говорит Калмыков *, автор брошюры, посвященной памяти графа, одетый в куртку из зеленой материи, прогуливался в рядах публики, вступая в разговор, и был одинаково внимателен и к вельможе, и к простолыдину.

В будни граф пожелал публике доставить другого рода удовольствие, а именно: устроил в саду библиотеку.

Все посетители сада могли брать книги для чтения.

В первый же день донесли графу, что не возвращено несколько томов. Добродушный меценат приписал это тому, что многие, не успев прочитать книги, взяли их себе на дом; но в последующие дни недочет оказался еще больший, а к концу лета недоставало томов сотнями. Тогда граф приказал закрыть свою библиотеку для публики.

Из прежних украшений Строгановского сада до сих пор сохраняется гробница, о которой рассказывают, что это гробница Гомера, или уверяют, что под ней похоронена собачка графа. Вот объяснение этого памятника, сделанное рукою самого графа в каталоге его картинной галлерей: «В первую турецкую войну 1770 г., когда русское оружие торжествовало на морях, Домашнев, русский офицер, командовавший десантом, нашел на одном из архипелажских островов этот саркофаг, привез в Россию и подарил его мне. При виде такого памятника я не мог не воскликнуть: «Не гробница ли это Гомера». Это восклицание начало переходить из уст в уста, и без всякого основания все заключили, что я владею гробницею Гомера».

В 1796 г., августа 25, граф Строганов в своем саду встречал шведского короля Густава IV и его дядю, герцога Зюдермаландского, которые вместе с Екатериною II провели целый день на даче графа, и по настоящее время в саду, недалеко от грота, уцелел камень, на котором граф Строганов со своими высокими гостями пил чай. Вечером же была устроена гонка лодок.

Говоря об этом событии любопытно привести собственноручный указ Екатерины II, в котором государыня писала: «По случаю бытности короля шведского здесь, скажите дамам и фрейлинам, что мне угодно будет, когда они званы будут при дворе, или где с ним вместе, чтоб не надевали шемиз, фуру или иные дезобилье, кроме греческого платья».

Дача Строганова раз была даже осаждена войсками. Случилось это по следующей причине: живя в Таврическом дворце и долго не видя своего любимца графа А. С. Строганова, Екатерина II дала секретное приказание графу Платону Алекс(андровичу) Зубову атаковать дачу Строганова на Черной речке и его пленного привести к себе.

Пока Зубов делал приготовления, слухи об этом дошли до графа, который в свою очередь укрепил берега своей дачи батареями, разломал мост через Черную речку и решил защищаться. Зубов, прибыв к даче с егерями на лодках, не только не мог овладеть дачею графа, но, посадив свою флотилию на мель, принужден был сам сдаться на капитуляцию. Разумеется, осада окончилась веселым пиром у хлебосольного хозяина. Вечером Зубов попросил гр(афа) Строганова пойти на берег взглянуть на свои трофеи. Граф, не подозревая ничего, вышел на берег и взошел на катер. Тогда Зубов объявил его пленником и доставил к императрице.

Во втором томе «Переписки Я. К. Грота с П. А. Плетневым» последний говорит, что «в «Рыбаках» Гнедича * молодой рыбак есть сам Гнедич, а вельможа — граф А. С. Строганов, первый его покровитель. Местность островов и красота нашей летней ночи схвачены прелестно».

Приводим отрывок из этих стихов:

«Уже над Невою сияет безнойное солнце,
Уже вечерет; а рыбаля нет молодого.
Вот солнце зашло; загорелся безоблачный запад;
С пылающим небом слясь, загорелось море.
И пурпур, и золото залили рощи и доли,
Шпиз тверди Петровой, возвышенный, вспыхнул
над градом,
Как огненный столп, на лазури небесной играя,
Угас он; но пурпур на западном небе не гаснет.
Вот вечер, но сумрак за ним не слетает на землю;
Вот ночь, но светла синевою одетая дальность:
Без звезд и без месяца небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро»...

КРЕСТОВСКИЙ ОСТРОВ

В начале прошлого века блестящая петербургская публика, по словам Башуцкого *, ездилa на Крестовский остров, где под звуки двух или трех военных оркестров гуляла по очень широкой аллее, усыпанной красным песком и обставленной зелеными деревянными диванчиками; аллея эта шла вдоль берега Средней Невки до тони *, а на противоположном берегу

реки расположены были дачи: камергера Зиновьева, обер-егермейстера Л. А. Нарышкина (теперь на ней устроен лесопильный завод), супруга которого, Марья Антоновна, была красивейшею из женщин, и к ней благоволил Император Александр I.

За Нарышкинскою дачею находилась дача графа Ив(ана) Ст(епановича) Лавалья *, который, заметим, был французский эмигрант, начавший свою службу учителем в Морском кадетском корпусе. Дочь статс-секретаря Козицкого влюбилась в него и подала просьбу Павлу I о разрешении ей вступить с ним в брак, так как мать ее, наследница богатого купца, не соглашалась на это. Император Павел потребовал объяснений и на ответ вдовы Козицкой, что Лаваль не нашей веры и что у него маленький чин, дал такую резолюцию: «Он христианин, я его знаю, и для Козицкой чин у него весьма достаточный, а потому — обвенчать». Потом Лаваль во время пребывания короля-изгнанника Людовика XVIII в Митаве давал ему деньги, за что и был пожалован титулом графа. Дом Лавалья в Петербурге стоял рядом с Сенатом на Неве (теперь Полякова *, а ранее графа Борха, за которым была младшая дочь Лавалья) и славился роскошью и своими праздниками. Сам Лаваль умер в 1846 г., в чине д(ействительного) т(айного) сов(етника); единственный сын его застрелился в молодых годах, а старшая дочь вышла за князя Сергея Трубецкого, декабриста, и последовала за ним в ссылку. Лавальский парк сохранил до сих пор имя своего владельца, хотя давно уже принадлежит книгопродавцу Вольфу, но самый дом — дача сгорел несколько лет тому назад вместе с корсетною фабрикою, которая в нем помещалась.

Летом по воскресным дням эта аллея съезда haute volée ¹ становилась сборищем петербургских ремесленников-немцев, угощавшихся в обширном деревянном доме, где помещался трактир, находившийся на берегу Невы, как раз против дачи Зиновьева, близ которой был перевоз от Зелениной (т. е. Зелейной) улицы, так как в то время моста с Петербургской стороны на Крестовский еще не существовало, а против дачи Лавалья стояли летние деревянные катальные горы

¹ haute volée (фр.) — высокого полета.

(прототипом для которых была Каталня горка в Ораниенбауме), и с них беспрестанно слетали колясочки, на которых дамы помещались у кавалеров на коленях...

Кроме этого удовольствия немецкая молодежь находила истинное увеселение в Ritter-Spiel, т. е. рыцарской игре, состоявшей в следующем: возле трактира был построен павильон с 6-ью или 8-ью длинными горизонтальными окнами и крышею, в виде купола, которая имела также окошечки, дававшие свет в обширную круглую ротонду, вдоль стен которой находилось восемь столбов, а на них висели, сделанные из папки, арабские и турецкие головы в чалмах. Посреди же ротонды круглый пол или барабан, окруженный балюстрадаю; приводился в движение вместе с помещенными на нем шестью деревянными конями, на которых взбирались всадники из публики с пиками и саблями для снятия колец и рубки голов, одним словом, это была большая карусель. Но со временем все эти затеи были перенесены на другую сторону Крестовского острова в «Русский трактир».

В половине XVIII века, говорит Васильчиков, автор книги «Семейство Разумовских», Крестовский остров был пожалован императрицею Елизаветою Петровною графу Алексею Григ(орьевичу) Разумовскому (ранее он принадлежал царевне Наталье Алексеевне, а Анна Иоанновна подарила его Миниху), после смерти его перешел к брату его — Кириллу Григорьевичу, который по вступлении на престол императора Павла I, услыша ходившую молву, что все жалованные имения будут отобраны в казну, поспешил продать Крестовский остров князю А. М. Белосельскому * за 90 тысяч рублей, хотя на нем было одного лесу в то время на 500 тысяч.

Новый владелец Крестовского острова поселил несколько крестьян против Елагина острова и назвал это место «Чухонской деревней» *; в ней-то и явился «Русский трактир», особенно процветавший, когда в нем ходил по канату акробат Иосиф Вейнерт, прозванный простым людом «Оськой». Этот Вейнерт отличался смелостью, и для него на берегу Крестовского острова была построена башня с трамплином, с которой он, с гирями на ногах и факелами в руках, кидался

в воду и, пробыв в ней несколько секунд, снова показывался на поверхности воды, но уже в другом костюме и выделял разные штуки.

ЕЛАГИН ОСТРОВ

В царствование Николая I съезд аристократии на гулянье с Крестовского острова был перенесен на Елагин остров, который при основании Петербурга носил название Мишина острова и был подарен Петром I—Петру Пав(ловичу) Шафирову. Затем этим островом владел граф П. И. Ягужинский, от которого купил его Алексей Петр(ович) Мельгунов — сенатор, приятель поэта Державина.

В 1765 г., 26 июля, Екатерина II ездила в шлюпке на этот остров, который купил от Мельгунова директор императорских театров Иван Перфильевич Елагин, любимец Екатерины II, говорившей всегда о нем, что «Елагин — хорош без пристрастия».

Академик П. Пекарский *, говоря об Елагине острове, замечает, что в загородном доме Елагина приезжавшие могли заказывать его повару обеды и ужины. Елагин построил на острове в честь своих друзей много памятников, развалины которых на южной стороне в английском саду видны еще и теперь, а памятник в честь вице-канцлера, воспитателя В(еликого) К(нязя) Павла Петровича — Никиты Ив(ановича) Панина даже уцелел.

По смерти Елагина (умер в 1794 г.) его остров достался графу В. Г. Орлову, от которого его купил император Александр I для матери своей, императрицы Марии Феодоровны, памятником пребывания которой в Елагинском дворце * служит, в дворцовой церкви, запрестольный вышитый шелками образ Богородицы, собственноручной работы супруги Павла I.

После бракосочетания Николая Павловича с дочерью короля прусского В(еликой) К(няжной) Александрю Феодоровною, на следующий год, отец супруги Николая I прибыл в Петербург и император Александр I привез его в Елагинский дворец.

Под конец своего царствования Александр I приказал архитектору Росси перестроить Елагинский дворец для великого князя Михаила Павловича, но последний

по кончине Александра I получил Каменноостровский дворец. В Елагинском дворце любил жить со своею семьей весною и осенью император Николай I, и как только царская фамилия переезжала сюда, то на Невку приходили яхточки с кадетами Морского корпуса, которых, говорит в своих «Записках» воспитатель императора Александра II — Мердер, посещал и приглашал к себе во дворец будущий генерал-адмирал В(еликий) К(нязь) Константин Николаевич.

Съезд публики в то время на Елагинском острове сосредоточивался на площадке возле моста, где гауптвахта, караул на которой занимали всегда кавалергарды, стоявшие в Новой Деревне. Здесь вечером, вблизи каменной беседки, называемой розовым павильоном, играл оркестр кавалергардского полка, в котором, в числе музыкантов, отличался корнет-а-пистон — унтер-офицер Соловьев; по выслуге срока он был определен в оркестр Александровского театра *.

Вся знать собиралась на эти вечера, так как их иногда посещал Государь и Императрица с детьми, а появление тут жены банкира Гарфункель, фаворитки тогдашнего министра финансов, графа Е. Ф. Канкрина, производило некоторую сенсацию.

В своем «Описании Петербурга» Пушкирев говорит *, что 1-го и 22-го июля, в день рождения Александры Феодоровны и именин Марии Феодоровны, часть Елагина острова, идущая влево от моста, соединяющего его с Каменным, покрывалась палатками, столиками с самоварами, переносными трактирами, а в аллеях толпилась публика и тянулись ряды экипажей. Вдоль же всего берега размещались один подле другого катера, лодки и ялики. Блистательный фейерверк в начале 11-го часа вечера заключал эти праздники.

Старейший член яхт-клуба покойный Образцов, которого все звали «дядей», рассказывал, что 5-го сентября в день св. Елисаветы, храмового праздника кавалергардов, полк после обедни выстраивался перед дворцом; затем служили молебен, по окончании которого от императрицы Александры Феодоровны, как шефа полка, солдатам предлагался обед. В этот же вечер офицеры полка, в честь Государыни, устраивали серенаду, в которой участвовали оперные певцы и певицы, а на Каменном острове, против Елагинского

дворца располагался табор цыган с кибитками и лошадьми у горящих костров; вся эта живописная картина нет-нет освещалась бенгальскими огнями разных цветов.

ГАРНОВСКАЯ УЛИЦА И ДОМ ГАРНОВСКОГО

Гарновская улица тянется от первой роты до седьмой Измайловского полка, параллельно Измайловскому проспекту, а дом Гарновского на Фонтанке у Измайловского моста занят квартирами офицеров л(ейб)-г(вардии) Измайловского полка.

Но вряд ли многие петербуржцы знают теперь, кто был полковник Михаил Антонович Гарновский, фамилия которого сохранилась в названии улицы до сих пор.

«Гарновский,— говорит А. И. Тургенев *,— был чудо своего времени, говорил на восьми или девяти языках. Императрица Екатерина II его любила, уважала, отличала; Гарновский всегда, во всякое время, имеет право входить без доклада в кабинет к Государыне.

Князь Потемкин, фаворит сначала, потом истинный друг, единственный друг ее, был бескорыстным, нелицеприятным другом Гарновского; чтил, уважал в нем ум. познания и отличные качества души, любил его как брата».

Далее Тургенев рассказывает, что Гарновский приобрел великое богатство следующим образом. Он был послан Екатериною в Лондон увезти оттуда знаменитую по происхождению рода, богатству и красоте герцогиню Кингстон, которая оставила мужа своего и вела с ним процесс.

Развязка дела для Кингстон была очень неблагоприятна, ей предстояло протянуть шею под секиру палача. Герцогиня искала покровительства Екатерины II, которая, имея в виду, что защита авантюристки не оскорбит ее придворных дам, а с водворением в России Кингстон, она внесет с собою миллионное богатство, послала Гарновского в Лондон.

Кингстон влюбилась в Гарновского, и при помощи хитрого и прозорливого священника при тамошнем

нашем посольстве, Самборского, герцогиня Кингстон в сопровождении Гарновского бежала из Англии на корабле в Петербург.

Екатерина приняла Кингстон дружески. Русские вельможи и их жены усердно следовали в этом случае примеру, поданному им свыше. Все они, наперерыв друг перед другом, желали представиться герцогине и старались обратить на себя ее особенное внимание. Часто они приглашали ее к себе в гости, устраивая в честь ее блестящие праздники.

Когда герцогиня Кингстон заявила более близким к ней лицам о своем желании сделаться статс-дамою русского двора, то они заметили, что ей, как иностранке, прежде чем пустить в ход подобную просьбу, следует приобрести недвижимое имение в России. Обладая громадными денежными средствами, Кингстон через несколько недель купила на свое имя в Эстляндии у барона Фитингофа имение, за которое заплатила 74 000 серебряных рублей. Имение это, по родовой ее фамилии Чэдлей, было названо Чэдлейскими или Чудлейскими мызами.

Все шло превосходно. Но образованный, дальновидный Гарновский, друг Потемкина, удостоенный благорасположения и милостей Государыни, любимый страстно герцогинею, взглянул в балете на прелестную Матрешу и все позабыл на свете. Через день после того он увез танцовщицу в имение Потемкина на Неве, «Островки», в 40 верстах от Петербурга и там повенчался с Матрешей.

Таким образом он заплатил дань своему времени, о котором оставил любопытнейшие записки, напечатанные в «Русской старине» за 1876 г., где читаем: «Вследствии полученного фирмана, первая из серала рейхс-эфендия (Безбородко) наложница *, Мария Алексеевна Грекова, соизволила отправиться на сих днях в Москву, в препровождении козлер-аги (черный евнух) г. Рубахина (издателя первого описания С. -Петербурга Богданова *), казначея бывшего откупщика Лукина, и не малой свиты, помещенной в двух четырехместных и одной двухместной каретах. Впоследствии Грекова стала актрисою; портрет ее есть в словаре Д. А. Ровинского *, который почему-то сделал отметку, что сведений о Грековой не имеется.

Герцогиня Кингстон, потеряв своего возлюбленного, не захотела более оставаться в России и уехала во Францию, где не могла забыть любимого Гарновского и вскоре умерла, оставив состояние, по самой умеренной оценке, до 3-х миллионов фунтов стерлингов. Некоторую часть своего состояния Кингстон оставила тем лицам, с которыми была знакома в России, и, между прочим, завещала Императрице Екатерине драгоценный головной убор из бриллиантов и жемчуга.

Государыня приказала признать завещание герцогини Кингстон действительным для России, а Гарновский просил Екатерину, чтобы взамен назначенных ему по духовной герцогини денег 50-ти тысяч были ему отданы ее дом, находившийся у Измайловского моста, и участок земли, лежащий у Красного кабачка, на что и получил благоприятную резолюцию.

Получив дом, Гарновский решил его достроить на свой лад, и при затеянной постройке его соседом оказался поэт Державин, изливший свой гнев на Гарновского в стихотворении «Второму соседу», так как Г. Р. Державин «первым соседом» считал М. С. Голикова, с которым жил прежде рядом на Сенной площади.

Обращаясь к Гарновскому, поэт говорил:

«Почто же мой второй сосед
Столь зданьем пышным, столь отличным
Мне солнце застеняя свет,
Двором междуешь безграничным
Ты дому моему забор?
Ужель полей, прудов и речек,
Тьмы скупленных тобой местечек
Твой не насыщен взор?»

Дом Гарновского по своей величине и великолепию должен был быть самым обширным после Зимнего дворца, и его он рассчитывал продать Екатерине для которого-нибудь из ее внуков. Державин пророчески ему сулил недоброе:

«Бог весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,
Назначены тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратят!
За счастье поруки нету,
И чтоб твой Феб светил век свету,
Не бейся об заклад!»

И действительно в доме Гарновского потом был помещен Конно-гвардейский полк, а Феб-Потемкин вскоре умер, и Гарновский, заведя Таврическим дворцом, тотчас принялся вывозить оттуда в свой дом картины, статуи, по поводу чего тот же Державин писал:

«К чему ты с рвением столь безмерным
Свой строишь постоялый двор,
И, ах, сокровища Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?»

Этой строфой поэт намекал на то обстоятельство, что когда Гарновский стал опустошать Таврический дворец, то один из наследников кн(язь) Потемкина, генерал-прокурор Самойлов, остановил чрез полицию его своевольные распоряжения. Затем все кончилось благополучно, и Гарновский до кончины Екатерины спокойно владел домом и распоряжался Чудлейскими мызами.

Но, когда вступил на престол Павел Петрович, то 16-го июня 1797 г. генерал-прокурор кн(язь) А. Б. Куракин получил собственноручный указ Государя, в котором было сказано: «Повелеваем Вам дать ответ, почему указ наш об отобрании от полковника Гарновского имения покойной герцогини Кингстон не исполнен, и, отыскав виновных такового неисполнения, отдать непременно под суд, каковому подвергнуть и самого Гарновского». И прежде чем кн(язь) Куракин представил доклад по этому делу, тогдашний с.-петербургский генерал-губернатор граф Ф. Ф. Буксгевден писал ему: «В сходственность последовавшего мне Высочайшего повеления — исключенного из службы Гарновского прикажите посадить под караул в первой караульной и потом отошлите к генерал-прокурору для отдачи под суд — оный посажен и от здешнего коменданта барона Аракчеева к вашему сиятельству прислан быть имеет». С этих пор началась бедственная пора для Гарновского.

Дело его было кончено 14-го апреля 1798 г., и хотя относительно Гарновского не состоялось обвинительного приговора и он был выпущен из крепости, но очутился в бедственном положении, так как все дела его были расстроены, и его самого за долги посадили в городскую тюрьму, где он и оставался до вступления на престол Александра I.

ПЕТЕРГОФ — ЛЕТНЯЯ ЦАРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

ПЕТЕРГОФ ПРИ ПЕТРЕ I И ЕГО ПРЕЕМНИКАХ

Начало устройства Петергофа было положено Петром Великим вскоре после основания Петербурга. Около 1709 г. на петергофском побережье были построены — гавань и небольшой домик для Государя. Близость любимого Кронштадта была причиной, что Петр одновременно в 1711 г. начал постройку дворцов здесь и в устье Стрельны.

8-го февраля 1715 г. был нанят известный архитектор Жан-Батист-Александр Леблон. Конон Никитич Зотов, комиссар нашего адмиралтейства, бывший в Париже, предложил Леблону ехать сухим путем и сам привез его в Пирмонт для представления Петру. На начатых прежде приезда Леблона работах по сооружению Большого Дворца в Петергофе, осенью 1716 г. выступила грунтовая вода, заливая основание дворца и грота. Леблон, для сбора вод в верхнем и нижнем садах, устроил акведуки и вывел их из кирпича по сторонам грота с верха горы. Затем, исправив порчу, произведенную большою водою Самсонова канала, Леблон продолжал строить Петергофский дворец, но в 1719 г. он умер, сраженный оспой, и Петергофский дворец достраивал архитектор Браунштейн, строитель Кронштадтских сооружений, да и сам Петр наблюдал за постройкою дворца и устройством «плезирических садов» и фонтанов.

1-го августа 1720 г. Петр ездил верхом за 32 версты от Петергофа осматривать ключи, из которых Миних * предлагал Государю провести трубами воду для устройства фонтанов.

В 1721 г. Петергоф был уже благоустроенным загородным местом с двухэтажным дворцом, маленьким домиком в голландском стиле: «Монплезиром» и беседкой Марли, которую Петр называл «Мон вйюу». Работы по украшению садов еще не были закончены в это время.

До 1723 г. посещение Петергофа посторонними лицами позволялось только по особым приглашениям или разрешениям Петра I.

Берхгольц описывает в своем дневнике парадную поездку императрицы Екатерины I 7-го августа 1725 г. в Кронштадт и Петергоф с флотилиею яхт. 15-го августа Екатерина торжественно принимала членов только что учрежденной С.-Петербургской Академии Наук, в числе которых находились Николай и Даниель Бернули, Герман, Гольдбах, Делиль, Леонард Эйлер. Ряд пиршеств и иллюминаций продолжался несколько дней. 20-го числа Берхгольцу и другим лицам показывали в нижнем саду так называемый пирамидальный фонтан, «который имеет столько маленьких трубочек, сколько дней в году, и когда вода бьет из них, то принимает вид водяной пирамиды». Этот фонтан (в измененном при Павле виде) существует и поныне.

В 1729 г. юный государь, Петр II *, провел часть лета в Петергофе, куда был вызван строителем Ладожского канала, гр(афом) Минихом, руководившем государя при атаке небольшой крепости, построенной тут же самим Минихом, от чего Петр II был в необыкновенном восторге.

Любя страстно охоту, Петр II забавлялся ею в Петергофе, и его постоянною спутницей являлась 17-летняя красавица тетка Елизавета Петровна, к которой был очень расположен юный император. Болезнь кн(язя) Меншикова дала возможность Петру II пожить на свободе в Петергофе и решиться употребить все усилия, чтобы не возвращаться к нему в дом *. 3-го сентября 1727 г. Меншиков с необыкновенною пышностью праздновал в своем Ораниенбауме освящение домово́й церкви, причем занял место в виде трона, приготовленное для Петра II, который не поехал к Меншикову под предлогом нездоровья. На другой день, 4-го числа, Меншиков поехал в Петергоф, но мог видаться с Петром II лишь мельком, 5-го сентября в день именин В(еликой) К(няжны) Елизаветы Петровны, которой государь подарил все имения ее матери Екатерины I, в том числе и Царское Село. Петр рано утром уехал на охоту, а Наталия Петровна *, чтобы не встретиться с Меншиковым, выпрыгнула из окна Петергофского дворца и отправилась вслед за братом. 8-го сентября князь Меншиков был арестован.

Посетившая Петергоф в феврале 1729 г. леди Рондо писала * о нем следующее: «Дворец здесь

мал, расположен на холме, вышиною 60 футов, в расстоянии около полумили от моря. Долина между дворцом и морем покрыта густым лесом, который прорезан дорогами и аллеями, перемешанными водометами и фонтанами. Прямо от дворца проведен канал, изливающийся в море, на берегу которого видно много летних домов. Из дворца открывается вид на Кронштадтский порт и берег Финляндии; здесь можно найти некоторые хорошие картины, но сильно испорченные, по недостатку надзора».

Императрица Анна Иоанновна, любя охоту, приказала улучшить здесь зверинцы, для которых были привезены зубры, кабаны и белые олени из Олонца. Для кормления кабанов крестьяне собирали с дубов желуди, а дерев дубовых в Петергофском парке видно было не мало, так как набрали желудей 100 четвериков. На месте расположения нынешнего парка при Александрии, близ моря, на террасе была построена красивая беседка, называвшаяся «Темпем». Когда Анна Иоанновна хотела охотиться, то приезжала в эту беседку, около которой собирались охотники и придворные чины. По Петергофской дороге были тогда уже дачи; это видно из того, что в 1732 г. Анна Иоанновна, отправляясь в Петергоф 7-го июля, заезжала по дороге на дачу богача Германа Мейера, где предложены были ее величеству «для прохладения закуска и напитки».

В июне месяце 1741 г. капитан Полянский встречал французского посланника маркиза де Шетарди, который остановился в Петергофе в павильоне Марли.

В 1747 г. по приказанию Елизаветы Петровны к главному фасаду Петергофского дворца архитектор гр(аф) Растрелли пристроил флигеля, и вообще вся внешность здания получила один характер. В том же году начата была постройка дворцовой церкви во имя св. Апостолов Петра и Павла, которая освящена 9-го сентября 1751 г. Во флигеле, с противоположной стороны от церкви, построена купеческая зала, украшенная богатой позолотою.

Для помещения приезжающих осматривать Петергоф был построен трактир «с залою и четырьмя апартаментами», который позже сдавался в аренду за 80 руб., как свидетельствует о том публикация «С. -Петербургских Ведомостей».

В октябре 1752 г. наводнением разрушило в Монпельезе Иордань *, существовавшую со времен Петра I для празднования водосвятия 1 августа.

В 1759 г., во время летнего пребывания Елизаветы в Петергофе, были получены известия о победах, одержанных русскими над пруссаками при Пальциге и Кунерсдорфе *, и 22-го августа 28 прусских знамен, взятых в битве при Кунерсдорфе, внесены в Петергоф с особым торжеством, причем «ония знамена несены были в середине команды 80 мушкатеров солдатами на правом плече, подтоком вверх. Знамена касались концами к земле, и яко победительные волочены».

Петр III жил постоянно в Ораниенбауме, а его супруга Екатерина Алексеевна, домашняя жизнь которой наполнялась скукою и огорчениями, делила с ним свое одиночество.

По вступлении на престол Петр III все места от Петербурга до Петергофа раздарил своим любимцам.

ПЕТЕРГОФ НАКАНУНЕ ВОЦАРЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Лето 1762 г. Екатерина Алексеевна проводила в Петергофе. Бриллианщик Позье * в своих записках пишет: «Накануне того, как Петру III вздумалось устроить домашний спектакль, в котором сам захотел быть дирижером, а комедию разыграть должны были только придворные дамы и вельможи, он послал за мною курьера с приказанием мне отправиться в Ораниенбаум с раннего утра, так как для меня есть дело. Императрица в тот же день прислала мне сказать, чтоб я ехал к ней в Петергоф, что я исполнил, прежде чем отправился к императору, до которого нужно было проехать еще 3 мили. Было очень рано; горничная, к которой я обратился, объяснила мне, что Императрица еще спит и, вероятно, не встанет еще часа два, так как поздно легла. Я сказал горничной, что мне приказано явиться к Императору рано утром, что поэтому не могу дожидаться, а заеду на возвратном пути в город, за приказанием Императрицы». Петр III оставил бриллианщика Позье на комедию и тот не смел отказать.

«Я сел напротив сцены, под ложей, где сидела Императрица, в глубоком трауре; все другие дамы

сидели в ложах подле оркестра и игриво болтали с кавалерами. Император сел в самый оркестр, где играл на скрипке с музыкантами-итальянцами и несколькими из придворных. Я иногда взглядывал на Императрицу, которая казалась очень грустною и скучно смотрела на комедию. Она заметила меня и прислала ко мне своего пажа сказать, чтобы я по выходе из театра зашел к ней в покои, так как она хочет мне кое-что заказать. Я застал Императрицу сидящую на диване. Она сказала мне: «Позье, я сломала свой орден св. Екатерины, а так как у меня всего только один и есть, осыпанный бриллиантами, то я желала бы, чтобы вы его взяли с собою и поправили. У меня есть еще некоторые заказы вам, которые дам вам, когда вы мне привезете орден».

«Было 10 час. вечера. Я сказал ей: видно, ваше императорское величество сегодня не возвратитесь в Петергоф и будете ужинать здесь?»

— «Мне бы этого не хотелось,— отвечала Екатерина,— в Петергофе мне было бы веселее».

В три часа утра Позье был в Петербурге. «Проспав три или четыре часа,— пишет он,— я встал, забрал все, что нужно было везти,— у меня были почти все вещи всех придворных дам, которые дали мне их чистить и переделывать к празднику в Петергофе (дню тезоименитства Петра III). Я мог выехать только в 9 час. с вещами, при мне было их более, чем на 200 000 рублей, что я взял для Государя. Проехав половину дороги, я встретил одного гвардейского офицера верхом, который скакал в город во весь опор. Я опустил стекло в карете, чтобы посмотреть: это был один из моих знакомых. Он подъехал к моей карете, которую я остановил. Всадник сказал мне тихо, так, чтобы слуга мой не услышал: «Возвращайтесь прежде всего в город; вы рискуете. Сейчас похитили Императрицу через окно. Разве вы не встретили частной кареты, в которой везут ее в город. Все голштинцы по всем дорогам ищут ее. Говорю вам это как друг,— воротитесь как можно скорее в город». Всадник прищипорил лошадь и ускакал».

В своем рассказе Позье несколько ошибается. Так как 26 июня 1762 г. обед в японском зале Ораниенбаумского дворца и маскарад в опере заняли день; на

следующее 27 число — Петр и Екатерина ездили на праздник к старику гр(афу) Алексею Григорьевичу Разумовскому, в его имение Гостилицы близ Ораниенбаума.

Вечером в тот же день Петр и Екатерина разъехались каждый к себе. В этот день они виделись в последний раз в жизни. На другой день, 28 июня, в 5 часу утра, Екатерина, в сопровождении Алексея Орлова, горничной своей Ек(атерины) Ив(ановны) Шаргородской и камердинера Шкурина, оставила Петергофский дворец, села в частную карету, приготовленную Орловым, и уехала в столицу, прямо в казармы л(ейб)-гв(ардии) Измайловского полка.

В свое царствование Екатерина редко бывала в Петергофе, которого не любила.

ПЕТЕРГОФСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Воспитатель великого князя Павла Петровича — Порошин *, в записках своих говорит, что «приехавший из Петергофа Иван Перфильевич Елагин (директор театров) сказывал, как препровождали время за городом и как веселились. В Петергофе купались все в бассейне, что в Монплеzure, также и в море, от берега далеко ходили, и тоже по горло в воде были. Надобно знать, что все в платьях были. Государыня сама изволила начать оную забаву; ей последовали дамы и кавалеры. День был чрезвычайно жаркий. Фельдмаршал граф Петр Семенович Салтыков тут же купался и фуфлыга-богатырь (граф А. С. Строганов) был вымочен. Кроме вышеупомянутых дам были в свите ее императорского величества две фрейлины Панина и Штакельбергская».

В 1768 г., 8 июня, Екатерина писала из Петергофа графу Н. И. Панину: «Только без сердца видеть не можно, как все здесь запущено, хотя с 1762 г. я на то выдала 180 000 руб., а старый хрыч (Елагин) вместо того, чтобы чинить, чорт знает, что из тех денег делал».

В 1772 г. Екатерина сообщала госпоже Бьелке: «Я сегодня оставила мое любезное, мое прелестное Царское Село и отправилась в отвратительный, ненавистный Петергоф, которого я терпеть не могу, чтобы

праздновать там день моего восшествия на престол и день св. Павла. После этих слов Вы, может быть, захотите знать, откуда я Вам пишу? Милостивая Государыня, я, как школьник, выбрала дальнюю дорогу, отправляясь из рая в ад; я заехала в охотничий дом, где ночую эту ночь, а завтра буду в Петергофе».

В 1773 г. в Петергофе происходили праздники, 29 июня и позже, на которых присутствовала невеста великого князя Павла Петровича.

В записках швейцарского ученого И. Бернулли * находим описание придворного бала в Петергофе, на котором он в 1777 г. видел Екатерину II.

«Большинство было в домино (dominos). Между ряжеными другого сорта не было особенно богатых, ни чем либо особенно заметных. Многие были в костюмах отдаленных наций Российской Империи, и казалось, что свой маскарад они заимствовали из гардероба Академии Наук.

Внимательнее осмотрел я небольшое общество молодых женщин, появившихся в обыкновенном их одеянии, но прибывших из отдаленной и малоизвестной страны. Иные говорили, что они из Грузии. Вероятнее всего, те были правы, которые почитали их оставленною здесь семьею молдаванского князя Гики. У них было длинное, невинное лицо, чудные черные глаза, белый, отчасти желтоватый цвет лица, черные совсем гладкие волосы, спереди срезанные и через лоб висевшие, голова покрыта чем-то вроде низкого чепца. Их восточного богатого одеяния я не могу подробно описать. Их портреты, писанные по повелению императрицы, и почти готовые я впоследствии видел в Императорской картинной галерее».

Модное теперь «макао», оказывается, было в большом почете при дворе Екатерины.

«Довольно долго оставался я там,— говорит Бернулли,— где Императрица играла в макао, и я стоял прямо против нее. То было истинное наслаждение на нее смотреть. Шляпа, надетая не без зеркала, шла к ней бесподобно и придавала ей шаловливый и значительно моложавый вид. Она много говорила, и ее частая очаровательная улыбка всякий раз обнаруживала ряд красивейших зубов.

В игре были все кавалеры. Второй фаворит Кор-

саков (среднего роста и красивых черт лица, но типа обыкновенного), граф Иван Чернышев, фельдмаршал Салтыков, 4 и 5 других играли в макао: игра, в которую в Петербурге уже несколько лет теряют и выигрывают большие суммы. Дают всего три карты, как при берлане, и вы должны не переходить известное число очков. Игра эта проще, нежели берлан. Утром монархиня была в фиолетовом серебристом платье, теперь же цвета селадона, и оба раза то было обычное русское платье, которое она стала носить столько же по физическим, сколько по политическим причинам и которое ей было очень к лицу.

После игры Екатерина II надела на себя белое домино, маску и пошла прогуливаться, дав руку князю Ивану Чернышеву, через комнаты, где танцевали. Некоторые из ее камердинеров также были в масках, чтобы на случай, когда из нахальства или по неосторожности слишком приближались к закрытой богине, таковых отклонять знаками».

31 марта 1783 г. Екатерина писала из Петергофа тому же графу Панину следующие строки: «Граф Никита Иванович, из письма вашего от сего утра усмотрела я, что сын мой, слава Богу, здоров. Мое беспокойство, по причине сильной бури, миновалось; оно не без причины было, ибо великое число всяких разбитых судов нас здесь в Монплезире окружают, а я думала, что одна барка к нам в хоромы пожалует; людей же несколько потонуло, и один матрос нам в сем случае великое покорство к службе показал, ибо все сошли с судна, а он остался и потонул было, если б на берегу здесь его не откачали бы; корабль и галеры в добром состоянии сколь отсюда видно».

Екатерина жила в Монплезире, в построенном при Елизавете, но вновь отделанном для Екатерины каменном дворце. Спальню Великой Государыни показывают до сих пор в деревянной пристройке, где уцелела и ее кровать, но последняя заслуживает быть реставрированной. Строителем Екатерининского дворца, близ Монплезира, вероятно, был знаменитый придворный архитектор Джакомо Гваренги, который с 1781 г. сооружал в Петергофе дворец, названный впоследствии Английским.

Забытый в последние годы царствования Екатерины, Петергоф оживился с воцарением Павла Петровича, который летом 1797 г. пригласил в Петергоф, из Мраморного дворца, короля польского Станислава-Августа Понятовского и поместил его в Монплеzure в Екатерининском дворце; император Павел сам водил короля по Большому Петергофскому дворцу и показывал ему, между прочим, свой кабинет, единственную комнату из всего дворца, оставленную в том самом виде, как она была при Петре I, с тою же отделкою стен дубом и резьбою.

Бывший министр юстиции и баснописец Ив(ан) Ив(анович) Дмитриев в записках своих говорит: «Выход императора Павла из внутренних покоев для слушания в дворцовой церкви литургии предваряем был громогласным командным словом и стуком ружей и палашей, раздавшимся в нескольких комнатах, вдоль коих, по обеим сторонам, построены были фронтом великорослые кавалергарды под шлемом и в латах. За императорским домом следовал, всегда, бывший польский король Станислав Понятовский, под золотою порфирию на горностае, подол которой несом был камер-юнкером».

Особенно торжественно праздновался в Петергофе день тезоименитства императрицы Марии Феодоровны, 22 июля, когда весь Петербург пустел, направляясь в место царской резиденции.

По словам камер-пажа Дарагана, «туда манила петербуржцев не столько блестящая иллюминация, коль так незабвенный маскарад, хотя в нем не было ни одной маски, а в залах дворца можно было видеть вблизи всю Императорскую фамилию, которая, как и публика, имела на плечах домино или, так называемый, «венещиал».

В Петергофе, возле самого дворца, были еще пустыри и рощицы и на этих-то полянках табором располагалось петербургское население. Главным местом бивака служила просторная площадка против верхнего просторного сада. Кареты, коляски, телеги размещались на ней в живописном беспорядке. Возле экипажей готовили обед, пили чай. За каретами одевались дамы.

Представ в первый раз пред Государыней, Густав подошел к ней и хотел поцеловать ее руку, но Екатерина не допустила этого, сказав:

— Я никогда не забуду, что граф Гага — король.

— Если Ваше Величество,— ответил находчивый 18-летний король,— не желаете дозволить мне такой чести, как Императрица, то позвольте, по крайней мере, оказать эту честь, как женщине, к которой я исполнен не только уважения, но и удивления.

Словом, Екатерина после первого свидания с Густавом была от него в восхищении и говорила своим приближенным, что сама влюбилась в него. Впрочем, король нравился всем: он был вежлив, прост и обходителен, каждое слово его было обдуманно: он обращал внимание на серьезные предметы, и его расудительные разговоры казались даже несвойственными юношескому возрасту. Тот же Воронцов писал о нем следующие строки:

«Король говорит мало, ничего не скажет не кстати, голос его басистый и монотонный. Он пристрастен к военному искусству и желает подражать Карлу XII. С тех пор, как он в Петербурге, он еще ни разу не улыбнулся».

Совсем иное впечатление производил спутник короля, его дядя-регент, о котором гр(аф) Воронцов в письме к своему брату в Лондон писал, «что он смахивает на шарлатана, с игривостью ума соединяет манеры полишинеля, и это придает ему вид старого шалуна».

Кроме того, регент противодействовал предполагаемому браку и едва ли не затем только приехал в Петербург, чтобы наделать Императрице неприятностей.

Особенно Екатерина была оскорблена тем, что ее внучке предпочли некрасивую и горбатую дочь герцогини Мекленбургской. Посланному в июне 1796 г. из Стокгольма в Петербург с таким извещением графу Шверину было дано знать, что Государыня не желает его принять, почему он возвратился назад.

II

В это время в Петербурге стали готовиться к войне со шведами, но вскоре обстоятельства изменились, так как король, ссылаясь на нездоровье, стал просить ре-

гента отложить свой брак до его совершеннолетия. Это было, говорят, делом партии придворных, недовольных регентом и сочувствовавших России; эти люди распускали слух, что король заочно, по письмам и портрету, страстно влюблен в Великую Княжну Александру Павловну. И это, кажется, была правда, так как при первой встрече с невестой король покраснел, а на щеках Великой Княжны вспыхнул жгучий румянец и на глазах выступили слезы. Оба они смешались, застыдились и не могли промолвить друг другу ни одного слова, но Екатерина ободрила их, отрекомендовав взаимно жениха и невесту.

Через несколько дней после этого был дан обед для короля в Таврическом дворце, после которого Императрица вышла в сад и села на скамейку; возле нее присел и Густав. Остальное общество пило кофе в отдалении на лужайке. Король сказал, что, пользуясь этой удобной минутой, открывает ей свое сердце, и затем высказал, что чувствует непреодолимую любовь к ее внучке Александре, с которой желал бы вступить в брак.

Заявление это было по душе Екатерине, но она, тем не менее, напомнила Густаву о том затруднении, в какое он ставит ее и Великую Княжну, имея разом двух невест. Король согласился со справедливостью такого замечания, но просил Императрицу предварительно дать свое согласие на его предложение и хранить все дело в тайне.

Екатерина потребовала несколько дней на размышление.

19-го августа, на балу у графа Самойлова, тогдашнего генерал-прокурора, дом которого теперь занимает с.-петербургский градоначальник, король спросил, когда ее величество исполнит свое обещание. Императрица отвечала, что исполнит тотчас же, как только он освободится от своих обязательств с герцогинею Мекленбургской и что тогда она будет готова выслушать формальное его предложение.

После этого, разговор между ними перешел на другие предметы, и когда Екатерина встала, чтобы идти в большую залу, то Густав задержал ее, сказав:

— Как честный человек, я обязан теперь же объявить, что основные законы Швеции требуют, чтобы королева исповедывала одну религию с королем.

— Мне известно,— ответила Императрица,— что законы в Швеции были чужды веротерпимости в начале введения там лютеранства, но впоследствии покойный король, ваш отец, издал, при участии самих лютеранских епископов, новый закон, который дозволяет всем, не исключая и короля, вступать в брак с невестой, исповедующей ту религию, которую она найдет подходящею.

Не отвергая этого, Густав выразил опасение, чтобы умы его подданных не взволновались против него.

— Вашему величеству лучше знать, как следует поступать,— заметила Екатерина и медленно вышла в большую залу.

Вопрос о разности будущей четы стал беспокоить Екатерину; что касается отказа сопернице ее внучки, то насчет этого она была спокойна, так как писала Гримму * следующие строки: «Говорят, будто курьер уже готов отправиться с формальным отказом к принцессе Мекленбургской. Прежде этого я, конечно, не могла и слышать о предложении. Но нужно сказать правду: он не может скрыть своей любви. Молодой человек приехал сюда грустный, задумчивый, смущенный, а теперь его не узнать; весь он проникнут радостью и счастьем».

Балы, дававшиеся в Петербурге в честь короля, служили местом сближения жениха и невесты. Во время танцев они постоянно составляли одну пару и могли говорить без надзора.

Богачи-вельможи: Орловы, Безбородко и Строганов, бывшие несравненно богаче самого Густава, которого Екатерина называла «goitelet» — королек, подсмеиваясь над его пышностью, задавали жениху роскошные пиры. Высшее общество того времени веселилось, и престарелая Екатерина, казалось, от радости помолодела на несколько лет.

Она ездила на эти балы, но так как была уже слаба ногами и с трудом могла подыматься на лестницы, то в тех домах, где давались балы, устраивали вместо лестниц покатые, богато отделанные всходы. Граф Безбородко, изумивший короля необыкновенной роскошью своего дома (на Гагаринской набережной, теперь А. Г. Елисеева *) и богатством своей обстановки, на устройство одного только такого всхода истратил 5000 руб.

Кроме балов, короля потешали фейерверками, над изготовлением которых хлопотал один из искуснейших пиротехников, генерал Мелиссино.

Угощали также Густава смотрами и парадами войск, не забыты были и спектакли, причем случился следующий курьез. Назначили к представлению балет: «Обманутый опекун», но Императрица отменила представление этого балета, который мог бы показаться намеком на королевского опекуна, герцога Зюдерманландского.

III

Дело шло к концу, и Императрица, довольная сватовством, пожаловала французу-швейцарцу Кристину, негласно занимавшемуся этим делом, 300 душ крестьян и чин надворного советника. Этот Кристин, говорит Дризен *, автор статьи «Густав IV и Великая Княжна Александра Павловна», принадлежал к числу исключительных натур, которые одновременно обладают и необыкновенным даром слова, обширными познаниями и громадным навыком в сложных дипломатических поручениях.

Державин принялся сочинять стихи и написал хор, который предполагалось исполнить при обручении царственной четы. Начинался этот хор так:

«Орлы и львы соединились,
Героев храбрых полк возрос,
С громами громаы породнились,
Поцеловался с шведом росс».

Упоминая об орлах и львах, поэт намекает на соединение двух государственных гербов — России и Швеции.

Каждый куплет этого хора оканчивался припевом:

«Сияньем Север украшайся,
Ликуй Петров и Карлов дом,
Екатерина, наслаждайся
Сим главным рук твоих плодом».

На втором балу, бывшем у графа Самойлова, 26 августа, Великая Княжна подседа к своей матери и сказала, что она сейчас говорила с отцом, который дал ей свое благословение, и просила мать сделать то же.

«День, назначенный для обручения Александры

Павловны, был,— говорит Массон *,— днем величайшей скорби и величайшего унижения, когда-либо испытанного счастливою Екатериною».

Великую Княжну одели как невесту, на ней, по замечанию придворных остряков, в этот вечер было столько бриллиантов, что ценность их далеко превышала стоимость государственных имуществ шведской короны. В сопровождении младших сестер и великих князей с их супругами, она вошла в тронную залу, где находился весь двор, а также Павел Петрович и Мария Феодоровна. Сопутствуемая блестящею свитой, вошла туда и Екатерина, лицо которой выражало удовольствие и радость.

Пробило восемь часов, затем девять, а жених не являлся.

Все томились в ожидании и роптали, говоря, что «мальчишка» позволяет себе неслыханную дерзость...

Был уже десятый час на исходе, когда совершенно растерявшийся Зубов подошел к Екатерине и что-то таинственно шепнул ей на ухо. Быстро встала Императрица с кресла. Лицо ее сперва побагровело, а потом сделалось вдруг мертвенно-бледным... Заикаясь, она с трудом проговорила несколько бессвязных слов и без чувств опустилась на пол. Объявили, что обручения не будет по случаю внезапной болезни короля, но все догадались, что это только предлог, объявить же истинную причину найдено было неудобным.

Все обрушилось на Маркова *, который, желая перехитрить, не настаивал на предварительном подписании брачного договора, рассчитывая, что гораздо вернее можно достичь цели, застав короля врасплох.

IV

Неприезд Густава объяснился следующим образом: в 6 часов рокового вечера, 11 сентября, граф Марков привез королю брачный договор, составленный вместе с графом Зубовым. Густав, читая внимательно представленную ему бумагу, был крайне удивлен, найдя в ней такие статьи, на которые он не давал предварительного согласия.

Обратясь к Маркову, он спросил, внесены ли эти статьи по приказанию Императрицы, и, получив утвер-

дительный ответ, сказал, что не может подписать такого договора; причем, однако, заметил, что не намерен стеснять свободу Великой Княжны, что сама она может исповедовать свою религию, но что он не в праве дозволить ей иметь в королевском дворе церковь и причт и что, кроме того, во всех церемониях она должна следовать вероисповеданию, государствующему в стране.

Наши сановники, а также и лица свиты Густава склоняли его к уступкам, король отвечал:

— Нет, нет, не могу, не хочу! Не подпишу! — И выведенный из терпения просьбами, удалился в свою комнату и запер за собой на ключ дверь.

Раздраженная Екатерина в самых оскорбительных выражениях вылила свой гнев на Маркова за его оплошность и дала, говорят, ему пощечину, а по другим рассказам, ударила его своею тростью.

V

14 и 15 сентября прошли в переговорах, не подвинувших дела вперед. 20 сентября, в день рождения Павла Петровича, шведы выехали из Петербурга.

О расстройстве брака Державин 6 октября писал в Москву Ив. Ив. Дмитриеву: «Здесьние шумные праздники исчезли как дым. По сию пору не знаем, что будет вперед, а потому все громаы поэтов погребены под спудом, потому и я мою безделицу не выпускаю, аще же вознесет благодать, придет желанный брак, то я тотчас же вам сие сообщу». Но «желанный брак» не состоялся, и пиит пустился на хитрость. Он переделал несколько хор, сочиненный на обручение Александры Павловны, и в 1808 г. напечатал его в собрании своих сочинений, под заглавием «Хор на шведский мир 8 сентября 1790 г.».

По отъезде короля переговоры о браке продолжались. Упсальский епископ Троил совещался с консисториею, которая поставила решение, согласное с видами Екатерины. Но выехавший из Стокгольма 5 ноября Клингспорр не застал уже в живых Императрицу, почему письмо им было вручено Императору Павлу. Завязались снова переговоры о браке. Император Павел отправил в Стокгольм с извещением

о вступлении своем на престол графа Ю. А. Головкина, которому поручено было повести официально дело о браке.

Но на беду государственный канцлер Спарре и другие вздумали также склонять Густава к браку, что возбудило противоречие и упрямство в короле, и он вдруг заявил Головкину, что «не согласен жениться на княжне греческого вероисповедания». Павел прислал Головкину повеление выехать из Стокгольма, а Клингспорру предложено было оставить Петербург; этим и окончились долголетние переговоры.

VI

31 октября 1797 г. Густав IV сочетался браком с принцессою Гессенскою Фридерикою, старшею сестрой супруги Александра Павловича — Елизаветы Алексеевны, с которою приезжал в Петербург. Благодаря этому родству, Густав IV в 1800 г. посетил Петербург, где заключил договор с Россиею и Даниею против Англии, стеснявшей торговлю северных держав. Два года спустя тот же Густав IV был союзником Англии, получая от нее субсидию, и пропуском английского флота в Зунд способствовал бомбардировке почти беззащитного Копенгагена. Свое пребывание в Петербурге Густав ознаменовал рядом бестактностей. Так, сидя в Эрмитаже рядом с Павлом Петровичем, Густав, смотря на балет «Красная шапочка», шутливо заметил Государю:

— А вот и якобинская шапочка!

— У меня нет якобинцев! — возразил взбешенный Император и с этими словами встал и повернулся к королю спиной, а после спектакля приказал передать ему, чтобы он в 24 часа выехал из Петербурга. Мало этого, Павел приказал генералам не провожать его до границы, отменил подставы, заготовленные на пути, и даже вернул придворную кухню.

Посланный с последним приказанием гоф-курьер Крылов посовестился в точности исполнить приказание Государя и, вернув поваров и прислугу, оставил там съестное.

— Ты хорошо сделал, — сказал Павел Петрович Крылову, — ведь не морить же его голодом.

Невеста Густава, Александра Павловна, вышедшая замуж за сына австрийского императора Леопольда, эрцгерцога Стефана, который в 1796 г. был сделан венгерским палатином, т. е. верховным правителем Венгрии, скончалась год спустя после своего замужества в 1801 г., на 19-м году жизни.

ОДИН ГОД ИЗ ЦАРСТВОВАНИЯ ПАВЛА I

1800 год был очень характерным для царствования Павла Петровича.

Гулянье 1 мая 1800 г. происходило на Невском проспекте, так как Екатерингоф Павел I подарил княгине Гагариной, урожденной Лопухиной *. В этот день, по приказанию Императрицы Марии Феодоровны *, воспитанницы институтов были привезены в дом графа А. С. Строганова * (у Полицейского моста), из окон которого смотрели на гулянье.

3 мая из Адмиралтейства, которое тогда еще было окружено рвом и валом, на котором со стороны Зимнего дворца развевался флаг ордена св. Иоанна Иерусалимского, водруженный здесь 1 января 1799 г., спускали три фрегата: «Михаил», «Эммануил», «Св. Анна» и корабль «Благодать». Первые три сошли со стапелей хорошо, а корабль застрял. Молодой князь Меншиков *, будущий морской министр, сказал: «Анна» сошла славно, а «Благодать» велит себя подождать». И действительно, корабль этот был спущен лишь 1 августа 1800 г.

17 июня была торжественно освящена архиепископом могилевским Сестерженцевичем * католическая капелла, построенная при дворце ордена св. Иоанна Иерусалимского, в бывшем доме гр(афа) Воронцова, где ныне Пажеский корпус *. Капелла эта существует и теперь и называется католическою Мальтийскою церковью.

Спустя несколько дней по освящении капеллы, 23 июня, после полудня, собрались в орденском дворце все находившиеся в Петербурге командиры и кавалеры мальтийского ордена. Обширный двор был усыпан песком, а в середине его симметрически расставлены девять костров, увешанных гирляндами и назначенных к сожжению, по обычаю ордена, накануне Иванова дня.

В 7 часов вечера обер-церемониймейстер ордена граф Ю. А. Головкин * открыл шествие. Члены орденового совета несли в руках длинные восковые свечи. Выйдя из главного подъезда дворца, шествие медленно обошло костры три раза и потом разместилось кругом. Члены совета зажгли костры. Намазанные скипидаром, костры быстро вспыхнули ярким пламенем. Клубы дыма живописно поднялись и вились в воздухе, являя красивую картину. По сторонам двора, за рогатками, стояли сотни зрителей, а на улице, за железной решеткою, да на галлерее Гостиного двора толпились тысячи народа.

8 ноября Павел I «шествовал» из Зимнего дворца для освящения Михайловского замка (ныне Инженерный), где и обедал со своим семейством. История сооружения этого замка такова: поддаваясь мистическому настроению, Павел I, услыша рассказ, что при восшествии его на престол часовой, стоявший у Летнего дворца, в котором Государь и родился, видел видение св. Архангела Михаила, тотчас решил построить в честь Архангела дворец, который носил бы имя этого святого. Проект для Михайловского замка был составлен любимцем Павла I, знаменитым зодчим Вас(илием) Ив(ановичем) Баженовым * (умер в 1799 г.), которого в 1792 г. Государь, будучи еще великим князем, вызвал в Петербург из Москвы, где он по повелению Екатерины II делал модель для дворца в Кремле, и сделал своим архитектором.

По вступлении на престол Павел пожаловал Баженову 1000 душ крестьян, произвел из коллежских советников прямо в действ(ительные) ст(атские) сов(етники), наградил орденом св. Анны 2-ой степени с бриллиантами, значительным жалованьем и званием вице-президента Академии Художеств.

Образцом Михайловского замка служил Генуэзский дворец. Постройка замка была начата под личным руководством Баженова в 1796 г. *, а 27 февраля 1797 г. происходила торжественная закладка в присутствии Государя.

...Описание внутренней отделки замка сохранил Коцебу *, но внешний вид замка совсем не представляет нам того, что было при его отделке, когда на всех фасадах красовались мраморные статуи, позолоченные

вазы и другие фигуры, служащие теперь к украшению различных дворцов.

Пимен Абрамов в своей «Летописи русского театра» * рассказывает, что Н. С. Краснопольский перевел написанный для сцены вышеупомянутым Коцебу исторический анекдот: «Лейб-кучер Петра III», который шел на сцене 26 августа 1800 г. и имел большой успех. В пьесе этой замечателен был разговор столяра Лебсрехта с царским кучером Дитрихом:

— Как, Государь снял перед тобою шляпу?

— Да, он кланяется всем честным людям. Государь мне кланялся.

Актер Крутецкий играл лейб-кучера, а столяра — Рыкалов; эта пьеса долго не сходила со сцены. Она очень понравилась Павлу, и переводчик получил драгоценный перстень; в то же время Государь повелел возвратить из Сибири Коцебу, который был обвинен в сочинении политической драмы «Граф Бенъевский».

Вообще Павел особенно чтит память своего отца — Петра III, и в книжных магазинах, как видно из публикаций того времени, продавались эстампы: 1) «Гравюра, представляющая принятие императора Петра III в Елисейских полях Петром Великим», и 2) «Вырытие тела Императора Петра III».

По словам записок графини Головиной *, Павел I поселился окончательно в замке 1 февраля 1801 г. и был так доволен, что осуществил свою мечту, что воспользовался последними днями Масляницы, чтобы ознаменовать свой переезд в замок великолепным балом.

А графиня София Дм(итриевна) Строганова (рожденная кн. Голицына) рассказывала Плетневу *, что Павел I, переселяясь в Михайловский замок, считал себя уехавшим из Петербурга, с которым сносился не иначе, как через почту, как бы живя в Гатчине или Павловске.

За неделю до освящения Михайловского замка, т. е. 1 ноября 1800 г., был издан Павлом Петровичем указ, по которому всем уволенным или исключенным из службы офицерам разрешалось опять вступить в нее, если только они не были осуждены по приговору суда. Но всем уволенным повелено было лично явиться в Петербург; последнее обстоятельство приводило

в отчаяние тех людей, которые, уже впад в нужду, должны были совершить путь в 2000—3000 верст до столицы, чтобы потом пройти, может быть, столько же до назначенных им полков. По дорогам тащились к Петербургу офицеры пешком или влекомые клячами, а многим приходилось просить и милостыню.

Виновником всего этого был граф Пален *, вкравшийся в безграничное доверие Кутайсова, бывшего брাদобреля Павла Петровича, который не покидал своего занятия и в обер-штальмейстерском мундире, оставаясь холопом в полном смысле слова; набивавшего свои карманы и выгодно пристраивавшего своих дочерей за знатных бар. Английские чины текли обильно также в руки Палена и других единомышленников его чрез приятельницу английского посла в Петербурге Витворта — О. А. Жеребцову, сестру прощенных, по просьбе Кутайсова, друзей Палена: князя Платона и графов Николая и Валериана Зубовых *.

Генерал-прокурор Оболянинов исходатайствовал у Павла, чтобы милость, явленная военным, распространена была и на гражданских чиновников.

Многие из уволенных снова поступили на службу, как, например: гр(аф) Вильегорский, кн(язь) Куракин, кн(язь) Волконский, кн(язь) Долгорукий и др.

В ноябре же месяце гнев Павла I на «вероломную» Англию дошел до крайних пределов, когда англичане захватили остров Мальту. Высочайшим указом от 22 ноября 1800 г. повелено было наложить секвестр на все английские товары в магазинах и лавках. Сверх того, был приостановлен англичанам платеж всех долгов. Наконец, на основании высочайше утвержденного доклада коммерц-коллегии была учреждена ликвидационная комиссия для долговых расчетов.

«Двукратное эмбарго, — писал наш посол в Англии С. Р. Воронцов, — захват книг в английских конторах, арест, наложенный на их имущества, задержание экипажей с английских кораблей, позорный грабеж имущества людей, высаженных с их судов, незаконные решения комиссии, так называемой по ликвидации, которыми англичане присуждались без всякого доказательства к уплате ничем не доказанных претензий — все это было беспримерно». Мало этого, несправедливый гнев Павла I достиг до того, что он даже

запретил известить сен-джемский двор о рождении великой княжны, дочери Александра Павловича, когда даже прямо враждующие державы всегда извещают друг друга о всех семейных радостях и печалях своих государей.

«В это время,— говорит Гейкинг *,— Павел сблизился с Бонапартом, предложившим ему остров Мальту и возвращение русских пленных (с генералом Германом, взятым при неудачной русско-английской экспедиции в Голландию). Граф Караман, которого Людовик XVIII, живший в Митаве *, отправил посланником в Петербург, был внезапно выслан оттуда. Король, вообразив, что этот министр чем-нибудь не понравился Государю, счел за лучшее написать Павлу Петровичу, спрашивая его, чем Караман так ему не угодил, что он наказал его изгнанием. Это письмо окончательно рассердило Павла, и генерал Ферзен получил от генерал-губернатора Петербурга графа Палена письмо, в котором было сказано: «Сообщите Людовику XVIII, что Государь советует ему отправиться к своей супруге в Киль». Это было на второй день нового 1801 г.

ЛЕБЛОНОВ ПЕТЕРБУРГ

Державного основателя Петербурга заботила мысль о наилучшем устройстве вновь созданного им города. Ему хотелось, чтобы Петербург был лучшим городом Европы, чтобы он был «парадизом» не для одного Петра, но и для всех жителей.

Бывшие в Петербурге инженеры и архитекторы не годились для такого дела, и пришлось искать опытных строителей за границей. Вызванный в 1703 г. из Копенгагена Доминик Трезини оказался заурядным архитектором, а Петру хотелось иметь и в строительном деле такого же новатора, как он сам. Георгий Матарнови * был не лучше Трезини, а приглашенный на царскую службу знаменитый строитель берлинского королевского замка Шлитер умер в дороге от моровой язвы.

Наконец, человек, какого было нужно царю, нашелся и поступил в русскую службу. Французский архитектор Жан-Батист-Александр Леблон 8 (19) февраля

1716 г. заключил с Петром в Пирмонте пятилетний контракт и отправился в Петербург к Меншикову с царскою запиской.

«Доносителя сего, Леблона,— писал царь,— примите приятно и по его контракту всем довольствуйте». В той же записке предписывалось «князю Ижорскому» (Меншикову) объявить всем архитекторам, «чтобы без его (Леблона) подписи на чертежах не строили».

Появление талантливого «генерал-архитектора» было, конечно, не по сердцу всем другим: начались интриги, и указ Меншикова, «чтобы онаго Леблона были послушны», остался пустым звуком. Особенно враждовал с Леблоном скульптор Бартоломео Растрелли (отец знаменитого архитектора). Он подсылал даже своих слуг для нападения на Леблона.

Дошло до того, что как-то раз из дома Растрелли выскочили солдаты, бросились на экипаж Леблона и начали резать упряжь. «Генерал-архитектор» с помощью своего переводчика Михея Ершова прогнал их. Солдаты явились снова и даже обнажили шпаги...

Работа у Леблона закипела: он составил проект разбивки Летнего сада, открыл литейные, слесарные и резные мастерские, строил дворец в Петергофе, поднял затонувший военный корабль, открыл первую в России архитектурную школу...

Но главной работой Леблона было составление проекта Петербурга по идее самого Петра.

«Леблов Петербург» был проектирован с замечательною для начала XVIII века обдуманностью и красотой.

По проекту Леблона, подробно описанному в «Журнале Путей Сообщения» 1869 г., город, прорезанный сетью каналов и защищенный тройным кольцом укреплений, был расположен на Васильевском острове (от Биржи до Смоленского поля), на нынешней Петербургской стороне (от Малой Невки до Карповки) и в материковой части (от Невы до Екатерининского канала).

Городская территория имела, по проекту, очертания овала и была укреплена почти до полной неприступности, с приспособлениями для потопления неприятеля, на случай, если бы он овладел переднею линией укреплений.

Центр города, на Васильевском острове, приблизительно на углу 12-й линии и Среднего проспекта, занимал царский дворец, а вокруг него были дома вельмож и суды. Каждой национальности отводился особый квартал с церковью на круглом островке среди каналов, шириною в 6—12 сажен.

Рынков было проектировано Леблоном 7 (? — М. Ф.) : 4 на Васильевском острове и по одному на Петербургской стороне и на Мойке; мостов 3: на месте нынешних Дворцового и Биржевого и от Летнего сада на Петербургскую сторону. В устье Невы на Васильевском острове был устроен скотопригонный двор и на воде «битейный двор» (скотобойни). Кругом города, за линией укреплений, располагались огороды «со всякими потребками», госпитали и кладбища.

Ничего не было забыто Леблоном: и здание «академии всех искусств и ремесл», и триумфальная колонна, и памятник Петру — все это значилось на плане «Леблонова Петербурга». Было даже и «Марсово поле», только на Васильевском острове.

Продуман был этот «идеальный» Петербург до мелочей: землю при рытье каналов предполагалось употребить на возвышение петербургской почвы, на каждой улице у рогаток ставились пожарные насосы, во дворах домов — колодцы и цистерны, в каждой части города — школы, места для биржи, ярмарки и даже казни.

Но происки и интриги Меншикова, наученного завистливыми соперниками «генерал-архитектора», не допустили проект Леблона до осуществления, тем более, что в 1719 г. Леблон умер, а с его смертью заглох и вопрос об устройстве Петербурга с каналами, как в Амстердаме и Венеции.

Штелин рассказывает *, что по возвращении из-за границы, Петр, осматривая Васильевский остров, заметил, что улицы и каналы, устроенные во время его отсутствия, очень узки и как будто даже уже каналов и улиц в Амстердаме, взятых за образец при планировке Васильевского острова.

Не доверяя, однако, своему глазу, царь поехал к голландскому резиденту Вильде, чтобы переговорить об этом. У Вильде оказались планы Амстердама, по которым легко было измерить ширину каналов.

На шлюпке, вместе с Вильде, Петр отправился

вымерять ширину василеостровских каналов. Они действительно оказались чрезвычайно узкими, так что каналы вместе с набережными едва соответствовали амстердамским каналам.

— Все испорчено,— гневно крикнул царь и уехал во дворец.

Впоследствии он не раз осматривал остров, печалуюсь, что задуманная им планировка города погибла.

Однажды, как рассказывает Нартов *, взяв с собою Леблону, он осматривал с ним остров, сверяясь с чертежами: ошибок было очень много.

— Что делать надлежит при таких упущениях? — спросил царь.

— Все скрыть, сломать, построить вновь и прорыть каналы,— ответил Леблон.

Снова разгневался Петр и, возвратившись во дворец, послал за Меншиковым, которому было поручено наблюдение за стройкой и планировкой острова.

— Василия Корчмина батареи лучше распорядены были на острове,— кричал Меншикову царь, хватая его за кафтан,— нежели под твоим смотрением нынешние строения здесь. От того был успех, а от этого убыток невозвратный... Ты безграмотный! Ни счета, ни меры не знаешь... Чорт тебя побери с островом,— и в гневе Петр вытолкнул Меншикова за дверь.

Но гнев царя скоро прошел, и он кротко говорил:

— Я виноват сам. Это не дело Меншикова: он не строитель, а разоритель городов...

Но Петр не скоро расстался все-таки с мыслью о Венеции или Амстердаме на Васильевском острове...

Посланник Мардефельд * в своих донесениях 1721 г. пишет еще о слухах, будто город будет перенесен на Васильевский остров, но слухи эти не оправдались. Васильевский остров долгое время оставался пустынным, а в материковых частях города дома вырастали один за другим.

ЛЕТНИЙ САД ПРИ ПЕТРЕ

В Петрово время Летний сад был одною из диковинок юного Петербурга. Иностранцы им восхищались, русские дивились «безмерно». И действительно, люби-

мое детище Петра — Летний сад составил бы честь своему строителю и украсителю даже в наши дни.

Летний сад при Петре был гораздо больше нынешнего *, он тянулся от Невы и до нынешней Инженерной улицы. От Невы и до той аллеи сада, от которой теперь начинаются статуи, сад был исключительно цветочный; от статуй и до Мойки был так называемый «второй сад», а от Мойки до Инженерной ул.— «третий», фруктовый. Разводил сад ганноверский садовник Фохт.

В «первом» саду, на берегу Невы, кроме существующего и поныне Летнего дворца, стояли три открытые галереи, служившие буфетом в дни торжеств. В средней галлерее помещалась античная статуя Венеры (ныне Венера Таврическая Эрмитажа). Эта статуя не без хлопот досталась Петру: она была куплена по приказу царя Кологривовым в Риме, в 1718 г., но ее конфисковали для Ватикана, и лишь через год папа Климент IX, по настояниям кардиналов Оттобони и Либани, предложил ее Петру в «подарок». Петр настолько дорожил статуей, что при ней всегда находился часовой для охраны этого дивного паросского мрамора от суетных помыслов зрителей.

От средней галлерей по саду шла широкая аллея, на которой были расположены фонтаны. У первого фонтана на «Дамской» площадке * сидела обыкновенно царица с придворными дамами, а у второго — сам Петр.

Эти фонтаны не дешево стоили в свое время. Вода для них была проведена трубами из Лиговки к мазанковой водоподъемной башне, стоявшей на Фонтанке, где нынешний Пантелеймоновский мост; а оттуда расходилась по трубам к фонтанам и каскадам Летнего сада.

Направо от главной аллеи «первого» Летнего сада был устроен птичник и зверинец. Здание птичника в виде индийской пагоды *, разукрашенное резными орнаментами, построил в 1718 г. «генерал-архитектор» Леблон. В птичнике была диковинная по тем временам клетка громадной величины со стоявшими в ней деревьями, по веткам которых порхали птицы. Орлы, черные аисты, редкие голуби и журавли привлекали в птичнике внимание любопытных. Но всего интереснее были,

по описанию Берхгольца *, очень большой еж, с белыми и черными иглами до 11 дюймов длиною (вероятно, дикообраз), синяя лисица и соболя.

Налево от главной аллеи был небольшой пруд с беседкой * посередине. Сюда на лодке привозил веселый царь своих гостей и там напайвал их венгерским. Лодка обыкновенно уезжала от беседки тотчас же, как высаживались гости, и спастись от «Большого орла» можно было разве вплавь. Кругом пруда стояли маленькие домики — жилища ручных гусей и уток. Был здесь и маленький кораблик, на котором плавали царские карлики.

На берегу Фонтанки в 1718 г. был построен изящный, украшенный раковинами грот, в который была перенесена Венера и другие купленные Петром античные статуи. Близ грота были расставлены свинцовые фигуры, олицетворявшие эзоповы басни. Около каждой фигуры в рамке и на жести красовались текст басни и объяснение «аллегории». Эти фигуры и объяснения давали повод ко всевозможным шуткам и остроумам. Кроме грота такие же фигуры были расставлены по всему саду с маленькими фонтанчиками. Всего их было более шестидесяти.

О происхождении этих фигур сохранился, между прочим, следующий анекдот. Петр Великий, осматривая с садовником — «бау-директором» работы, сказал ему:

— Я бы желал, чтобы посетители сада находили в нем и что-либо поучительное... Как бы нам это сделать?..

— Не знаю, как иначе,— отвечал «бау-директор»,— разве изволите приказать книги положить на скамейках и прикрыть оные от дождей...

— Ты почти угадал,— с улыбкой подтвердил царь.— Только с книгами в публичном саду не очень ловко будет. Лучше эзоповы басни в лицах по саду расставить. Сообрази-ка, где их лучше расставить нам.

Во «втором» саду находился уцелевший и донныне пруд *, обнесенный в то время изящною галлереей, в которой собирались по праздникам петербуржцы.

В «третьем» саду, разведенном уже в 1717—1719 гг., на месте Инженерного замка стоял деревянный Летний дворец, изукрашенный разноцветными вызолоченными орнаментами по рисункам Леблона. Этот дворец

был довольно обширен и имел при себе церковь во имя св. Троицы, сооруженную Екатериной I. Когда в 1750 г. построенный Петром Троицкий собор на Петербургской стороне сгорел, на его место была перенесена церковь Летнего дворца с прибавкой к ней купола и колокольни. Эта церковь — единственный уцелевший остаток третьего Летнего дворца *.

В Летнем саду, кроме сохранившегося и поныне царского домика и уничтоженного в середине минувшего столетия грота, была еще одна каменная постройка — дворец Екатерины I *, стоявший в углу Невы и Лебяжьего канала, против дворца принца Ольденбургского *.

В Летнем дворце до половины XVIII века сохранялось написанное на половинке дверей масляными красками изображение солдата с ружьем в руке, защищающего вход в царскую токарню. Картина эта была написана придворным живописцем, и вот по какому случаю.

Однажды Петр, засев за токарный станок, велел часовому никого не пускать к нему. Явился Меншиков, и когда часовой не хотел его пустить, вступил с ним в перебранку и, наконец, оттолкнул часового. Тогда верный страж приставил к груди «князя Ижорского» свой штык и закричал:

— Отойди, не то приколю на месте...

Петр, услышав шум, отворил дверь, и Меншиков пожаловался ему на ретивого часового. Но когда тот рассказал, как было дело, царь пожаловал ему за верную службу червонец, а Меншикову сказал:

— Он, брат Данилыч, более знает свою должность, нежели ты.

Этот-то героизм часового, не побоявшегося приставить штык к груди ближайшего сотрудника Петра, и был увековечен на дверях токарной.

Был также в Летнем саду дуб, посаженный руками царя (быть может, он жив и донныне?), возле которого стоял стол с чернильницей для Петра, любившего здесь заниматься.

Под этим дубом произошел однажды целый анекдот. Царь долго сидел и работал. Наконец, окончив труды, он откинулся на спинку стула и с облегчением проговорил:

— Ну, кажется, водворил правосудие...

Стоявший неподалеку от дуба часовой, услышав царские слова, недовольно проворчал:

— Все правосудны, кроме тебя!

Удивлению Петра не было границ.

— Как, что ты сказал? Повтори...

Часовой смело повторил свою дерзкую фразу.

— Как ты смеешь говорить это!

— Да ты, государь, сам решил мое дело. Последней деревнишки меня лишил, что от прадеда досталась. Отдал ее обидчику моему...

— Правду ли говоришь?

— Разве посмею неправду молвить...

Петр призвал к себе караульного офицера и отдал приказ — напомнить ему о преображенце. Утром — при рапорте царю — караульный офицер спросил:

— Извольте ли о преображенском гренадере помнить...

— Помню, брат, помню!..

Государь приказал принести дело гренадера из Сената, долго рассматривал его и, наконец, убедился, что его противник — человек знатный и богатый — ловко запутал все дело и обманул Сенат. На другой же день Петр отправился в Сенат и обратился к сенаторам с грозною речью!

— Мы все, паче же я, стыдиться должны, что столь грубо обмануты были хитростию коварного ябедника...

И новый указ «водворил правосудие»: не только деревни гренадера были отняты у неправо завладевшего ими богача, но из владений богача было отписано гренадеру «за его убытки» столько же земли и крестьян, сколько их было в деревне гренадера, да взыскан штраф на госпиталь в 1000 рублей. Жестоко пострадали также сенатский обер-секретарь, «яко бездельник», не вникший в дело, — он был посажен на месяц в тюрьму — и стряпчий богача, запутавший дело, — его сослали в Сибирь как опасного «ябедника»...

Летний сад был вполне доступен для посторонних, и в его аллеях немало было вручено Петру различных жалоб и просьб. Часто гуляли в нем и матросы корабельщики — самые приятные для царя гости. Однажды, встретив в саду голландца-корабельщика, Петр заговорил с ним про Петербург и спросил:

— Не лучше ли Архангельска Петербург? Чаятельно, сюда чаще ездить будешь, нежели в Архангельск...

— Не очень хорош Петербург твой,— отвечал голландец.

— Чем же плох? Скажи...

— Да тем, что в Архангельске дают нам, ваше величество, отменные голландские оладьи, а здесь их и не сыскать.

Царь расхохотался.

— Приходи-ка, приятель, завтра ко мне во дворец, да с товарищами. Я угощу вас оладьями не хуже архангельских.

На другой день в Летнем дворце голландцы-корабельщики ели оладьи, напеченные царским поваром, и наугощались так, что лишь к утру оставили дворец.

СТОЛИЧНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ

При жизни Петра редкий год проходил в Петербурге без каких-нибудь особенно замысловатых празднеств. В 1710 г. их было три.

19 октября торжественно праздновалось взятие Ревеля, как всегда, молебном в Петропавловском соборе и затем «целонощным» пиром в доме Меншикова.

Любимый повар царя Иоганн фон Фельтен — родом датчанин — терпеть не мог шведов, но Петр дразнил его «шведом» и заставлял в дни празднования побед над «учителями» изображать шведа. И на этот раз Фельтен, в черном плаще и с закрытым лицом, стоял у входа в Петропавловский собор, изображая постигшее его горе. На вопросы, о чем он горюет, Фельтен отвечал:

— Как же мне не горевать, когда враг отнял у меня всю Лифляндию.

Вечером была зажжена иллюминация: даже Петропавловский собор и флагшток царского штандарта были усеяны фонариками.

* * *

31 октября 1710 г. праздновалась свадьба племянницы царя, Анны Иоанновны — будущей императрицы, вышедшей замуж за герцога Курляндского. Обер-маршалом на свадьбе был сам царь.

В 9 часов утра державный обер-маршал, в сопровождении 24 подмаршалов, отправился на шлюпках за невестой в дом ее матери — вдовствующей царицы Прасковьи Феодоровны.

Впереди ехали немцы-музыканты — 12 человек — с рожками и трубами. За ними сам царь с гребцами, одетыми в красные бархатные матросские куртки с нашитыми на груди серебряными щитами с царским гербом. «Обер-маршал» был также в красном кафтане с собольей опушкой, с серебряной шпагой у пояса и маршальским жезлом в руке.

Прибыв в дом царицы-вдовы и отдохнув там с полчаса, Петр уже с невестой направился к герцогу Курляндскому, который встретил его у входа и угощал различными сладостями. Невеста, в белом бархатном платье, обшитом золотом, в горностаевой мантии и с бриллиантовой короной на голове, с сестрами своими и государя дожидалась у пристани на своей барке.

От герцога Курляндского все отправились на шлюпках в дом Меншикова *, где и происходила свадьба. Богатство и блеск костюмов были, по словам современников, изумительны. Свадебный поезд состоял более чем из 50 шлюпок, переполненных кавалерами и дамами, музыканты играли не умолкая.

Высадившись на берег у дома Меншикова, жених шел между посаженным отцом — Петром и Меншиковым, а невеста — с великим адмиралом графом Апраксиным * и великим канцлером графом Головкиным *. Рота гвардии Преображенского полка отдала честь ружьем, и забили в барабаны.

Венчание было совершено в походной домово́й церкви у Меншикова. Служил архимандрит на русском языке, повторявший, впрочем, все возгласы на латинском языке.

Свадебный пир происходил в двух залах. В одной из них под красным балдахином стоял овальный обеденный стол для жениха и невесты, которых вел к столу сам царь, держа их за руки. За одним столом с новобрачными сидели вдовствующая царица, сестры царя, новобрачной и придворные дамы. Над новобрачной и ее сестрами были устроены сплетенные из лавровых ветвей короны, а над герцогом — лавровый венок.

Царь, как обер-маршал, не садился за стол, а ходил вокруг, угощая гостей вместе со своими подмаршалами, по большей части морскими капитанами. Как распорядители, они имели кокарды из кружев и цветных лент с розою в середине. Заздравные тосты возглашались царем и сопровождались пушечными салютами из орудий, поставленных на площади у дома и на царской яхте «Лизета».

После обеда начался бал, продолжавшийся до 2 часов ночи, а затем молодых проводили в опочивальню с разными церемониями, при чем пили вино за здоровье молодых даже в самой спальне.

На другой день в доме Меншикова был снова обед, перед началом которого царь сорвал лавровый венок, висевший над местом герцога, и предложил ему снять корону над местом своей юной супруги. Корона была так крепко привязана, что герцог не мог ее отвязать и отрезал ножом.

Во время обеда из двух поданных на стол громадных паштетов вышло по нарядно одетой карлице. Малютки протанцевали менуэт на столе новобрачных. При приглашении тостов палили по обычаю из пушек, а после обеда принялись танцевать.

Вечером Петр сам зажег фейерверк и едва не опалил себя «потешными огнями», устроенными на Неве на особых судах...

Свадьба была отпразднована очень весело, но через две недели герцог Курляндский заболел горячкой и вскоре умер.

* * *

Еще при жизни герцога в Петербурге была отпразднована знаменитая в своем роде свадьба карликов, очень позабавившая обывателей «парадиза».

12 ноября 1710 г.— накануне дня свадьбы — двое одинаковых ростом карликов разъезжали по городу в трехколесной коляске, приглашая на свадьбу гостей. Впереди карликов ехали верхами «по русскому обычаю», как выражается Вебер *, «два официанта прекрасно разодетых».

13 ноября, после обеда, открылось свадебное шествие. Впереди шел карлик-маршал, великолепно

одетый, с маршалским жезлом. Шафером у невесты был сам государь. В свадебном поезде участвовало 72 карлика, которые представляли собою, по словам Вебера, «такое разнообразие пород и множество таких странных фигур, что без смеху нельзя было смотреть на них».

После венчания состоялся свадебный пир в доме Меншикова, а за ним и бал. Танцевали одни только карлики, к величайшему удовольствию Петра и всех остальных зрителей.

* * *

Танцы вошли при Петре в большую моду, и Мардефельд в своих донесениях описывает бал у графа Головкина, устроенный в 1721 г. в честь Петра, голштинского герцога и всей вообще дипломатии. Танцы сопровождалась частыми поцелуями дам, и Ягужинский * был в этом деле «отличным предводителем». «Дамы же,— пишет Мардефельд,— сильно роптали на такие нововведения, что довольствуются одними (?) поцелуями»...

Театр в Петербурге появился, как известно, в 1716 г. «Заводчицей» этого дела была большая любительница «лицедейства» сестра Петра — Наталья Алексеевна; она писала даже и пьесы. Впоследствии театр этот был переведен с Петербургской стороны в деревянный же дом на Сергиевскую, неподалеку от Воскресенского проспекта. Камер-юнкер Голштинского герцога — известный Берхгольц — рассказывает в своем «Дневнике» о спектакле в этом театре в 1719 г. В присутствии царя шла в переводе народная немецкая комедия «Бедный Юрген». Рядом с царем в креслах сидел его повар Патон, очень живо принимавший к сердцу игру актеров и даже обсыпавший мукой арлекина за какую-то выходку.

В апреле того же 1719 г. в Петербурге пользовался большим успехом силач-немец Симсон, которого многие считали даже колдуном, как уверяет Вебер. И в самом деле, судя по рассказам, Симсон обладал очень большою силой. Силач ставил себе на грудь наковальню, «на которой, поставленной уже у его на груди, он давал расщепливать толстые железные шины». Симсон

свободно поднимал на воздух наковальню, а Петр с Ромодановским * еле-еле могли ее поднять вдвоем. Вырвать у Симсона палку, которую он держал в зубах, царю не удалось, как он ни старался.

Хвастая своей силой пред зрителями, Симсон брал палку в зубы поперек и вызывал двух дюжих парней тянуть ее у него изо рта. В силе этих парней Симсон «не только не встретил такого сильного сопротивления, какое встретил у царя, но еще обоих этих молодых начал таскать по сцене, по собственному произволу, куда хотел, как двух бессильных детей».

Между прочим, вместе с Симсоном выступал иногда и другой немец — клоун. На 1 апреля 1719 г. они сыграли с петербургскими зрителями шутку. Они объявили какой-то необыкновенный спектакль, на который собрался весь Петербург, не исключая царя и царицы. Сбор был полный, и многие должны были вернуться домой за неимением мест.

Зрители с нетерпением следили за приготовлениями на сцене, но скоро появилась «парящая в воздухе машина» с надписью «Апрель», а клоун в длинной речи благодарил публику и пригласил завтра — на настоящий спектакль.

Кроме силача иногда давали представления гимнасты, жонглеры и танцовщики. Сохранилась забавная афиша такого представления, на котором зрители увидели «некоторые позитурсы с переменными видами и действиями». В начале спектакля какая-то «в свете похвальная аглинская мастерица (акробатка), опрокинься назад ногами», простиралась «на плат», обе ноги обвивала вокруг шеи «подобно галстуху», клала ноги на плечи, стояла на голове, вертелась «мельницей» и т. п. Шестым номером программы идет следующее «действие»: «Правую ногу подыма и обратясь кругом, подпрячет под плечо, а другой ноге стоит неворотима». Затем «на пирамиде или двух стулах стоящая головою, спустясь на 2 фута ниже ног своих и подыма монету или рюмку вина и пиет за здравие всей компании».

За «аглинской мастерицей» следовало «колебимое явление от француза, а именно лестница 7 футов, на одной младенец; потом, поставя оную на чело, танцует фоли дишпаня (!)».

Выступал также двухлетний младенец, «показывающий всякие экзерциции». Его сменял «забавный человек», делающий «преузорочные удивительные скоки» и с ним «мастерица», танцующая с обнаженными шпагами и обращающаяся на месте величиною в тарелку «более 600 раз, храня верно каданцы».

Та же «мастерица» показывала и жонглерские штуки, перебрасываясь шпагами, что, по словам афиши, «чрез меру удивительно».

«Протчая действия не суть описуема», — гласит, между прочим, афиша.

Судя по этой афише, наши современные так называемые «садовые увеселения» не так уж далеко ушли от Петровских времен...

* * *

Неистоимый в выдумывании всякого рода потех, Державный Преобразователь изобрел «должность» самоедского князя или короля. Должность эта заключалась в устройстве по приказу царя различных увеселений для петербургских обывателей. Почему именно самоедский князь должен был являться присяжным увеселителем — неизвестно, но в 1714 г. эту должность занимал какой-то поляк, шутовским образом «коронованный» в Москве, при чем ему присягали 24 самоеда и столько же оленей.

Самоедский князь жил постоянно в Петербурге и получал не малое по петровским временам жалованье — по десяти рублей в месяц при готовом столе и, что особенно характерно для «бахусоподражательных» петровских времен, казенных напитках.

Подданные самоедского князя жили в своих юртах на пустынном, поросшем лесом Петровском острове. На этом острове был маленький дворец или увеселительный домик, богато изукрашенный внутри павлиньими перьями.

За этим домиком, в глубине леса, жил смотритель и была устроена царская молочная ферма, дававшая, по словам современника, «лучшее в целой области молоко». За коровами присматривали финляндцы, жившие тут же и заодно надзиравшие за царскими павлинами.

Близ домика надзирателя жили в своих юртах семеро самоедов.

Проживший несколько лет в Петербурге при Петре и оставивший любопытные записки брауншвейг-люнебургский резидент Фридрих Вебер в приятной компании посетил в лето 1714 г. самоедов, которые удивленно глазели на гостей.

Один из них долго стоял, заложив руки под мышки и меланхолично потряхивая головой, но когда к компании любопытных подошла бывшая с ними барышня, самоед повеселел, начал смеяться, слазил за чем-то в юрту, снова вылез оттуда и, спугнув оленей, подвел их за рога к зрителям, галантно предлагая даме сесть на оленьи шкуры.

Затем приехал домой из Петербурга смотритель, очень любезно встретивший гостей, но жестоко обходившийся с самоедами, особенно с одним из них, которого он приказал «почаще бить батогами» за буйный нрав.

Про этого самоеда смотритель рассказал Веберу вещь очень диковинную: когда смотритель отсутствовал, этот самоед напал на людей, приехавших осмотреть остров, «изгрыз им уши и лица (!) и вообще ужасно зло и свирепо их принял».

За такие «людоедские поступки» самоед был жестоко бит батогами и до того остервенился, что, по рассказам смотрителя, «вырвал зубами кусок собственного мяса из своей руки»!

Однако этот на самом деле «самоед» умел говорить по-русски и служил переводчиком для товарищей при их беседах с Вебером.

«Господина резидента», по-видимому, очень удивили рассказы самоедов про их жизнь и общественное устройство.

Недовольный — и, как кажется, совершенно справедливо — самоед-переводчик говорил с досадой, но, уходя, сказал сопровождавшей Вебера даме комплимент, утверждая, что «женщины в его земле такие же красавицы, как и она».

Нечего и говорить, конечно, что самоеды привлекали внимание не только иностранцев, но и всех вообще петербургских обывателей, избалованных при Петре всевозможными зрелищами.

Зимой 1714 г. самоедский князь умер. Его отпевали и похоронили в католической церкви.

В хранящемся в Государственном Архиве собрании всевозможных документов, относящихся к Петру Великому («Кабинет Петра Великого»), имеются письма самоедского князя, касающиеся устройства различных увеселений и праздников, в том числе свадьбы «князь-папы».

Преемником умершего самоедского князя был известный шут Петра — португалец Лакоста, «титулярный граф и церемониймейстер увеселений», как именует его тот же Вебер.

Между прочим, этот самоедский князь во время маскарада по случаю свадьбы «князь-папы» П. И. Бутурлина * с большим искусством разыгрывал роль медведя.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ «ПИАНСТВО»

Члены учрежденного Петром ради шутки «всешутейшаго и всепьяннейшаго собора» примерно служили Бахусу, и веселые праздники, сопровождавшиеся поистине гомерическим «пианством», бывали в Петербурге при Петре очень часто.

«Птенцы гнезда Петрова» от постоянного и долгого «бахусоподражания» были достаточно закалены уже и привычны к капризам Петра, но приезжие иностранцы прямо боялись царских пирушек, а особенно знаменитого кубка «Великого орла», преклонявшего к трону Бахуса даже очень стойких «пианиц».

В декабре 1709 г. в Петербург явился посол короля датского — морской командор Юст Юль — и сразу попал на «бахусоподражание».

За две версты от Петербурга несчастный датчанин провалился на Неве в полынью со своим возком и еле-еле избежал смерти. Обмерзший от зимнего купанья, он приехал в дом адмирала Крюйса, где ему была отведена квартира, наскоро переоделся и поехал представиться его царскому величеству, который с «изрядною компанией» обедал у генерал-адмирала Апраксина по случаю дня рождения «Саши Герценскинда» (Меншикова).

Войдя в застольную, Юст Юль был поражен страшным криком и шумом царских шутов, увеселявших общество. «Шуты орали и отпускали много грубых шуток, каковым в других странах не пришлось бы быть свидетелем не только в присутствии самодержавного государя, но даже на самых простонародных собраниях», — пишет изумленный посол.

Царь сидел за одним столом со всеми и ел, как и все, деревянную ложкой. При здравицах гремели пушечные салюты, сопровождавшие и тост Петра за здоровье датского короля Фредерика IV. К досаде Юля, шуты помешали ему своим криком сосчитать число выстрелов.

После обеда Юль, беспокоившийся о судьбе своих бумаг, провалившихся вместе с ним под лед и намокших, долго упрашивал Петра отпустить его домой.

— Но там, ваше величество, моя верительная грамота и многие важнейшие документы...

— На что мне грамота? — возражал царь. — О твоём назначении от самого королевского величества цыдулы имею... Не надо мне грамоты твоей...

Петр приказал следить за «господином послом», чтобы он не убежал, но тот в конце концов убежал — таки к себе домой и принялся за разборку сгоревших бумаг. Но беда не приходит одна: едва Юль, разложив для просушки спасенные от потопления документы, вышел, чтобы возвратиться на пир, как загорелась фейерверочная лаборатория против его квартиры, и ему пришлось снова спасать бумаги, на этот раз — от огня, и в суматохе несколько штук из них пропало.

Пожар фейерверочной лаборатории не помешал, однако, сжечь фейерверк в честь новорожденного.

По возвращении Юля «пианство» продолжалось до 4-х часов ночи, при чем пирующие побывали в одиннадцати местах.

И снова пришлось подивиться северянину на наши нравы: «Всюду, где мы проходили или проезжали, — пишет он, — и по льду реки и по улицам, лежали пьяные; вывалившись из саней, они отсыпались в снег, и вся окрестность напоминала поле сражения, сплошь усеянное телами убитых».

Усердное служение Бахусу почти не прекращалось, и несчастный посол стал всячески уклоняться от

попоек, но и ему не пришлось избежать знакомства с «орлом».

Когда Петр Великий находился на борту корабля, его все должны были называть «господином шаут-бенахтом», а за обмолвку полагался «Великий орел». Эта беда случилась и с Юлем, но, когда «царский ключник», как он выражается, поднес ему «орла», посол пустился в бегство и взобрался на корабельные снасти. Об ослушнике донесли царю — и он, с кубком «орла» в зубах, взобрался к Юлю, уселся с ним рядом и заставил его осушить не одного, а целых пять «орлов».

Как рассказывает Юль, после «орлов» он с «великою опасностью» спустился по снастям на палубу.

Об этой «опасности» можно судить по тому, что в большинстве случаев отведавший «орла» валился на землю без чувств.

Такой случай был в 1721 г. с Меншиковым. На торжестве спуска на воду 60-пушечного корабля «Пантелеймон», как рассказывает Мардефельд, царь был очень весел и не приказал ничего подавать, кроме венгерского. Меншиков схитрил и пил более легкий рейнвейн. Петр заметил эту проделку и, собственноручно выбросив в окно все бутылки с рейнвейном, приказал виновному осушить «орла». Александр Данилыч без чувств грохнулся на пол, и жена с сестрою долго «оплакивали его положение».

Петру вообще очень нравилось напаивать других до потери сознания, хотя, по словам того же Мардефельда, «к нему и приставали чрезмерно целованием рук и со всякими уверениями».

В августе 1721 г. Мардефельд был у Шафирова * на пирушке в честь герцога Голштинского. Во время пирушки в Петербург приехал бывший в отлучке Петр, пришел к пирующим и стал напаивать их окончательно, требуя стакан за стаканом. Даже ничего не пившего герцога он заставил выпить.

Всевозможные празднества сопровождались при Петре особенно торжественным «пианством».

Взятие русскими Ревеля в 1710 г. дало «приличный» повод к трехдневному «бахусоподражанию».

Юст Юль был болен или притворился больным, чтобы избежать участия в пирушках.

Петр, после пира у Черкасского * со всею «неуспаемою обителью» (до 400 человек) ходивший по домам, зашел и к нему.

Он принес с собою две шпаги, выкованные на Олонецких заводах, и подарил одну из них Юсту Юлю, а другую просил переслать датскому королю в подарок же.

В разговоре он упомянул, что, по счету его денщиков, Петр выпил сегодня 36 стаканов вина. «По виду этого, однако, никак нельзя было заметить»,— удивленно восклицает в своих записках датский посол и добавляет, что генерал-адмирал Апраксин хвастался, будто выпил за три дня 180 стаканов...

НИШТАДТСКИЕ ТРИУМФЫ *

(Картинки петербургской жизни XVIII в.)

I

Рано утром 4 сентября 1721 г. весело загудели колокола Троицкого собора под немолчный, радостный говор толпы, отовсюду сбегавшейся на площадь.

Против собора — у самой Невы — строились войска, звякая оружием; на валах Петропавловской крепости хлопотали возле пушек канониры; громадные, высокие корабли, неуклюже раскачиваясь, становились на реке ровною линией. У собора наскоро выстраивался невысокий помост: визжали пилы, звенели топоры...

Толпа все прибывала, колыхаясь по краям. Еле пробрались сквозь нее телеги с пивными бочками, из которых солдаты проворно наполняли громадные чаны, расставленные вокруг помоста.

Из собора вышли какие-то генералы, сверкая на солнце золотым шитьем своих мундиров, веселые, смеющиеся. Трубачи и барабанщики нетерпеливо топтались на месте, поглядывая на соборные двери и дожидаясь сигнала.

— Стало быть, швед отступился от нас начисто?.. Неву отдал, Выбурх, Ригу, Колывань, Ямы... Верно ли слышал ты?..

— Вернее верного, брат. Гвардии капрал Обрезков с мирною вестью к царю с Ништата посылан был.

— Слава Создателю! Разорила нас война эта, не тем будь помянута. Крови что пролилось за двадцать-то один год! А я слышу — пушки палят да трубы играют, а невдомек к чему... «Пошва», мол, едет; потому она всегда трубит, сколько разов у «Поштового двора» видел.

Умолкшие было на время колокола снова загудели и заглушили спорщиков. Толпа встрепелась, и задние ряды навалились на передних.

— Лезьте, лезьте на рожон-то... Тесно вам!..

Как гром разразился над Невою пушечный салют с крепости, окутавшейся дымом... Затрещали барабаны, запели рожки и трубы, и снова грянул салют, за ним другой, третий...

Государь вышел из собора, окруженный генералами и придворными.

— Приветствуем ваше величество, яко адмирала «от красного флага»,— кланяясь, говорили ему адмиралы.

— Благодарствую вам, а паче всего Ему, Всемогущему. От тяжелых уз освобождена ныне Россия,— взволнованно отвечал Петр, обнимаясь и целуясь со своими «птенцами».

В преображенском мундире, со шляпой в руке, царь быстро взошел на помост и, тряхнув кудрями, поклонился народу. Все смолкло.

— Здравствуйте, православные! — пронесся его дрожащий, но веселый голос.— Здравствуйте и Богу Господу благодарствуйте, поелику дарован нам со Швецией счастливый, славный мир и толикая долговременная война наша через то конец свой восприяла...

Меншиков услужливо поднес царю полный ковш вина.

— Здравствуйте ж, любезные! — снова закричал счастливый Петр.— Да поможет нам Всемогущий в мире трудиться прибытка ради вашего.

Восторженный гул покрыл голос царя, и снова дрогнул воздух от пушечных и ружейных залпов. Народ на площади обнимался и целовался, как в Христов день. Да и как было не порадоваться ему, двадцать один год выносившему тягости войны.

— Яко древний Ной возрадовался, узрев голубя с масличною ветвью, зыграл дух мой, узрев вестника

мира вечного, желанного,— говорил царю епископ Рязанский.

— Во истину тако! В Нейштате великая северная война потоп свой восприяла...

Среди радостных криков толпы государь направился к зданию Сената, где его ожидал в царской одежде и на троне «князь-кесарь» Федор Юрьевич Ромодановский.

— Ученики все науки в семь лет оканчивают обыкновенно,— говорил на ходу царь,— наша же школа троекратное время была. Того ради за окончание оной России изъяснить надлежит троекратное ж благодарение...

До поздней ночи не расходился народ с Троицкой площади, хоть и давно уж опустели чаны с вином и пивом и царь уехал на ту сторону — в свой «зимний дом».

По улицам разъезжали вестники мира — двенадцать драгун с белыми перевязями через плечо и увитыми лаврами знаменами. Повсюду встречали их радостные клики. Никому не сиделось дома — все шли на улицу, в толпу; всякому хотелось увидеть знакомых, друзей...

II

На другой день — 5 сентября — солдаты-музыканты ходили по дворам знатных вельмож петербургских, поздравляя их с желанным миром, навеки укрепившим за Россией и Петербург и «Ингермоландию» *, балтийские земли до самого Новгорода.

На Неве, против Троицкого собора, собрался весь невольский флот — буера, баржи, верейки, шнявы, боты и шлюпки, полные нарядных вельмож и дам, иные с музыкантами даже.

Впереди всех покачивалась на волнах верейка «невского адмирала» с развевавшимся на корме адмиральским флагом.

Отрывисто грянула пушка с крепости, прозвенела труба, гребцы на адмиральской лодке взмахнули веслами, и началось катанье.

Музыка гремела не умолкая, изредка прерываемая пушечными салютами с обеих крепостей — Петропавловской и Адмиралтейской.

Адмиральская верейка шла впереди всех, как командир впереди полка. Повертывала верейка — одно за другим повертывали за нею и все другие суда.

Среди гуляющих по Неве был сам царь с царицей и дочкой-именинницей — красавицей Елизаветой Петровной.

Наконец адмирал повернул к пристани у Почтового дома¹, и вся флотилия потянулась за ним, на именинный пир.

Как только уселись за стол — шуты подняли, по обыкновению, страшный шум. Бегали кругом обедавших, хватали их за рукава, выдергивали тарелки. Больше всего вертелись они вокруг «князь-папы» Петра Ивановича Бутурлина, который «по обязанностям службы» был уже в не малом «подпитии».

— Всешутейшему — чистую тарелку! Всепьянейшему — бутылочку новенькую, — гомонили шуты и всех пуще «партикулярный граф и самоедский король» Лакоста. — Четыре денечка осталось «князь-папе» на волюшке пожить — «орла» хоть ему дайте. И жених-же! Трезвый один день в году бывает, да и то не всякий раз.

Бутурлин сердито отмахивался от назойливых шутов, как от мух, и даже стукнул одного из них своей деревянной ложкой, но царю, видимо, нравились их проделки, и он от души хохотал над беспомощным «жрецом Бахуса».

— Приведется всех вас, дьяволов, от шумства да от пьянства отлучить! — сердито крикнул «князь-папа».

— Ой, ой, голубчики, — завизжал Лакоста. — Уж хоть до свадьбы своей повремени: трезвому-то на невесту твою и глянуть страшно: родимчик приключится...

Бутурлин только махнул рукой и, двинув тяжелым стулом, вышел.

— Куда, куда?.. «Неусыпаемого сумасбродства президент», вернись...

Герцог голштинский — церемонный кавалер, не привыкший к русским потехам и оглушенный криками, облегченно вздохнул. Но Бутурлин недолго пробыл в отлучке и вернулся с трубками и табачными кисами. Не успел он войти, как снова поднялся шум и крик.

¹ На месте нынешнего Мраморного дворца.

Чуть не до вечера просидели за обедом, пока царь не вылез из-за стола, приглашая гостей танцевать. Герцог голштинский открыл бал с маленькой именинницей — лучшей танцоркой во всем Петербурге. Сам Петр не танцевал и сидел на стуле, окруженный захмелевшими «птенцами», а «князь-папа» заснул так крепко, что остался ночевать в Почтовом доме... Впрочем, он был там не одинок.

III

Празднества начались снова 10 сентября. Троицкая площадь, переполненная народом, имела вид необыкновенный: повсюду стояли мужчины и женщины — от первого вельможи до последнего купца — в черных плащах, из-под которых выглядывали иногда птичьи ноги, звериные лапы. Любопытные тесным кольцом окружали площадь, иные залезли даже на деревья и крыши домов. Всех занимали закутанные в плащи фигуры, догадки сыпались без конца... На судах матросы влезли на мачты и, заслоняясь от солнца, смотрели на площадь.

— Ужли так все и будут — в черном? Ну вот еще... Тут по всяческому одеты, как в тот раз на Москве, покойника Никиту Мосейча венчали. Слышь, медведи будут живые. Новобрачные нонешнюю-то ночь в балагане ночуют — вона, ровно колпак торчит, — указывали из толпы на памятник пленения Голицыным шведских судов — деревянную «пирамиду четырех фрегатов».

В соборе венчался «князь-папа» Петр Бутурлин со старухой-вдовой своего предшественника Никиты Зотова.

Долго не хотела она идти за Бутурлина. «Намучилась я с покойником-пьяницей, теперь за другого иди»... Но такому свату, как сам Петр, не приходилось отказывать, и вдова старого «князь-папы» согласилась, наконец, быть женою нового.

— Идут, идут! — закричали засевшие на деревьях мальчишки.

Толпа заволновалась и заметалась во все стороны. Кто-то свалился в воду, и его с хохотом тащили оттуда.

— Не обжегся ли где, смотри хорошенько...

Три арабченка, в чалмах и белых фартуках, с рожками в руках наготове, предшествовали Петру, одевшемуся в матросскую куртку, с барабаном на черной бархатной перевязи через плечо...

Звонко зарокотал барабан царя и следовавших за ним еще трех барабанщиков — генералов Чернышева, Бутурлина и майора Мамонова, загнусавили рожки у арабченков.

Плащи полетели долой с плеч, и площадь мигом преобразилась: от траурной, черной толпы не осталось и следа. Шум и крик поднялся внезапно такой, что даже соседи не могли слышать друг друга. Хлопали бичи, трещали барабаны, пузыри с горохом, трещотки, звенели гремушки и бубенцы, пронзительно свистали флейты и разные дудки, глухо рокотали бубны...

Маскированное шествие медленно и чинно двинулось кругом «пирамиды четырех фрегатов».

За Петром, в роскошном древнерусском царском наряде, с короной на голове и скипетром, весь залитый золотом, шествовал «князь-кесарь» со свитой русских бояр в горлатных шапках, парадных кафтанах и охабнях.

Екатерина, в фрисландском костюме * из черного бархата, с корзинкою в руках, следовала за гобоистами и камер-юнкерами, окруженная арабченками в «индийских костюмах» тоже из черного бархата. За нею шла группа фрисландок — придворных дам, нимфы, пастушки, арлекины, монахини, испанки, негритянки и, наконец, «князь-кесарша» в древнерусском выходном наряде царицы со свитой придворных дам в кокошниках, телогреях и душегреях...

У зрителей разбегались глаза, крики неслись отовсюду.

— Это какие идут-то?.. Словно как и Меншиков-князь с ними. «Голанцы — бурмистры голанские». А вот и тот, как его, пьяница-то?..

«Бахус», с распухшим от непрерывного пьянства лицом и багровым носом, с тигровою шкурой на плечах, нетвердыми шагами проходил вперед «князь-папы», окруженного «кардиналами» и плешивыми стариками. Какие-то искусники, наряженные журавлями, чинно выступали, «аки журавель-птица», под громкий смех зрителей...

— Медведей ведут! Гляди-ка, в клетке, что белка в колесе.

Громадный медведь неуклюже бегал по клетке, изредка поднимаясь на задние лапы и хватаясь за решетки; он, видимо, был очень недоволен шумом и многолюдством и сердито потрясал дверью клетки. Внезапно она распахнулась, и зверь с ревом кинулся на толпу.

— Ой, голубчики... Взбесился! Ой, задерет...

Зрители перепугались насмерть, и началась было толкотня, но мгновенно спустя медведь выскочил из своей шкуры и оказался царским шутом, наряженным в испанский костюм.

— Ах, дьявол! Вишь, перепугал до чего, ааа-фема! — радостно кричали вокруг, видя, как шут сел верхом на другого, настоящего уже медведя и поехал на нем.

Француз-великан Леруа и один из царских денщиков, не уступавший ему ростом, неуклюже переступали в детских костюмчиках. Их вели на помочах два карлика с подвязанными седыми бородами и в колпачках.

— Важные ребята. Ой, важные!.. Как их только выкормить было матерям...

«Строусы» и гигантские петухи сменялись римскими воинами и турками, за индейцами в разноцветных перьях шли рудокопы, китайцы, корабельщики, бояре. Индийский жрец в длиннополой шляпе с бубенчиками обнимался с Нептуном, победно потрясавшим своим золоченым трезубцем.

Не виделось и конца ряженым. Свадебное «князь-папино» шествие растянулось в длинную ленту, змеей извивавшуюся по площади. Зрители смешались в одну толпу с «машкерадными персонами», хватали их за платье, заглядывали в лицо, хохотали и сопровождали «хари» до дверей Сената и Коллегий, где были накрыты обеденные столы. Проводив «свадебный поезд», любопытные окружили «пирамиду четырех фрегатов», внутри которой было устроено брачное ложе «князь-папы». Сквозь нарочно проверченные в пирамиде дырочки была видна ярко освещенная множеством свечей громадная постель, окруженная бочками с вином и пивом.

— Пусти глянуть-ка разочек. Ишь, ровно клещ впился — не оторвешь... И житье ж, братцы, «князь-

папе». Проснулся, мол, в горле пересохло, али что — черпнул ковшом, выпил... Помирай не хочу!

Народ дождался выхода молодых с пира: их провожали в пирамиду сам царь с царицей.

За Невой, по набережной, мигали разноцветные огоньки иллюминации, длинными, острыми змейками отражаясь в воде.

IV

Едва успели маски отдохнуть и отоспаться на другой день, как надо было снова рядиться и плыть на Троицкую площадь, по-вчерашнему усеянную зрителями.

Снова зарокотал барабан державного корабельщика, загудели, запищали рожки, и шествие двинулось мимо пирамиды и царского домика к «князь-папину» двору в устье Большой Невки.

Бутурлин, во вчерашнем парадном наряде, встречал гостей у дверей своих хором и угощал их пивом из огромного чана. Немало времени прошло, пока все участники маскарада получили от «папы» по ковшу крепкого пива и облобызались с ним. «Всепьянейший» уж еле держался на ногах, и «кардиналы» не раз почтительно поддерживали ослабевшего начальника «Несыпняемой обители».

Поздравив Бутурлина, шествие возвратилось к пирамиде, два раза обошло кругом нее и направилось к пристани — садиться на суда и лодки. С трудом могли пробираться ряженные сквозь густую толпу зрителей, которых особенно интересовал необычайный, никогда еще не виданный «князь-папин» корабль.

На двенадцати пустых бочках, попарно связанных и пущенных на воду гуськом, красовалось еще шесть бочек, на которых верхом восседали «кардиналы» — члены «всепьянейшей конклавии». Матросы накрепко прикручивали «господ кардиналов» к бочкам, чтобы они не свалились в воду во время плавания.

Покончив с «кардиналами», к пристани притянули и «князь-папин фрегат» — громадный дубовый чан, наполненный пивом, по которому плавал ковш весьма почтенных размеров. Чан также стоял на пустых бочках...

— Ой, не утопите мне «всешутейшего», — смеялся царь. — «Князь-папша» тогда мне жить не даст с горя. Пиво-то в чану у нас бурное — долго-ли до греха!

— И затейник же ты, ваше величество, — недовольно ворчал Бутурлин, сердито косясь на Петра. — День ветряный, корабли качает, не то что этакую посудину. Захлестнет!

— Эге! Вижу не зело усердно о Бахусе подвизаться изволишь — сробел... Сажайте его!

«Князь-папу» посадили в ковш и оттолкнули от «берега». Бутурлин крепко ухватился за края ковша, испуганно поглядывая на мелкие пивные волны своего «моря». Тем временем матросы прикрепляли «фрегат» к бочкам с «кардиналами», которые, в свою очередь, успели уж натерпеться не малого страху от ветра, сильно раскачивавшего их зыбкие кресла.

На маленькую бочку, приделанную к борту пивного чана, уселся бесстрашный «Бахус» и сам принялся вязать себя веревками, продевая их в кольца.

Впереди чана — на бочках же — колыхалось вырезанное из дерева морское чудовище с тронem для Нептуна.

— Потонут ведь, пьяницы! Ей-ей потонут. Вишь, качает их — как камышинки...

Наконец все приготовления были окончены, Петр сел на свою шняву, и добрый десяток гребных лодок потянул за собой свадебный поезд «князь-папы» на пустых винных бочках.

«Кардиналы» жалобно вопили и хватались за что попало, ответом им был веселый хохот зрителей на судах и на берегу. «Бахус» нагибался, черпал ковшом пиво из «князь-папина моря» и пил. «Нептун» цеплялся трезубцем за ковш с еле живым от страха Бутурлиным и отталкивал его от «берегов».

— Брось, брось, тебе говорят, — сердито кричал ему «князь-папа». — Дай выйти на берег — наломаю я тебе бока... Ай!

Зрителям была видна одна лишь голова Бутурлина, да по воде разносились его ругательства.

— Ваше величество, повелите «князь-папе» уста замкнуть, — жалобно кричал «Нептун». — Чаша терпения моего переполнится и потопит его!

— Приговариваю его... к «Великому орлу!» —

кричал Бутурлин. Кое-как добрался до пристани у Почтового дома «князь-папа» с намокшими и растерянными свои шляпы «кардиналами». Толпа слуг и царских денщиков подбежала высаживать Бутурлина, и ковш перевернулся-таки, погрузив несчастного «молодого» в пиво.

До поздней ночи пировали в Почтовом доме, а на другой день снова пришлось «князь-папе» плавать по Неве в своем ковше с «кардиналами» на бочках.

Только 17 сентября кончился «машкерад», а с ним и празднество Ништадтского мира, которое возобновилось, впрочем, в октябре, когда Петру был поднесен титул императора и отца отечества.

ПОСЛЕДНИЙ «КНЯЗЬ-ПАПА»

I

Зима стояла морозная, с ясными днями и темными звездными ночами. Красавица Нева лежала под белою снежною пеленой, будто под саваном, и как мухи чернелись на ней пешеходы, пробиравшиеся по тропинкам и дорогам с берега на берег.

Святки еще не кончились, и на петербургских улицах было шумно и весело. Особенно толпились зеваки у громадного дома Никиты Зотова на берегу Невы и Невки, близ Троицкого собора и царского домика ¹ и у хором недавно умершего «всешутейшаго и всепьянейшего собора князь-папы» Петра Ивановича Бутурлина, также по набережной Невки, невдалеке от зотовского дома.

Петр, уже больной, уже чуявший, быть может, свою близкую кончину, назначил на 3 января быть избранию нового «князь-папы», и жадные до зрелищ обыватели «парадиза» ² толпились у зотовского дома, где шли приготовления к «собору»: стучали молотки, визжали пилы, маляры проносили ведерки с красками и громадные кисти, подъезжали сани с бочками и боченками.

Зябнущая под дыханием крещенских морозов

¹ Дом Зотова стоял на том месте, где теперь находится так называемый Гагаринский буян *.

² Так называл Петр Великий С.-Петербург.

толпа бесшумно дежурила у дома и гомонила по целым дням.

— Глянь-ко, глянь, колокола-то на крылечке,— кричали в толпе.— Свинцовый, глиняный да деревянный — то-то трезвону будет, и глухой не услышит... И скажет-же — «глухой, вишь, не услышит»... Ай да шутник!..

Толпу очень забавляли шутовские колокола, развешанные на крыльце зотовского дома.

— Чего горланите, озорники! — ворчала скорчившаяся старуха, очень недовольная царскою затеей.— Срамота одна: нашли над чем смеяться. Обасурманились с царем-то, Бога забыли, греховодники...

— Эх, старая, старая! Нешто можно такие слова говорить на народе: батожья опробуешь...

— Гораздо ты, паренек, молод — меня старуху учить; дай Господи, чтобы ты не битый помер, а я то уж и без батожья одной ногой в гробу стою...

* * *

— У меня, Тришка, братанчик пролез в дом — так сказывал, дюже ловко понаделано...

— А что ж? Скажи?..

Толпу очень интересовало, что делается внутри дома, но туда не пускали, а сквозь мерзлые стекла ничего нельзя понять было.

— Что видел — известно что. Горница большая, соломенной рогожей, стало быть, по стенам оббита, а у стены, словно бы у царя, место такое из кумачу, а на ем тот... ну, пьяница-то, как его?.. Слово-то заморское, мудреное...

— «Пахус», может,— так, кажись?..

— Вот-вот. А на ем, значит, «Пахус» сидит и день-деньской водку хлещет — без просыпу уж целую неделю пьет...

— Гаврюшку бы нашего туда, в «Пахусы»-то... По месяцу иной раз крутит, не то что по неделе,— засмеялись в толпе.

— Гаврюшку? Ишь чего выдумали,— ворчал оборванный и ежившийся от холода старикашка.— Коли с морозу меня к боченку допустить, куда твой Гаврюшка...

— Ужели так?.. Ай-да Пахомыч: самого «князь-папу» перепьет, поди! — горланили в толпе.

— Так сидит, стало быть, «Пахус», — продолжал рассказчик. — А около его еще два места: для «князь-кесаря», Ивана Юрьича, значит, и для «князь-папы» — кого выберут, а насупротив, по стенке, стульчики маленькие, хари разные на их нама-леваны... Это ништо еще, а в другой горнице — стол посредине да две бочки — одна с вином, а другая со снedyю.

— Это кому же?

— А тем, что «папу» выбирать станут. Каждому особое место сделано — словно загон какой али стойло. Рогожками перегороджены друг от дружки, а чтоб темно им не было, по лаптю висит — на место свечки... Братанчик сказывал, мало-мало не ослеп, как вошел туда, так его и озарило...

— Ври больше... Ишь плетет — ровно деньги ему платят...

Толпа не расходилась до позднего вечера.

Во дворце тоже кипели приготовления к торжествам. Придворные из всех сил старались развеселить ставшего грустным и задумчивым царя, который исправлял по рукописи чин избрания «князь-папы».

II

Смоляные бочки, пылавшие 3 января на улицах от дома покойного «князь-папы» до зотовского дома, очень обрадовали зрителей: можно было обогреться.

— А ведь грех это, ей-ей, грех. Какой там ни на есть папа, а все поп...

— От иноземцев все идет! Где царю твердому в вере быть, коли одни, почитай, иноземцы кругом... Нешто «папу» это на смех поднимают. Над блаженной памяти патриархами издевку чинят, — шептались в толпе, — да над всем священством...

Но недовольных немного было. Большинство не вникало в сокровенный смысл царской затеи и веселилось искренне, от души.

Зрители терпеливо дожидались, когда откроются ворота «князь-папина» дома, и согревались кто у смоляных бочек, а кто из «скляниц». Сметливые разнос-

чики-ярославцы бродили в толпе со своими товарами, и отовсюду неслись их выкрикивания.

— Рыбки-то, рыбки сушеной, вяленой, улова кроншлотского.

— Пирожков галанских горячих, слаще меду — кому надо?..

— А кто водицу «князь-папскую» испивает — закутить пожалуйте. Аладьи горячи! Кому руки да рот погреть...

Больше всего испивали, конечно, «князь-папскую водицу», гревшую лучше всяких печей и костров.

* * *

В доме «князь-папы», переполненном ряжеными участниками «всешутейшаго собора», нестройно пели сочиненную самим царем «песнь Бахусову». Когда кончилось пение, «князь — великий оратор», влезши на бочку, учинил собравшимся «предіку».

— Увещаваю вас, братие,— выкрикивал оратор,— дабы прилежно молили Бахуса о достойнейшего избрании... Оное избрание чинить всем нам не по факциям каким, не суетного похлебства ради, но по ревностному к оному Бахусу сердцу и прилежнейшему его молению...

Распахнулись заветные ворота, и все настожились.

Первым шел маршал в парадном кафтане, с длинным жезлом в руках, увитым красными лентами.

За ним — по три в ряд — шествовала «весна»: девять наряженных в красные кафтаны флейтчиков и лихих свистунов, наполнивших улицу резким птичьим свистом...

— Соловьи, братцы, прилетели... Ишь, заливаются, скоморохи... Жалостно, что мороз за нос щиплет, а то как есть весна-красна! — переговаривались в толпе.

По бокам шествия мчались добровольные и незваные участники — мальчишки и девчонки...

За «весной» шли певчие, «подстенная братия» — чиновники и офицеры, «диаконы», «попы», «монахи знатные», «архимандриты и суфреганы»... Мелькали красные «кардинальские» мантии на беличьем меху.

Петр шел в красном коротком кафтане рядом с «кардиналом» — «князь-кесарем» Иваном Юрьевичем Ромодановским, а за ним карлик со свертками бумаг в руках...

Толпа зашевелилась и надвинулась ближе к шествию.

— Куда лезете! Куда? — кричали передние ряды. — Государь-то батюшка наш — эвон, в кафтане красном... Толкайся, толкайся, авось на смолу налетишь... Заики идут, братцы! А ну, понатужьтесь, родненькие, авось хоть словечко вымолвите...

«Князь-папинские служители» с шестью зайками, изо всех сил старавшимися рассказать что-то, прошли мимо. За ними, над головами «монахов Неусыпаемой обители», несомый на носилках, торжественно плыл «Бахус» верхом на бочке. Серебряный кувшин в его руках поминутно прикладывался к чарке... Дым еловой хворостины, которой размахивал шедший впереди старик, как фимиам курился перед этим древне-греческим богом, мерзнувшим в Гиперборейских землях по воле державного преобразователя.

— Ловко хмельную тянет... Вот служба, братцы, так служба — помирать не надобно. Ай да паренек! — кричали из толпы.

— Ну, куда же, куда ему, — с сожалением говорил какой-то сержант, — куда ему до покойника Конона Карпыча, что в прежние годы «Пахусом» служил. Так ли он пил... Куда ему!..

— Срамные действия привел Господь видеть напоследок дней, — тихо шептал старик, наклоняясь к уху собеседника.

Толпа загомонила и закричала еще сильнее: трое плешивых несли громадных размеров ковш — парадный экипаж «князь-папы»... За ковшом виднелись красные кафтаны «кардиналов» и высоко поднятые лопаты с личинами бога вина и веселья...

— Помнишь, Бутурлин-то боярин на свадьбе своей в ковше этом плавал. Поставили его на плот да по Неве и везли, а эти «красные»-то — на бочках верхами... То-то была потеха!

Шествие шло в обход к дому Зотова, и за ним тянулись зрители.

У дома Зотова шествие было встречено оглушительным криком и треском: деревянными молотками изо всех сил колотили в пустые бочки, пели, кричали, звонили в колокольчики, бубенчики, медные тарелки, как пчелы гудели варганы и охотничьи рога, тренькали балалайки...

«Кардиналы» были заперты на всю ночь в комнате «конклавии» для избрания «бахусоподражательного отца», а царь засел с гостями за стол — повеселиться. Просторный зотовский дом был набит битком участниками шествия, приглашенными и просто пробравшимися на торжество. Повсюду стояли открытые бочки с вином, и кандидату на «князь-папин» престол предстояло на деле доказать свое усердие к Бахусу.

— А ну: «во имя всех пьяниц, во имя всех скляниц!» — возгласил здравицу царь, и все потянулись к нему с кубками и стаканами.

«Архи-игуменья» Стрешнева и «князь-игуменья» княгиня Голицына, заседавшие за столом «Неусыпаемой обители», пили наравне с прочими и ухаживали за веселой «госпожой адмиральшей красного флага» — императрицей Екатериной.

— Эх, плохо, плохо пьется... Бахуса забывать все стали,— печаловался Головин *.— В былые годы «орла» не боялись, духом его осушали...

— Да нам что?.. «Господа кардиналы» за нас поусердствуют, не нам ведь «папой» быть...

Царь с серебряным кубком в виде Бахуса, держащего чашу, несколько раз выходил к пировавшим в других комнатах, и вслед за его появлением шум и крики усиливались.

— Ой, гомону-то что!.. Гляди, «отец»,— отрешат тебя «от шумства», чтобы по кабакам не ходить...

За запечатанными царскою печатью дверями в комнату «конклавии» также слышались крики — «господа кардиналы» избирали кандидатов.

Петру нездоровилось: после Лахтинского купанья * в прошлом году его все еще трепала по вечерам лихорадка, и он незаметно скрылся, оставив пирующих.

Что-то мешало ему веселиться, как веселился прежде. Петру все казалось, что он — не один, что сзади,

за ним по пятам ходит кто-то — незримый, но ужасный и сторожит его... Царя тревожили бесконечные думы о преемнике, о наследнике его дела...

* * *

Вокруг дома «конклавии» горели костры и угощались не попавшие на пир...

Всю ночь веселились гости, пока в шесть часов утра не вернулся царь и не выпустил заключенных «кардиналов», которых с трудом привели в залу избрания: языки еще болтали, но руки и ноги плохо повиновались...

«Князь-кесарь» уселся на троне рядом с «Бахусом».

— Да будет ведомо избираемому, что от него, яко от всевластного и первейшего жреца Бахусова, взято будет письмо особое, дабы мне его унимать словесно и ручно, егда великое шумство учинять задумает,— сказал Петр, но «кардиналы» ничего не слышали: они кричали, ссорились и спорили из-за своих кандидатов, которых оказалось трое.

— Не согласны... Не быть ему «князь-папой»!.. Голоса подавать, голоса,— шумели «кардиналы».

Подали голоса — оказались избранными все трое...

— «Князь-кесарь»! — крикнул царь.— Повели «балы» внести! «Князь-кесарь», засыпавший уже на своем покойном кресле, встрепенулся и отдал приказание.

«Князь-игуменья» княгиня Голицына вошла с большим ящиком в руках и, поставив его пред «князь-кесарем», сама села рядом.

— За «балами», по чину! — хрипло возгласил «князь-кесарь».

Шатаясь и опираясь на плечи «папиных служителей», один за другим подходили к Голицыной «кардиналы» и, получив «балы» — два куриных яйца, одно, обшитое черным сукном, другое — обыкновенное, целовали ее в лоб и отходили.

«Князь-кесарь» осмотрел ящик, дрожащими руками запечатал его и, возгласив имя первого кандидата, передал черному карле, который и отправился собирать «балы».

— Считай, брат, и пиши,— бормотал одному из «архи-жрецов» «князь-кесарь». — Я брат, усыпаю.

Наконец все «балы» были собраны, и огласилось имя избранника.

Горчайший пьяница, провиантский комиссар Строгост отныне стал «князь-папой».

— Вашу немерность поздравляем,— приветствовал его Петр.— Наполняй вином чрево свое, яко бочку Бахусову, возложи венец мглы Бахусовой на главу свою, и да будут дрожащими руки твои во все дни живота твоего!

— «Князь-папе» Строгосту слава! «Князь-папе» многия лета! — кричали вокруг, и среди этих криков не слышно было, как бранили избранника не попавшие на «трон» кандидаты, завидуя его счастью.

А счастье Строгосту и в самом деле привалило не маленькое. «Князь-папа» получал большое жалование, два дома — в Петербурге и Москве, питья, сколько пожелает, из царского погреба... Было о чем погоревать!..

Кроме того, «князь-папа» имел право входить в любой дом и требовать вина, в чем не смели отказывать ему хозяева...

Строгост, покачиваясь и закрывая глаза, сидел на «троне» с кубком «Большого орла» в руках и «принимал присягу» от присутствовавших, которые целовали его руку.

Затем Строгост пересел в ковш и был торжественно обнесен вокруг залы, как одержавший победу римский гладиатор.

После этого «папа» влез в огромный чан с пивом, переоделся в теплые одежды и был вынесен лысыми на улицу. Толпа, давно и с нетерпением ожидавшая появления «папы», со смехом и криками провожала его до самого дома.

Но недолгим оказалось счастье Строгоста: после этих церемоний царь слег в постель и не вставал больше...

С его смертью исчез и «всешутейший собор», и «Неусыпаемая обитель», и сам «князь-папа»...

БЫЛЫЕ УЛИЧНЫЕ ОРИГИНАЛЫ

Лет пятьдесят, шестьдесят тому назад столичная уличная жизнь представляла еще много свободы в костюмах. На главных улицах Петербурга попадались люди чисто в маскарадных нарядах; в первых годах царствования Николая I было в живых и несколько людей екатерининского века, которые ходили по улицам в звездах, в плащах и золотых камзолах с раззолоченными ключами на спине, виднелись и старые бригадиры в бело-плюмажных шляпах; немало было и таких аристократов, которые по придворной привычке при матушке царице приходили на Невский с муфтами в руках и с красными каблуками: этот обычай считался самым аристократическим и шел со времен королей французских. Молодые модники ходили зимою в белых шляпах и при самых бледных лучах солнца спешили открыть зонтики; светские кавалеры тех времен носили из трико в обтяжку брюки и гусарские с кисточками сапожки; жабо у них было пышное, шляпа горшком, на фраках — ясные золотые пуговицы, воротники в аршин. У часов висели огромные печати на цепочках, у других виднелись небольшие серьги в ушах; обычай носить серьги в ушах у мужчин явился с Кавказа, от грузин и армян; нередко тоже протыкали уши мальчикам, по суеверию, от некоторых болезней. Мода на серьги особенно процветала у военных людей в кавалерийских полках, и трудно поверить, что гусары прежних лет, «собутыльники лихие», все следовали этой женской моде, и не только офицеры, но и солдаты носили серьги. Первый восстал на эту моду генерал Кульнев, командир Павлоградского гусарского полка; он издал приказ, чтобы все серьги из ушей были принесены к нему. Уверяют, что известная поговорка: для милого дружка и сережка из ушка, — придумана в то время солдатами. Лет 50 тому назад не считалось странным белиться и румяниться, и иной щеголь так изукрашивал себе лицо румянами, что стыдно было глядеть на него. Военные ходили затяну-

тыми в корсеты; для большей сановитости штаб-офицеры приделывали себе искусственные плечи, на которых сильнее трепетали густые эполеты. Волокиты того времени ходили с завитыми волосами, в очках и еще с лорнетом, а также и с моноклем; жилет непременно бывал расстегнут, а грудь — в батистовых брыжах *. В конце сороковых годов типом для наряда щеголя считался актер, игравший роли первых любовников. Теперь, я думаю, редко кто будет рабски следовать моде драматических любовников Александринского театра и завивать себе волосы «тюрбушонами» *, но тогда, за неимением хороших образцов, франты средней руки копировали во всем актеров. Первые любовники описанной эпохи ходили на улицу и на публичные гулянья в венгерке * оливкового цвета и с красным шарфом на шее. Шиком в то время считалось только менять часто шарфы, а не платье. Молодые театралы, подражая актерам, являлись тоже на улицах в таком наряде. Нынешние брюки сверх сапогов вошли в моду тоже в начале царствования императора Николая I; перенял эту моду Петербург у приезжавшего тогда в наш город герцога Веллингтона, генерал-фельдмаршала английской и российской армий. Такие брюки стали называть «веллингтонами». Знаменитый сподвижник императора Александра I ввел у нас и узкий, длинный плащ без рукавов, называемый тогда воротником (cools).

В описываемую эпоху на улицах Петербурга попадались и модные на головах «боливары» *; это были шляпы необычайной величины, не сняв такой шляпы, трудно было пройти в узкую дверь; но были также гулявшие по улице, усвоившие себе привычку ходить с непокрытой головой. К таким принадлежали приезжавшие по торговым делам англичане из секты квакеров *; они ходили по улицам без шляп в силу того, что снятие шляпы перед кем бы то ни было им было запрещено. Квакеры отвергали музыку, пение, всякие игры, посещение театров и всякую роскошь, но продавать предметы роскоши им не возбранялось. Квакеры первые познакомили нас с входившими тогда в моду гаванскими сигарами. В екатерининское время почти все чиновники и важные люди не носили шляп, а гуляя, держали их под мышкою. Высокая прическа,

пудра и тупеи * не давали возможности накрывать шляпой голову.

В числе уличных оригиналов в сороковых годах часто попадался на улицах небольшой худенький старичок, по профессии учитель французского языка. Он суетливо, почти бегом, шагал по тротуарам, но всегда, зимою и летом, с непокрытою головою; шляпы у него совсем не было. По рассказам, он приехал в Петербург в суровое царствование императора Павла I, и раз ему случилось проходить мимо Михайловского замка, где жил государь, и это было в последний раз, что он имел шляпу на голове. Возле дворца его увидали, догнали и не очень вежливо сбили с головы шляпу, а самого отвели в крепость. Когда узнали, что он иностранец, не знавший тогдашних порядков, то его выпустили; но испуг так на него подействовал, что он помешался на этом и никогда уже не надевал шляпы.

В сороковых годах в Царском и Петергофе близ дворцов все ходили с открытыми головами, как в комнатах. Этого требовал этикет и вежливость к царскому жилищу.

В пятидесятых годах на улицах был замечен еще другой невысокого роста старичок, гладко выстриженный под гребенку и с головой, густо намазанной черной помадой, так что со лба его всегда текла помада. Он также зимой и летом ходил без шляпы: она всегда у него была в руках. Это был сенатор Д-ский, большой любитель церковного пения. Его крепостной певческий хор славился в столице. Крепостных хоров в былое время было в Петербурге несколько.

Обращал на себя внимание также разгуливавший по улицам со своим хором певчих богатый костромской помещик К-в, приезжавший по зимам в столицу. К-в был большой оригинал, необыкновенно тучный, одетый всегда в коричневый фрак и в огромном парике.

Все певцы его хора были подстрижены в скобку, в черных кафтанах и все брюнеты, т. е. окрашены в черную краску. Этот барин водил своих певчих в приходские церкви, где сам, становясь на клирос, правил хором. После церковной службы его, усталого, в поту, увозили певчие домой в маленькой коляске на ресорах, в которую по очереди и запрягались.

К-в очень боялся лошадей и в столицу приезжал чуть не шагом на своих старых конях, которых всю дорогу кормили одним сеном и очень скудно, из боязни, чтобы они не раздобрели и не понесли хозяина.

В описываемые годы Петербург немало видел уличных оригиналов. Такие по большей части встречались на линиях Гостиного двора.

Из заметных здесь лиц каждому бросались в глаза два бродивших старика индуса в своих национальных костюмах; первый из них — в широком темном балахоне, надетом на нем сверх шелкового пестрого халата, подпоясанного блестящим с камнями кушаком, на котором блестел небольшой золотой цилиндрик с священной водой Ганга; на голове его был тюрбан из дорогой кашемировой шали; бронзовое лицо его было татуировано разноцветными красками, черные зрачки его, как угли, блистали на желтоватых белках с кровавыми прожилками; черные широкие брови, сросшиеся на самом переносье, грозно украшали суровые черты его лица.

В правой руке у него была постоянно длинная бамбуковая палка с большим костяным набалдашником, а в левой он держал перламутровые и янтарные четки. Он был стар и еле ходил от тучности. Когда он умер, то был сожжен на Волковом поле, по индусскому обряду. По профессии этот индус был ростовщик. По рассказам, он особенно любил ссужать деньгами актеров и затем каждый месяц являлся спозаранку в театральную контору с ворохом векселей и записок, где и взыскивал со своих горемычных заемщиков. Другой индус, одетый также в живописный восточный костюм, был тоже очень богатый продавец драгоценных камней, и тоже главною отраслью его коммерческих оборотов было ростовщичество, только еще в больших размерах, чем у первого.

Судьба его была очень трагическая: он был убит в Москве в номерах черкасского подворья, и убийца его не был найден. После его смерти все его сокровища были найдены в целости, пропали одни векселя, выданные ему одною графинею.

Спустя несколько лет продавались с аукциона его драгоценные камни; одной бирюзы было продано около четырех пудов, но лучшая, высокого качества,

пропала при расценке товара. Рассказывают, что оценщик, рассматривая мешки с бирюзой, самую дорогую из каждого мешка вынимал и клал отдельно в коробку; бирюза была в кусках, не отшлифованная. После расценки он выпросил ее у квартального надзирателя за труды, последний беспрекословно и отдал ему, не придавая ей никакой цены.

Впоследствии этот оценщик, татарин, выстроил себе около десяти домов в Татарской слободке *. Ходил по Гостиному двору и другой, не менее известный ростовщик, обдывая свои делишки при встрече с военными, у купцов он слыл под именем Хаджи Мурата, но он не был турок, а нежинский грек (Маргаритка); он долго служил в наших войсках лазутчиком и маркитантом; давал он деньги на проценты преимущественно военным; векселей, как говорили, у него в бумажнике было на сотни, тысячи рублей.

Этот Маргаритка не гнушался и мелкой торговлей: на Вербной неделе он первый стал торговать турецкой халвой и рахат-лукумом. Кончил он жизнь также трагически — был зарезан своим воспитанником.

Азиатцев в те времена на улицах Петербурга попадалось немалое количество, встречалось много и подражателей носить восточные костюмы. Из таких мнимо восточных людей были известны — светлейший князь С-ов, десятки лет путешествовавший по Индии, и еще другой богатый аристократ Н-н, елейб-гусар. Он щеголял в живописном наряде кавказского горца. Н-н, как говорили, для большего сходства с настоящим представителем племени шапсугов привил себе на лице даже коросту, присущую этому горскому племени.

Немало встречалось и других подражателей кавказцам. Так, известный художник Орловский очень часто выходил из дому в наряде лезгинца, с кинжалом и в папахе. Орловский был мужчина высокого роста, смуглый, черноглазый и силы большой, наряд черкеса очень шел к нему; нередко ему сопутствовали два его камердинера, из которых один, желтолицый, узкоглазый калмык, в своем родном одеянии, а другой, черный как смоль араб, в широких шальварах, куртке и чалме.

Другой, известный граф С-б, первый столичный

щеголь своего времени, выдумывал разные костюмы. Между прочим он изобрел необыкновенный в то время синий плащ с белыми широкими рукавами. И плащ, и рукава были подбиты малиновым бархатом. В таком плаще приехал он раз в Михайловский театр и сел в первом ряду кресел. Приятель, сидевший с ним рядом и восхищавшийся плащом, стал незаметно всовывать в широкие рукава заготовленные медные пятаки. Когда граф в антракте поднялся с кресел, пятаки покатались во все стороны, а приятель начал их подбирать и подавать с такими ужимками и прибаутками, что все сидевшие рядом покатались со смеху.

Были еще два графа в петербургском высшем обществе, которые тоже прославились своими маскарадными переодеваниями. Первый из них, граф X-в, ходил по улицам в фризовой старой шинели, с повязанной щекой, загримированный пьяницей, с красносиним носом.

Другой, известный потомок любимца императрицы Екатерины II и министра государыни, ходил в белой куртке немецкого булочника, обмазанный тестом и осыпанный мукой, и когда его узнавали, то он открещивался и сердился. Он начал свою карьеру блистательно, еще юношей был пожалован в камер-юнкеры. Но вскоре влюбился со страстью гимназиста в известную танцовщицу и поклялся честью, что если кто сделается счастливым его соперником, то должен будет иметь с ним смертельную дуэль. Такой трагический эпизод вскоре представился — противник был убит на дуэли, и тех пор в нем развилось врожденное расположение к мизантропии и пессимизму.

В описываемые времена театральными и маскарадными костюмами многие не стеснялись. Некоторые из актеров в дни своих бенефисов, отправляясь продавать билеты к вельможам-милостивцам и купцам, облакались в шутовские костюмы, в париках, с разрисованными физиономиями. Мало того — брали с собою своих ребятишек, наряженных в русские или цыганские платья, и заставляли их плясать под аккомпанемент гитары или торбана. Случалось также, что артисты, играя где-нибудь в домашнем спектакле, возвращались домой испанцами и рыцарями.

Известный балетмейстер Дидло, высокий, худой

и долгоносый, окончив свою роль какого-нибудь олимпийского бога в Большом театре, шел домой пешком по Невскому в Троицкий переулок, в свой дом, в таком театральном костюме, имея на голове на место шляпы лавровый венок или фантастическую корону.

Купцы тоже не стеснялись своими костюмами и не только в баню ходили в халатах, но и в ложе Александринского театра можно было видеть в дни спектаклей почтенного отца семейства, заседающего по-домашнему, в халате, в кругу своих чад и домочадцев.

Очень долгое время в Петербурге был грозой и страхом женщин полупомешанный моряк, ходивший по Невскому и Летнему саду в одежде прародителей, снаружи завернутый в один модный тогда плащ *á la Quigo* *. Этот плащ был необъятной ширины, им можно обернуться три раза; видоизменение такого плаща, под названием «альмавивы», долго было любимым одеянием наших художников и актеров. Моряк воображал, что он был по сложению Аполлон Бельведерский, и сковывать свои классические формы пошлыми модными одеяниями не считал нужным. И вот, когда он встречал, по его мнению, достойных ценителей и пленительниц красоты, то тотчас распахивал плащ и являлся древним изваянием. Такую прогулку он раз проделал в саду Виндзорского парка, когда проезжала королева Виктория, за что получил вместе с отставкой чуть ли не европейскую известность.

Было не мало в те годы охотников ходить босиком зимой и летом. Из таких дам была известна в Петербурге орловская помещица С-ва и одна немка таинственного происхождения, для которой великосветские дамы устраивали благотворительные концерты и вечера в Павловске. Приезжал еще по зимам в Петербург какой-то малороссийский помещик, очень тучный и высокий старик, который тоже гулял, несмотря на снег и мороз, всегда босой. Привычка эта у него явилась после какой-то хронической болезни, от которой этим средством его вылечил известный знахарь «Ерофеич».

Обращал на себя внимание ходивший в грязном холстинном халате, таких же штанах за голенищами высокий, с лысиной во всю голову мужчина, очень богатый орловский помещик М-в, известный больше

под именем Спиридона — хлебной матки; родом он был из однодворцев; в немногие годы он успел при своей феноменальной скаредности так нажитья и разбогатеть, что имел более 8000 душ крестьян; он был женат на сестре известного любимца Екатерины II Ланского, от которого также к своему солидному состоянию получил огромное наследство.

Это был прототип Плюшкина. Несмотря на свое более чем нищенское одеяние, он вращался в высшем петербургском обществе, в котором имел немало родных и знакомых.

В ряду уличных оригиналов был известен американский посланник Рандолф, прозванный извозчиками «немым барином». Он ходил по улицам в одном фраке, в белом галстуке и ярко-зеленом жилете; его можно было видеть всегда пешком на улицах, с любопытством рассматривавшего дома, вывески, останавливавшегося на углах, чего-то ожидавшего; он рыскал всюду, как полупомешанный. Про него между дипломатами ходило много анекдотов.

На главных улицах в описываемое время замечалась странная фигура бывшего некогда кастеляна Михайловского замка Брызгалова, в красном длинном мундирном фраке французского покроя, богато шитом золотом; белый суконный жилет, белые замшевые панталоны, огромные ботфорты со шпорами и треугольная шляпа с белым плюмажем дополняли его наряд. В таком виде Брызгалов ходил во всякую погоду пешком, ведя за руки своих детей — мальчика и девочку, ковылявших на ногах, страшно искривленных английскою болезнью.

Группа эта была так комично-карикатурна, что проходившие мимо останавливались со смехом, а Брызгалов сердился и бранился. Он серьезно утверждал, что дожидается возвращения императора Павла из дальнего путешествия и что тогда напляшутся все, которые считали его умершим. «Сомнительно, — говорит в своих воспоминаниях Ципринус *, — но несомнительно то, что он был ростовщик и страшный ябедник».

Как бы в pendant¹ к этой странной фигуре в те же

¹ pendant (фр.) — здесь «в дополнение».

годы жил один старый сенатор. Живя в Большой Морской, он в хорошую погоду ходил в Сенат по Адмиралтейскому бульвару в красном сенаторском мундире. За ним, нога в ногу, следовал старый лакей и вязал чулок. Красный мундир сенатора накликнул однажды на него беду. Козел, выпущенный из конюшен Конногвардейского полка, увидев красную фигуру, накинулся на сенатора и повалил его ранее, чем лакей успел предотвратить это комическое приключение. Катастрофа эта для здоровья сенатора не имела вредных последствий, но страшнейшее следствие все-таки было произведено полицией.

Не меньшее любопытство встречал на улицах кавказский шестериком, с фореитором на вынос, в богатой восьмистекольной карете, всегда с дымящимся кальяном в зубах и с десятком жирных котлов бывший владетельный кавказский князь, известный под именем князя Окропира. Это был большой оригинал. Восточный наряд его был высокой цены: одних изумрудов и рубинов, нашитых на нем, было более чем на сотни тысяч.

Князь был помешан на церемонии и этикете; его вносили и выносили на руках десятки лакеев, одетые в зеленые и малиновые бархатные кафтаны, за ним всегда следовал целый ряд карет с его придворными дворянами; штат их был очень многочисленный. Князь был очень щедр и за раскурку своего кальяна платил своему придворному по червонцу. Ему все подавалось на золотых блюдах. Он любил, чтобы и пенсию, получаемую им от правительства, ему подносили чиновники при церемониале, и он каждого такого наделял щедро червонцами. Кредитных бумажек он не брал, будь их хотя на сто рублей или более: все они оставались на долю казначейского чиновника.

В многочисленный штат этого князя входило несколько заклинателей от разных болезней; он их считал единственными знатоками и практиками медицины. Но когда первая холера посетила столицу, заклинателей у князя заменили кошки. Как-то покушав не в меру жирного пилава, он почувствовал припадку страшной гостьи и сейчас же прибегнул к заклинателям, но последние не принесли пользы. В отчаянии он разослал всех своих людей за докторами и, оста-

вхись один, кидался из угла в угол, не зная, что делать, и; нечаянно наткнувшись на своего любимого кота, с грустью прижал его к своей груди. И каково же было его изумление, когда, согрившись прикосновением своего фаворита, он почувствовал облегчение и вскоре задремал. Когда же открыл глаза, толпа докторов стояла в безмолвии перед его креслом. Болезнь его миновала. С тех пор князь Окропир кошек считал единственной панацеей не только от холеры, но и от всех болезней, и более сотни разношерстных таких четвероногих стали обитателями его апартаментов.

* * *

Большую уличную популярность пользовался в первой четверти текущего столетия ходивший по рынкам и где только собирался народ старик невысокого роста, с худощавым, изрытым оспою лицом и белокурыми с проседью волосами; это был известный капельмейстер О. А. Козловский, автор знаменитого полонеза с хорами, сочиненного на торжество, данное князем Потемкиным в честь императрицы Екатерины II в Таврическом дворце: «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс» и проч.

Слова эти сочинял Державин, и если прочитать их далее, то в них найдутся пророческие места, как, например: «Воды грозного Дуная уж в руках теперь у нас». Известно, что воды «грозного Дуная» попали в наши руки уже только при императоре Николае Павловиче. Другой его полонез, написанный им на коронавание Александра I, «Росскими летит странами на золотых крылах молва», того же Державина, не менее первого имел успех в петербургском обществе.

Известный полонез Огинского, про который существует легенда, что он сочинен несчастным, умершим от любви к высокой особе, современники предполагали, написан тоже не без участия Козловского, который жил в доме князя и учил музыке Михаила Огинского.

Козловский служил при Екатерине II капельмейстером императорских театров; он отличался большими странностями: ходил в крестьянском тулупе, любил заходить в харчевни, кабаки, где прислушивался к народным песням; его нередко встречали на площадях

с гуслиями под мышкою, в обществе полупьяных мужиков и деревенских баб, которых он заставлял петь свои песни прямо у возов и ларей продавцов. Любимым его тоже занятием было рассказывать детям сказки — детей он любил до обожания.

Козловский написал много народных мелодий; известнейшие из них — на слова Нелединского-Мелецкого *; популярнейшая лакейская песня «Барыня» сочинена тоже им; в первый раз «Сударыня-барыня» была исполнена в 1817 г. театральным оркестром в одном из маскарадов. Мотив этой песни произвел необыкновенный восторг, долгое время был в большой моде и распевался во всех петербургских обществах. Козловский пользовался дружбою Державина, с которым вместе любил играть на гуслиях. Большим приятелем его был Яблочкин, известный исполнитель русских песен и скрипач эрмитажной камерной музыки. Яблочкин был учеником знаменитого скрипача и балалаечника Хандошкина. Козловский умер в 1831 г., в глубокой старости, в чине статского советника; происходил он родом из белорусских дворян и в молодости служил органистом в костеле св. Иоанна в Варшаве.

В двадцатых годах в столице было немало тайных обществ, имевших шуточный характер. К таким кружкам принадлежало общество театралов, членами которого была военная молодежь. Общество это было прекрасно организовано, никаких отношений оно ни к драматическому, ни к хореографическому искусству не имело. Цель его была одна — ежедневно посещать театры и садиться на места, не платя за них денег. Иной такой член во все время спектакля только и делал, что перемещался с места на место. И когда уже свободных мест не хватало, то выходил из театра.

На это общество было обращено серьезное внимание третьего отделения, и члены его все переписаны. Затем было еще «с.-петербургское вольное общество любителей прогулки». Предводителем гуляющих в нем числился известный в то время доктор Иван Ястребцов; церемониймейстером прогулок — граф Соллогуб; советником общества — П. Безобразов; цензором благочиния — Василий Соц и непременно секретарем — Осипов. Члены общества имели очень красивые дипломы, с аллегорическими изображениями

времен года во всех углах красивой голубой рамки. Лорнет, висящий на черной ленте, служил знаком отличия почетного пешехода и считался знаком отличия от других пешеходов или собственно прохожих — его давали носить, наблюдая, впрочем, некоторые подразделения. Так, по статьям статута, в буднично-рабочие дни прогулки лорнет мог быть и в движении, и в покое — по собственному смотрению; в празднично-гулевые дни лорнет должен, по установленным законам движения гулевой головы, непрестанно мотаться перед глазами, и не прежде как при возвращении домой, дозволялось спустить его на черной ленте рыцарского ордена, протянутой через плечо по камзолу, в карман, или оставить в виде триумфа на камзоле, в фигурном положении.

Надо предполагать, что «общество любителей прогулки» возникло или на чисто гигиенической почве, или чтоб осмеять существовавшие тогда правила езды в экипажах. Вспомним, что в те годы пешеходной прогулке придавали мещанское значение. Все, что имело чин и дворянство, должно было ездить в каретах, по установленным еще императрицею Екатериною отличиям — по рангам.

В описываемые годы еще существовало другое общество — «общество друзей признательности», президентом которого числился известный впоследствии финансовый деятель А. М. Княжевич. Это общество носило тоже частный характер и было организовано в остроумно-шутливом тоне. Оно устраивало своим сочленам заседания с приличною трапезою, музыкой и пением.

Существовали также в те годы еще и другие веселые общества, как, например, «Галеры» и «Зеленой лампы». Заседания последних двух, как надо думать, были чисто в анакреоновом вкусе, с веселыми женщинами и с бурными возлияниями. Председателем «Галеры» был известный богач Всеволожский; в его доме, напротив Морского собора, и собирались веселые сочлены.

В Александровское время в Петербург приезжали квакеры; своим оригинальным костюмом, своими обрядами и несниманием шляпы перед людьми и другими нравственными особенностями они обращали на

себя внимание, имея вид больших чудаков. Квакеры в столице знакомились со всеми различными сферами русского общества; они появлялись в школах, тюрьмах, в аристократических домах. Бывали у важных духовных лиц. Известны, например, их беседы с митрополитом Михаилом и епископом Филаретом, впоследствии московским митрополитом. В Петербурге квакеры жили по несколько месяцев. Все власти принимали их с почетом; квакеры, вообще, старательно отыскивали секты, в которых находили сходство со своими верованиями. Из русских сектантов особенно молокане почувствовали к ним большое расположение, потому что в их религиозных понятиях квакеры нашли много общего со своими собственными.

Особенно своими странностями бросался в глаза на улицах столицы Томас Шилитэ. Это был один из первых проповедников трезвости. Он был маленький человек лет семидесяти, с живыми движениями, довольно оригинальной головой и лицом. Выдавшийся лоб, глубоко лежавшие глаза с густыми бровями, крючковатый нос и сильно выдававшаяся нижняя челюсть, показывавшая решительность. Нервность его темперамента доходила почти до помешательства. Он слышал голоса, говорившие его внутреннему чувству. Увидеть мышь стоило бы ему болезни. Он часто пугался из страха, чтобы чего-нибудь не испугаться. Рассказывали, что в течение нескольких недель он воображал себя чайником и очень боялся, чтобы люди, подходившие к нему близко, его не разбили. Он думал, что ему надо бежать бегом через мост, чтобы мост не сломался под его тяжестью. Один поразительный случай убийства так подействовал на его воображение, что он несколько недель скрывался, чтобы его не приняли за убийцу. Но в других случаях этот человек был неустрашимым, как герой; он не пил вина и питался одной растительной пищей. Концом его бесед в обществе было молчание, в ожидании осенения Св(ятого) Духа, а после молитва.

В царствование императора Александра I в кругу военной молодежи славился своими остроумиями и уличными проказами Ваксель, офицер, служивший в конной артиллерии. Ваксель был хорошо известен императору. Он знал хорошо военную службу. Лихо ез-

дил верхом, за что ему и спускалось много проказ. Не проходило дня, чтобы Ваксель не выкинул какой-нибудь штуки на улицах столицы.

Рассказывали, что однажды император, прогуливаясь верхом по городу, увидел большую толпу народа, стоявшую на Казанском мосту и на набережной канала. Народ с любопытством смотрел в воду и чего-то ждал. «Что это такое?» — спросил государь у одного из зевак. «Говорят, ваше величество, что под мост зашла кит-рыба», — отвечал легковёрный зритель. «Верно, здесь Ваксель!» — сказал государь громко. «Здесь, ваше величество!» — воскликнул тот из толпы. «Это твоя шутка?» — «Моя, ваше величество». «Ступай же домой и не дурачься!» — промолвил государь, улыбаясь.

Рассказывают, что еще в царствование императора Павла Петровича Ваксель побился об заклад, что на вахт-параде дернет за косу государя. Ему не хотели верить, но побились с ним ради шутки. В первый же вахт-парад Ваксель вышел из строя, быстро подбежал к императору и легонько дернул его за косу. Император обернулся. Ваксель снял шляпу и, поклонившись, как требовала тогда форма, сказал тихо: «Коса лежала криво, и я дернул поправить, чтобы молодые офицеры не заметили». «Спасибо, братец!» — сказал государь. И Ваксель с торжеством возвратился на свое место.

В тогдашнем высшем обществе сильно недолюбливали Наполеона; и в это время французским чрезвычайным послом прибыл в Петербург бывший адъютант императора, любимец и доверенное его лицо, генерал Савари, — выбор этот был довольно неудачный. Савари был известен Александру Благословенному с Аустерлица; он приезжал к императору от Наполеона с предложением перемирия после битвы, а затем Савари был известен как один из судей и главный виновник смерти принца Энгийенского, члена одной из древнейших европейских династий.

В кругу русской аристократии была сильная агитация против Савари, и его в высшем обществе принимали чрезвычайно холодно. Ваксель поклялся насолить Савари; он нанял карету четверней у знаменитого тогда извозчика Шарова, нарочно с тем, чтоб столкнуться с каретой генерала Савари. Ваксель выехал,

когда Савари возвращался из дворца, и, пустив лошадь во всю рысь, сцепился с каретой французского посла на Полицейском мосту. Одну карету надо было осадить; посланник, высунувшись в окно, кричал Вакселя: «Faites reculer votre voiture!» «C'est votre tour de reculer! En avant»¹, — отвечал Ваксель, и генерал Савари, чтобы избегнуть несчастья, принужден был выйти из кареты и велел его осадить.

Ваксели были бедные смоленские дворяне; родственник этого Вакселя был также замечательный человек: он, при сметливом уме, искусным межеванием составил себе несметное богатство. Этот ловкий землежеватель прослыл в обществе под именем Вольтера; он сам, шутя, говаривал: «Вот добился же я чего-нибудь в свете! Меня все называют Вольтером, хотя я от роду не был грешен ни в одном стишке». По наивности он не догадывался, что его называют Вольтером по каламбурному значению *vol-terre* ².

Не менее этого Вакселя в сороковых годах в Петербурге был известен Ваксель-охотник; человек с превосходным образованием и начитанностью, он от природы был одарен острым умом, был знаток в живописи и отлично сам рисовал, хотя и левой рукой. В особенности он был замечательный карикатурист, и, что еще замечательнее, заглазно, на память, его портреты-карикатуры выходили всегда удачнее, имели более сходства. Нарисует он какого-нибудь толстяка худым, чуть не скелетом, а художник — толстяком, и оба как вылитые. Меткие карикатуры Вакселя памятны и теперь, вероятно, многим старожилам.

У известного орловского помещика Н. В. Киреевского находился целый альбом карикатур, и очень будет жаль, если он утратился как вещь, не имеющая никакой ценности в глазах наследников.

В описываемые годы были лгуны, которых теперь совестно называть лгунами; речь их была увлекательна и не без сказочной поэзии, пред ними раскрывались настезь двери аристократических салонов, около них теснился кружок внимательных слушателей; эти лгуны у стариков носили название «Гамбургской газеты».

¹ «Faites reculer votre voiture!» «C'est votre tour de reculer! En avant» (*фр.*) — «Поверните в сторону Вашу карету!» — «Вы первый отведите! Вперед!»

² *vol-terre* (*фр.*) — здесь «ворующий землю».

Обеды в старину у ресторатора Фельета, на Большой Морской, отличались большим многолюдством и оживлением; в числе постоянных посетителей было несколько лиц, отличавшихся своим красноречием, никому не обидным, а только каждому забавным. В ряду таких болтунов пользовался всеобщою известностью полковник Тобьев, старый служака времен очаковских; его рассказы поражали необъятною хвастливостью — это был русский барон Мюльгаузен.

Однажды за общим обедом речь зашла о Потемкине. «Вы знаете, я служил при нем адъютантом, — сказал Тобьев, — и скажу, не хвастаясь, я пользовался любовью князя более, чем кто-либо из его приближенных. Раз, в веселый час, князь просит меня ехать курьером в Тобольск; дело было очень серьезное, и другим светлейший не мог его доверить. Князь лично дал мне наставление, и я думал уже откланяться его светлости, как Потемкин остановил меня вопросом: что, Тобьев, бывал ли ты когда-нибудь в Сибири? Я отвечал, что не был. «Ну, рекомендую тебе, — промолвил Потемкин, — Сибирь — страна редкостей. Смотри же, исполни главное, что я тебе приказывал, и затем привези для меня из страны редкостей какую-нибудь диковинку, а затем — прощай!»

Привезти для великолепного князя Тавриды, дивившего всех и уже не удивлявшегося ничему, согласитесь сами, вещь, право, не шуточная; однако ж я не терял надежды. По особому счастью, которое так частенько гонялось за мною, мне удалось закончить дело так успешно и скоро, как иному бы и во сне не приснилось. Я летел из Петербурга, как голубь, загнал за дорогу более ста лошадей, шесть троек положил на месте — ну, словом, летел так, как никому не удавалось прежде и, конечно, никогда уже не удастся после меня; вообразите: три тысячи верст я прокатил в шестеро суток. «Ну, Тобьев, молодец ты, удивил меня», — встретил меня этими словами Потемкин. Явился я к светлейшему весь в пыли, донес ему о деле; князь остался очень доволен. «Ну, недаром просил тебя привезти мне диковинку из Сибири, — диковинка теперь — ты сам!» — «Простите, ваша светлость, я не забыл и про диковинку для особы вашей». — «Не забыл», — сказал князь с рассеянным видом и, подойдя

к окну, стал барабанить по стеклу в задумчивости. «А ты здесь еще?» — спросил он спустя несколько минут, оборотясь от окна. «Да». — «А где же твоя диковинка?» — «Со мною, ваша светлость». — «Что же я не вижу, или она уже так мала?» — «Извините, князь! Как раз на ваш рост». С этим словом я разжал правую руку и распахнул перед князем чудеснейшую соболью шубу. Разумеется, князь так и ахнул. «Как, неужели целая соболья шуба могла поместиться в вашем кулаке?» — сказали изумленные слушатели. «Ну, конечно! — отвечал полковник. — Чем же иначе мог я удивить Потемкина, как не такой диковинностью меха».

Из таких же невероятных рассказов Тобьева вот и другой. «Раз после обеда, выходя от Фельета, мне с приятелем захотелось побывать в театре. Дорогою к театру пошел проливной дождь; я отдал приятелю зонтик, а сам отказался. Дождь пошел еще сильнее; приятель опять просит меня укрыться под зонтиком, я отказываюсь. Приходим к театру, у приятеля шляпа мокрая и пальто тоже промокло, я же сух, на мне ни одной капли дождя; представьте, я так ловко и искусно умел во всю дорогу отпарировать палкою каждую каплю, что решительно ни одна не упала на мое платье и шляпу. Тут только разгадал мой приятель, что значит свист, который всю дорогу гудел в его ушах: вы догадываетесь, конечно, что он происходил от непомерной быстроты палки». Эти два рассказа, кажется, приписывали многим из наших вралей.

Лет пятьдесят тому назад по линиям Гостиного и Апраксина дворов бродил старик в красном замаранном кафтане охотника-доезжачего. Этот обломок былой помещичьей жизни, несмотря на свои преклонные годы, владел феноменальной силой: он кулаком разбивал небольшое полено в мочалку, гнул и ломал подковы, свертывал в клубок кочергу и делал другие невероятные по силе штуки. Старик происхождением был пленный турок и долго жил доезжачим в охоте известного самодура князя Грузинского.

Но главное художество этого «Турка», как его звали, что он не позволял себя «с чистоты снять», т.е. победить на кулачках.

В те годы кулачные бои у нас еще процветали, старики помещики и купцы любили эту жестокою охо-

ту и нередко, собравшись где-нибудь за городом повеселиться, сводили своих бойцов для потехи и держали за них большие пари и заклады. Кулачный бой с незапамятных времен на Руси был любимой потехой. Охотники выходили против охотников, били друг друга кулаками в голову, в грудь, в живот. Бились до последнего истощения сил; нередко увечили одного, иногда даже платили жизнью за потеху. Кто падал, того уже не били, в силу закона кулачных бойцов — «лежачего не бьют». Кулачные бои происходили в известные дни. Обыкновенно время боев начиналось с зимнего Николы, т.е. с 6 декабря, и продолжалось до соборного воскресенья. Самый большой разгул был в масленицу. Летом бои не бывали.

В Петербурге кулачные бои, по свидетельству иностранцев, еще в Петровское время происходили на Адмиралтейской площади. Лет сорок назад страшный кулачный бой был на берегах Невы зимой, на Малой Охте; здесь дрались охтяне с крючниками Калашниковой пристани. Старожилы Петербурга, я думаю, еще хорошо помнят эту потеху. На вызов к бою, или на «затравку», как тогда говорили, высылали детей; те задевали детей противников. Любопытные собирались смотреть, после охотники являлись на защиту детей; тут-то и разыгрывалась молодецкая кровь. Избитые дети мало-по-малу уходили, а между взрослыми начиналась свалка. В других городах на кулачные бои выходили селение против селения, одна часть города против другой, охотник против охотника, татары против русских, мещане против посадских и т.д. Прославившихся бойцов возили из города в город и вызывали против них охотников биться. Бойцы городские, привыкшие к ловкости, почти всегда брали верх над деревенскими; из городских славных бойцов были казанские, калужские и тульские.

Таких бойцов богатые купцы привозили зимою в Москву и в Петербург, и они держали бой с татарами, привозившими рыбу и икру. Слабые, но хитрые бойцы иногда закладывали в рукавицы камни, свинчатки, чугунные бабки, чтобы удар был сильнее. Но таких если ловили, то били уже не на живот, а на смерть.

Видов боев в старину было три: «один на один»,

«стена на стену» и «сцеплялка-свалка». Бойцы «один на один» считались выше других и никогда не ходили «стена на стену». Лучшими из них считались в тридцатых годах тульские: Алеша Родимый, Никита Долговяз, братья Походкины, семейство Зубовых, Тереша Кункин — их с почетом развозили купцы по городам, их называли «Чудо-богатырями». Пить как можно больше вина считалось у них доблестью, а брать деньги в подарок — бесчестьем. Лучшими бойцами «стена на стену» славились казанские суконщики; всегдашними соперниками их были татары. В Херсоне суконщики дрались с евреями-караимами. В Туле известны бои оружейников с посадскими; в Костроме — дебрян с сулянами, на Молочной горе. Когда бились «стена на стену», лучшие бойцы выдерживались в стороне с толпою зрителей, их называли почетным прозвищем: «надежа-боец». Их обязанность была поддержать своих, когда одолевали противники. Когда неприятели пробивали стену, «надежа-боец» летел на подмогу с шапкою в зубах, бил кулаками на обе стороны и, пробив вражескую стену, возвращался при громких похвалах. Угощение в кабаке было неизменною наградою «надежи-бойца». В «сцеплялке-свалке» противники шли врассыпную и тузились в толпе. Этот род боя употреблялся очень редко.

Замечательною уличною знаменитостью в Петербурге после отечественной войны был донской казак Зеленухин. Этого донца народ и общество просто носили на руках. Александр Зеленухин был очень типичный казак, шестидесяти лет, с седою большою бородою, с Георгиевским крестом и многими медалями на груди. На службе он был более тридцати лет. Слава его начинается с посещения им Лондона, куда он был послан из Гамбурга к нашему посланнику графу Ливену. Англичане, предуведомленные о его приезде, ожидали на пристани в количестве нескольких тысяч человек, и лишь только он появился, как повсюду раздался восторженный крик: «Ура, казак!» Эти возгласы сопровождали его во все его пребывание в Лондоне, как только он показывался на улицах. Его наперерыв хватали за руку, лишь бы поздороваться с ним, давали ему разные подарки; от денег казак отказывался, говоря: «Наш батюшка царь наделил нас всех, мы ни в чем

не нуждаемся, сами в состоянии помогать бедным. Спасибо за ласку вашу!» Эти слова Зеленухина были приведены в то же время во всех английских газетах, и никто после того не предлагал ему более денег. Зеленухин не принял от принца-регента даже тысячи фунтов стерлингов, тогда стоивших около 24 тыс. руб. на ассигнации.

Такой редкий пример бескорыстия привел в совершенное изумление всю английскую нацию. Принц-регент приказал сделать казаку военную сбрую на казачий образец, стальную пику, два пистолета, ружье, саблю, трость с выдвигающеюся зрительною трубкою, лядунку, перевязь, вышитую серебром, и проч. Все же собственное вооружение казака принц взял себе на сохранение как достопамятность и воспоминание, что был некогда храбрый казак в Лондоне.

Зеленухина возили в театр, где он сидел в парадной ложе между первыми сановниками; в антрактах спектакля восторженные овации ему не умолкали. Вся знать желала видеть у себя гостем казака, все пили за него и за здоровье русских воинов — «победителей злодея вселенной». Зеленухина возили в парламент, где лорд-канцлер говорил речь перед ним. «Посмотрите на старика, покрытого сединами, — вещал оратор, — забывая свои утомленные летами силы, он поспешил принести их на поле сражения и привел в трепет и ужас изверга Бонапарта. Не он один, но и многие старее его прилетели защищать свою землю, гробы своих праотцов, сражаться за Бога и царя. Последуйте героическому примеру великого народа — и злодей исчезнет перед оружием всеобщего ополчения!»

Зеленухина в Лондоне заставили показывать все военные приемы донцов; триста конных гвардейцев были назначены в его распоряжение. На это зрелище съехалось несколько сот тысяч зрителей из всех городов Англии. Его учение привело всех в восторг, народ неистово кричал: «Виват, донское войско!» Зеленухина просто закидали подарками, женщины снимали с себя платки, шали и другие вещи, прося принять казака на память.

Некоторые из дам просили у него волос из бороды или с головы. По этому случаю было немало комичных сцен. Зеленухин в Петербурге рассказывал, что, не

имей он законной жены и будь немного моложе, его непременно женили бы. Все дамы досадовали, что он стар и женат и что предложение выйти за него замуж было бесполезно. Ему давали дом и землю в Лондоне и просили поселиться у них на житье, но все предложения Зеленухин отверг; он отвечал всем, что хочет умереть у себя в хате, где его старуха и протекает Тихий Дон. После заграничной своей поездки Зеленухин вскоре был отпущен в отпуск и умер у себя на Дону.

Из книги «Старое житие»

КАК ЕЛИ В СТАРИНУ

Сера утица ества моя.
Красна девица невеста моя.

Старинная песня

Еда наших предков в XVII столетии была крайне неприхотливая: обыкновенною пищею простого народа был ржаной и ячменный хлеб с чесноком или ячменная каша. Щи составляли уже роскошное кушанье и даже больше того, если в них было ржавое свиное сало. В военное время в войсках пища была — сухари и толокно. По свидетельству иностранных посланников, поваренное искусство русских состояло из множества блюд, но нечистота и еще более чесночный и луковый запах делали их почти несъедобными, притом почти все кушанья приправлены были конопляным маслом или испорченным коровьим. В старину коровье масло приготавливалось в печах и без соли, от этого оно скоро горькло. Петр Великий первым научил русских делать его по голландскому способу, из сметаны и сливок. Иностранцы говорят, что единственно хорошими кушаньями у русских были холодные. До конца XVII столетия русские не знали другой огородной зелени, кроме простой капусты, чесноку, луку, огурцов, редьки, бураков и дынь. Указом 1660 г., ноября 11, велено разводить в Чугуеве арбузы и, когда они поспеют, присылать в Москву. Салата предки наши не сеяли и не ели; Брюинь говорит, что в его время русские стали разводить «саллери», но спаржи и артишоков не знали, несмотря на то, что первая

росла у них дико на полях. Первые артишоки в Петербург были привезены из Голландии в 1715 г. Русские в старину не ели ни телятины, ни заячьего, ни голубиного мяса, ни раков и вообще ничего, что само по себе умирало; также они считали нечистыми всех животных, которые были убиваемы женщинами. Из мясных яств самые обыкновенные были: говядина, баранина и свинина, также домашние и дикие птицы. Индейки появились у нас около 1625 г. Приготовление мясных блюд было весьма просто: почти все мяса варили в одной воде с небольшим количеством соли, луку и перцу, и нередко различные роды мяса варились в одном горшке. К мясным кушаньям на стол ставили в приправу: соленые огурцы, соленые сливки и кислое молоко.

Чтобы судить о мясных и других блюдах того времени, приведем, что было подано царю Алексею Михайловичу в сенник во время бракосочетания его с Наталией Кирилловной Нарышкиной: «Квас в серебряной лощатой братине, да с кормового двора приказных еств; папорок лебедин по шафранным взварам; ряб окрошиван под лимоны, потрох гусиный, да к государыне царице подано приказных еств: гусь жаркой, порося жаркое, куря в колье с лимоны, куря в лапше, куря в щах богатых, да про государя же и про государыню царицу подаваны хлебные ества: перепеча крупичетая в три лопатки недомерок, четь хлеба ситного, курник подсыпан яйца, пирог с бараниною, блюдо пирогов кислых с сыром, блюдо жаворонков, блюдо блинов тонких, блюдо пирогов с яйца, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниной. Потом еще: пирог росольный, блюдо пирогов росольных, блюдо пирогов подовых, на торговое дело, коровай яцкий, кулич недомерок» и проч.

Но самые любимые блюда русских были рыбные; особенно такими любили они хвалиться перед иностранцами. Рыба в старину не была дешева, и волжская свежая стояла в цене несравненно дороже мяса домашних животных и дичины.

Путешественник Танер * говорит, что иногда одну половину рыбы едва три сильных мужчины в состоянии были подать на стол. Множество рыб, по его свидетельству, совсем не имели собственного своего

вида, но искусством поваров обращены были в индейских петухов, кур, гусей и проч.

Во время стола 1671 г. патриарх подносил великому государю «домового кушанья в три статьи по четыре ествы: первая статья: щука паровая живая, лещ паровой живой, стерлядь паровая живая, спина белорыбицы; вторая статья: оладья тельная живой рыбы, уха щучья живой рыбы, пирог с телом живой рыбы; третья статья: щуки голова живая, полголовы осетрей живой, тешка белужья; питья подносили: ренское, да романею, да бастр».

Постные яства у нас в старину были, как и теперь, разные: в иные дни позволялось есть рыбу, а в другие — нет. Так, «в среду первые недели Великого поста (1667 г.) святейшему патриарху готовлено кушанья: хлебца четь, папошник, взвар сладкий с пшеном и с ягоды, с перцем да с шафраном, хрен, греночки, капуста топаная холодная, горошек зобанец холодный, киселек клюковный с медом, кашка терта с маковым сочком и проч. Того же дня было к патриарху прислано: кубок романей, кубок ренского, кубок малвазии, хлебец крупичатый, полоса арбузная, горшечек патоки с инбирем, горшечек мазули с инбирем, три шишки ядер».

Стол домашний у русских бывал простой и сытный и не отличался большим обилием блюд, но если стол был званный, как, например, когда нужно было угощать иностранных посланников, то число блюд доходило до пятисот. При столах русских бояр подаваемые яства и напитки были несравненно дороже, нежели была столовая и для питья ежедневно употребляемая посуда. В бытность Бухава * в Москве богатые вельможи едали и пивали по большей части из деревянной посуды, которую делывали монахи и у которой края бывали обыкновенно позолочены. Оловянные блюда и тарелки составляли тогда большую редкость, но каждый боярин имел непременно серебряный кубок, из которого подавали гостям пить за здоровье.

В бытность Мейерберга * в Москве, в царствование Алексея Михайловича, у бояр столовая посуда была оловянная; ложки, ножи и вилки, как и тарелки, были подаваемы одним только почетнейшим гостям. Бухав, бывши при столе Иоанна Грозного, говорит, что он не

имел ни тарелки, ни ножа, а пользовался ими от сидевшего подле него боярина.

Позднее, при Петре Великом, столовая посуда у его вельмож была почти у всех серебряная, а у придворных императрицы Екатерины II — нередко и золотая. Граф Сегюр * рассказывает, что когда он сопровождал императрицу на одном из праздников в с (еле) Кускове графа П. Б. Шереметева, то его поразило, что стол графа был сервирован золотую посуду на шестьдесят персон; граф Комаровский *, видевший этот праздник, замечает в своих записках: «Что всего более удивило меня, так это плато, которое было поставлено перед императрицей. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, а на том возвышении был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов».

Порядок угощения был совсем другой в XVII, чем в XVIII, столетии. Так, в XVII веке столы при дворе начинались с жаркого, и притом жареными павлинами. В следующем же столетии, например, сперва подавали студень из говяжьих ног или икру.

При Петре Великом в домах его вельмож стол был уставлен окороками, колбасами и другими солеными и копчеными мясными блюдами, приготовленными с деревянным маслом, чесноком и луком. После этих холодных подаваемы были разные похлебки жаркие и другие теплые кушанья и, наконец, закуски, состоявшие из свежих и вареных в сахаре плодов, по большей части в дынях и арбузах.

Десерты и закуски были особенно богаты в XVII столетии. Так, по случаю рождения Петра Великого царю Алексею Михайловичу было подано на стол в числе других лакомств: коврижка сахарная большая — герб государства московского, вторая коврижка сахарная же коричная — голова большая росписана с цветом, весом два пуда двадцать фунтов; орел сахарный большой литой белый и другой орел сахарный же большой красный с державами, весу в них по полтора пуда; лебедь сахарный литой, весом два пуда; утя сахарная литая, весом двадцать фунтов. Затем шли еще сахарные: попугай, голубь. Но верхом кондитерского дела здесь были: город Кремль сахарный с людьми конными и пешими; башня большая

с орлом; башня средняя с орлом; город четверо-угольный с пушками; две трубы сахарных весом в 15 фунтов; марципан сахарный большой на пяти кругах; другой — леденцовый; две спицы сахару-леденцу белого да красного, весом по двенадцати фунтов каждая; сорок блюд сахаров узорочных людей конных, пеших и разных статей, по полуфунту на блюде. Следовали дальше блюда смоквы, цукату, citronу, шамшалы, яблок мушкатных и иных индейских овощей; всего таких блюд было наряжено и подано 120.

Из напитков русских самые древние были меды. Пиво в старину называлось «олуй»; меды были варенные и ставленные, первые варились, вторые только наливались... При Петре Великом при дворе и в домах знатных вельмож стало входить в моду венгерское вино: его употребляли при питье в торжественных случаях. При императрице Елизавете Петровне стало уже входить в моду шампанское — первый привез его в Россию французский посланник маркиз де-ла-Шетарди, а пропагандировали его Андрей Шувалов * и Кирилл Разумовский *.

Обыкновенным напитком русских был квас: пили его все — от царя до крестьянина. Употребление чая стало известно в России только около половины XVII столетия. Сперва употреблялся он при царском дворе как лекарство, и настоящий китайский чай привозим был чрез Сибирь. Его еще тогда употребляли у нас так мало, что Кильбургер, в бытность свою в Москве в 1674 г., покупал его по 30 копеек за фунт. Кофе впервые стал известен в начале прошлого столетия; первый кофейный дом был заведен Петром Великим в Петербурге в 1704 г., но кофе вошел в употребление только с половины нынешнего столетия. Императрица Екатерина II была большая охотница до кофе и пила необыкновенно крепкий. У нас в старину был в большой моде так называемый «взварец», род напитка, составленного из пива, вина и меду с пряными кореньями; его пивали обыкновенно ковшами. У малороссов такой напиток известен под именем «варенухи». Сахарные фабрики у нас заведены в начале XVIII столетия. Петр I указами 1718 и 1721 гг. запретил привозить из-за границы головной сахар; можно было ввозить только сахарный песок.

В царствование императрицы Екатерины II русское поваренное искусство теряет свой национальный характер: в моду входят приглашенные к вельможам-гастрономам французы-повара; вкус русского стола и простые русские яства уступают место чужеземным многосложным. В это время русский стол состоял из четырех подач: 1) холодные; 2) горячие или похлебки; 3) взвары и жаренья; 4) пирожные. Великолепие пиршественных столов заключалось не столько в изяществе, сколько в изобилии в множестве блюд. Так, стол ужинный на пятьдесят кувертов в зимнее время состоял более чем из восьмидесяти блюд; в первой подаче идет по десяти супов и похлебок, затем двадцать четыре средних антрме вроде: индейки с шио, пирогов королевских, теринов с крылами и пуре зеленым, уток с соком, руладов из кроликов, пулярд с кордонами и проч.; далее следует тридцать два ордевра, в которые входят маринады из цыплят, крыла с пармезаном, курицы скатанные и т. д. На смену им идут «похлебки большие блюда»; далее семга гласированная, карп с приборами, торнбут гласированный с кулисом раковым, окуни с ветчиною; последние сменяют: курицы жирные с прибором, пулярды с трюфелями. После на смену этих идет тридцать два ордевра, в которые входят: рябчики по-испански, даже черепахи, чирята с оливками, вьюны с фрикандо, куропатки с трюфелями, фазаны с фисташками, голубята с раками, сальми из бекасов. После идет жареное: большие антрме и салаты — здесь и ростбиф из ягненка, дикая коза, гато компиенской, зайцы молодые, двенадцать салатов, восемь соусов и пр. После следует двадцать восемь средних антрме и горячих, и холодных; в числе последних: ветчина, языки копченые, торты с кремом, пирожные, тартелеты, хлебцы итальянские; далее идут смены салатов: померанцы и соусы с тридцатью двумя антрме горячих, где входят: потроха по-королевски, цветная капуста, сладкое мясо ягнячье, буконы, гателеты из устриц и пр. и пр.

В Екатерининское время многие из наших вельмож щеголяли своими изысканными столами; к числу таких гастрономов-бар принадлежали: Потемкин, Строганов, Остерман и Разумовский. У первого из этих вельмож стол отличался всеми диковинками кулинарного

искусства: у князя было до десяти главных поваров всех национальностей, начиная от француза и кончая молдаванином, который готовил князю кукурузную похлебку. По преданию, у Потемкина вся кухонная посуда была из чистого серебра и с такими чанами-кастрюлями, в которые входило по двадцати ведер жидкости; в такой кастрюле князю готовили уху из аршинных стерлядей и кронштадтских ершей. Стол великолепного князя был баснословный: у него были чудные повара. Иногда все блюда были приготовлены из одних рыб, но, кушая, вы бы и не подозревали, что это рыбы: вам бы казалось, что это дичь, баранина, свинина; каждое такое блюдо имело не только свойственный ему вид, но даже вкус и запах. Его повар-француз ввел первый блюдо «бомбы а-ла-Сарданапал»: это не был один картофель, как теперь это делают; в то время это были котлеты, сделанные из фарша всевозможной дичины. Императрица Екатерина II особенно их любила, не смотря на то, что государыня недолго любила изысканных блюд, а предпочитала всему разварную говядину с солеными огурцами и соус из вяленых оленьих языков.

Потемкин очень любил гусиную печенку, которой искусные повара, посредством размачиванья в меду и молоке, давали размеры почти невероятные. Точно также и свиную печень увеличивали в то время до колоссальных размеров; для этого кормили свинью грецкими орехами и винными ягодами, а перед тем как убить ее, поили до-пьяна лучшим венгерским вином. Такая свинья за столом являлась почти целиком на вид не выпотрошенной; искусники повара делали, что половина ее была сжарена, а другая сварена; для этого свинью убивали, делая в паху небольшую ранку, и, когда кровь стекала, ее тщательно вымывали вином, а внутренности вынимали из горла, затем брали колбасы и сосиски и пропускали их через горло, заливая от времени до времени вкусным питательным соусом. После этого обмазывали одну часть тела ее толстым слоем теста, замешанного на вине и масле, и ставили жариться в самый вольный дух. Когда жаркое было готово, тесто снимали; та часть свиньи, которая была обложена, оказывалась как бы сваренною. Этот способ приготовления был самый древнейший, он был изве-

стен римским гастрономам и носил название *roscus trojanus* в честь «Троянского коня».

Также тогдашним русским гастрономам был известен необыкновенно пикантный соус, или вернее, соя; ею приправляли почти все кушанья и даже устриц. Она делалась из молок какой-то рыбы, просаливалась, сушилась на солнце, затем превращалась в порошок и снова с уксусом и пряными специями в жидком виде подавалась на стол. В цене эта соя стояла выше всякого вина.

Вот меню изысканного обеда времен Потемкина:

Похлебка из рябцев с пармезаном и каштанами.

Филейка большая по-султански.

Говяжьи глаза в соусе, называемом «поутру проснувшись».

Говяжья небная часть в золе, гарнированная трюфелями.

Хвосты телячьи по-татарски.

Телячьи уши крошеные.

Баранья нога столитовая.

Голуби по-Станиславски.

Гусь в обуви.

Горлицы по Ноялеву и бекасы с устрицами.

Гато из зеленого винограда.

Крем жирный, девичий.

У Разумовского, графа Строганова и Остермана обедали каждый день по полтора человека и более: такое многочисленное собрание гостей вредило изготовлению блюд. Еще римляне говорили, что число гостей за столом не должно быть меньше числа граций и больше числа муз. Это правило даже перешло в поговорку: семь гостей — еда, девять — беда...

В царствование императора Павла роскошь стола значительно падает; сам император дает пример умеренности и довольствуется простыми блюдами, которые ему изготовляет кухарка. В следующем царствовании опять лукулловские обеды и праздники воскресают в быту нашего барства, и целые миллионные состояния проедаются нашими вельможами, как, например, сыном графа Завадовского, который жарил себе дичь на корице и гвоздике, употребляя последнюю вместо дров.

В это время входит в моду у нас дорогое изобретение французского кулинарного искусства, *roti à l'imperatrice*¹. Рецепт этого блюда заключается

¹ *roti à l'imperatrice* (фр.) — жаркое «а ля императрис».

в следующем: возьми лучшую мясистую оливку, вынь из нее косточку и на место ее положи туда кусочек анчоуса. Затем начини оливками жаворонка, которого, по надлежащем приготовлении, заключи в жирную перепелку. Перепелку должно заключить в куропатку, куропатку — в фазана, фазана — в каплуна и, наконец, каплуна — в поросенка. Поросенок, сжаренный до румянки на вертеле, дает блюдо, которое через смешение всех припасов по вкусу и запаху не имеет себе подобного. Величайшая драгоценность в этом блюде — оливка, которая, находясь в середине, напитывалась тончайшими соками окружавших ее снадобий.

В гастрономических летописях Александровской эпохи у нас занимает почетное место министр финансов граф Д. А. Гурьев; прежде своей финансовой деятельности он долго путешествовал за границей и там усовершенствовался в гастрономических тонкостях. Его имя носит манная каша, изготовляемая на сливочных пенках, вместе с грецкими орехами, персиками, ананасами и другими фруктами; также под его именем известны еще паштеты и котлеты. В свое время его дом считался первым, где можно было бы хорошо поесть.

Такой же славой больших гастрономов пользовались еще два других министра царствования Николая, Уваров и К. В. Нессельроде, особенно последний был неистощим по части изобретений в области кулинарного искусства; его пудинги, мороженое и *potag'ы*¹ по сейчас удерживают его имя. В доброе старое время почти вся наша знать отдавала своих кухмистеров на кухню Нессельроде, платя за науку баснословные деньги его повару.

В конце сороковых годов в Петербурге гремел своими гастрономическими праздниками Никита Всеволодович Всеволожский. В барском доме этого богача в селе Рябово, лежащем недалеко от Охты, в праздники накрывался стол на 120 кувертов, за которым нередко гости ели в декабре свежую землянику со сливками и почасту за стол вносилась одна рыба четырьмя дюжими кухонными мужиками; такая рыба получалась по почте с Урала. Меню этих обедов были полны

¹ От фр. *potage* — «суп».

каламбуров и острог. Род Всеволожских издавна славился своим остроумием. Всеволожский говаривал, что порядочный человек прежде всего должен позаботиться о своем столе. Хорошая кухня есть сытный корм чистой совести. Вот несколько гастрономических афоризмов: «Картофель — мягкий воск в руках хорошего повара; он может сделать из него все. Но и в невинном природном костюме, картофель имеет для многих любителей неодолимую прелесть, и в этом виде они обращаются к нему, как нежный Парис к Елене. Яйцо — всегдашний обязательный посредник в спорных делах между обедами. Трюфель, при всей его неблагоприятности, можно считать алмазом кухни; паштет, каково бы ни было его основание, но наполненный трюфелями — табакерка с портретами, осыпанная бриллиантами. Десерт без сыра — то же, что кривая красавица. Свинина — герой праздника. Как пылкая юность, она надевает на себя всевозможные маски, но и в самом красивом наряде всегда высказывается ее оригинальность, станем ли мы искать ее под покровом кровяной колбасы или под белым кителем колбасы ливерной, в курточке колбасы из рубленого мяса или в мантилье сосиски».

Для полноты гастрономического очерка приведем дневник или, вернее, путеводитель по всем лучшим петербургским ресторациям, веденный за шестьдесят лет тому назад: «1 июня 1829 года обедал в гостинице Гейде, на Васильевском острове, в Кадетской линии, — русских почти здесь не видно, все иностранцы. Обед дешевый, два рубля ассигнации, но пирожного не дают никакого и ни за какие деньги. Странный обычай! В салат кладут мало масла и много уксуса. 2 июня. Обедал в немецкой ресторации Клея, на Невском проспекте. Старое и закопченное заведение. Больше всего немцы; вина пьют мало, зато много пива. Обед дешев; мне подали лафиту в 1 рубль; у меня после этого два дня болел живот. 3 июня обед у Дюме. По качеству обед этот самый дешевый и самый лучший из всех обедов в петербургских ресторациях. Дюме имеет исключительную привилегию — наполнять желудки петербургских львов и денди. 4 июня. Обед в итальянском вкусе у Александра, или Signor Alessandro, по Мойке, у Полицейского моста. Здесь немцев не бывает,

а более итальянцы и французы. Впрочем, вообще посетителей немного. Он принимает только хорошо знакомых ему людей, изготавливая более обеды для отпуска на дома. Макароны и стофато превосходны! У него прислуживала русская девушка Марья, переименованная в Марианну; самоучкой она выучилась прекрасно говорить по-французски и по-итальянски. 5-го. Обед у Леграна, бывший Фельета, в Большой Морской. Обед хорош, в прошлом году нельзя было обедать здесь два раза сряду, потому что все было одно и то же. В нынешнем году обед за три рубля ассигнациями здесь прекрасный и разнообразный. Сервизы и все принадлежности — прелесть. Прислуживают исключительно татары во фраках. 6 июня. Превосходный обед у Сен-Жоржа, по Мойке (теперь Донон), почти против Alessandro. Домик на дворе деревянный, просто, но со вкусом убранный. Каждый посетитель занимает особую комнату; при доме сад; на балконе обедать прелесть; сервизы превосходные, вино отличное. Обед и три и пять рублей ассигнациями. 7 июня нигде не обедал, потому что неосторожно позавтракал и испортил аппетит. По дороге к Alessandro, тоже на Мойке, есть маленькая лавка Диаманта, в которой подаются страсбургские пироги, ветчина и проч. Здесь обедать нельзя, но можно брать на дом. По просьбе хозяин позволил мне позавтракать. Кушанья у него превосходны, г. Диаман — золотой мастер. Лавка его напоминает мне парижские *guinguettes*¹ (маленькие трактиры). 8 июня. Обедал у Simon Grand Jean² по Большой Конюшенной. Обед хорош, но нестерпим запах от кухни. 9 июня. Обедал у Кулона. Дюме лучше и дешевле. Впрочем, здесь больше обеды для живущих в самой гостинице; вино прекрасное. 10 июня. Обед у Отто; вкусный, сытный и дешевый; из дешевых обедов лучше едва ли можно сыскать в Петербурге».

В тридцатых и сороковых годах Петербург в Великом посту славился своими постными яствами, подаваемыми в наших русских ресторанах, даже немецких кафе-ресторанах. Так, в «Строгановском» трактире, на Невском, близ Полицейского моста, посещаемом биржевыми и береговыми калашниковскими купцами,

¹ *guinguettes* (фр.) — маленький ресторан.

² Simon Grand Jean (фр.) — ресторан «Симон Гран Жан»

обеденная трапеза, на первой и Страстной неделях поста, ничем не отличалась от строго монастырской, и в эти дни в этом трактире рыбной пищи достать нельзя было ни за какие деньги, и весь обед ограничивался одними грибными блюдами. Зато в перечне последних находились такие, которые теперь совсем забыты. Так, в то время известны были: грибы, гретые с луком, капуста шатковая с грибами, грибы в тесте, галушки грибные, грибы холодные под хреном, грузди с маслом, грузди, гретые с соком. Кроме грибов, в обеденную карту входили горохи и кисели; первые были: мятые, битые, цеженные; вторые — ягодные, овсяные и гороховые с патокой, сытой и миндальным молоком. Чай в эти дни пили с изюмом и медом, варили и сбитень для постников. В остальные недели поста, когда уже некоторые ели рыбу, в числе рыбных блюд подавали там очень вкусную «прикрошку тельную» — нечто вроде котлет, затем — не менее лакомый «кавардак», род окрошки из разных рыб, кашу из семги, визигу с хреном, стерляжий присол, схаб белужий паровой, щуку-колодку, рассольный сиг, уху карасевую на сковородке и т. д. Из любопытной карты кафе-ресторана И.И. Излера, помещавшегося тоже на Невском, в доме Армянской церкви *, видим, что в Великий пост здесь пекли особенные пирожки — растегаи, которые у нас вошли в моду в 1807 г., когда в Москве цыганка Стеша своим соловьиным голосом действовала на сердце и карманы своих слушателей и поклонников: особенно хорошо она пела романс «Сарафанчик-растеганчик»; в честь последнего и стали печь растегаи. Вот недельная карта излеровских пирожков. Воскресенье: 1) растегаи излеровские, 2) скромные, 3) безопасные, 4) музыкальные (скромные); понедельник: 5) с рыбкой-с! 6) с живыми картинками (скромные), 7) успокоительные, 8) без танцев (скромные); вторник: 9) с вариациями, 10) просто прелесть!, 11) на здоровье, 12) мал золотник, да дорог! среда: 13) без рыбы, но со вкусом! 14) с загадкой? 15) любо и дешево! (скромные), 16) с боровичками; четверг: 17) астрономические, 18) на всех правах пирога, 19) концертные, 20) с фиоритурой (скромные); пятница: 21) настоящие русские, 22) нескучные, 23) в добрый час, 24) бодрые; суббота: 25) пчелка или что в рот, то спасибо!

26) фельетон без писем (скромные), 27) повтори, 28) без рассказов (скромные). Сверх того, всякий день приготавливались особые пирожки под названием: «кларнетист-солист» и «вечера Новой-Деревни» (скромные). Цена на эти пирожки была 10 и 5 копеек. Вся наша знать ходила есть к Излеру его пирожки. Эти пирожки носили название «утренних».

И. Шишкин

ПРАЗДНИК У КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО (9 мая 1791 г.)

Весной 1791 г. в Петербурге только и говорили о приготовлениях к празднеству, которое устраивает для императрицы, для двора и для всего города князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Все знали, что светлейший князь не любит делать дела в половину, и никто не сомневался, что праздник выйдет истинно царский. Приготовления производились в Таврическом дворце, бывшем тогда собственностью Потемкина. Он и выстроен был по его предложению, а потом Екатерина тотчас же подарила его князю; но князь почему-то владел им недолго. Сделав несколько переделок и перемен и в самом здании, и в примыкавшем к нему прекрасном саду, он продал дворец императрице же за четыреста шестьдесят тысяч рублей. А когда теперь, в феврале 1791 г., Потемкин прибыл из Ясс, увенчанный новыми лаврами *, предшествуемый громкою славою новых блестящих побед, и Екатерина, в числе других милостей и наград, пожелала выстроить для него дом,— «великолепный князь Тавриды» попросил опять Таврический дворец. Он, разумеется, его получил, получив еще, кроме того, богатейшее платье, все украшенное драгоценными камнями и стоившее двести тысяч рублей. Казалось бы, что все эти знаки несомненного к нему расположения императрицы должны были искренно утешить и вполне удовлетворить Потемкина, но он и приехал в Петербург каким-то странным, и вел себя тут страннее, чем когда-либо. То блестящий, пышный, разодетый, отягощен-

ный бриллиантами, сверкавшими на его камзоле, где только можно было им сверкать, являлся он на пиры и балы, которыми взапуски, наперебой старались угощать его низко кланявшиеся, угождавшие и льстившие ему вельможи; то сам он затевал какие-нибудь потехи и увеселения, безумно сорил деньгами, тщеславно щеголял своей роскошью, прихотничал, капризничал; то запирался дома и, лежа на диване, нечесанный, растрепанный, в халате и раззолоченных туфлях на босую ногу, молчаливо и угрюмо играл в шахматы или карты со своими родственниками и приближенными; то, наконец, запирался ото всех, не пускал к себе никого и целые дни проводил в своей комнате, занимаясь там Бог знает чем. Веселым в это время видели его редко, даже на самых веселых праздниках. Большею же частью он был задумчив и грустен или мрачен и сердит, как человек, недовольный не только всем окружающим его, но и самим собою. Его, видимо, что-то грызло, что-то подтачивало; на сердце его, несомненно, лежала какая-то глубокая скорбь. Было ли это инстинктивное предчувствие еще неведомой, но грозной для него и уже близкой катастрофы? Проистекало ли это от пресыщения жизнью, которая, действительно, дала ему все, что могла дать? Или, наконец, единственною причиною княжеской скорби была та надоедливая, невыносимая зубная боль, на которую он не раз в это время жаловался своим приближенным, говоря, что не выедет из Петербурга, пока не выдернет этого скверного зуба. Зубная боль Григория Александровича, олицетворявшаяся, как известно, в персоне графа Платона Александровича Зубова, должна была быть в самом деле невыносимой для надменного, самолюбивого и честолюбивого временщика, так долго не знавшего себе соперников, так долго красовавшегося в гордом одиночестве на вершине своего величия. «Матушка, всемилостивейшая государыня! Матушка родная! — писал Потемкин к Екатерине еще из Ясс, при первом известии о возвышении Зубова. — При обстоятельствах, вас отягощающих, не оставляйте меня без уведомления. Неужели вы не знаете меру моей привязанности, которая особая от всех? Каково слышать мне со всех сторон нелепые новости и не знать: верить ли, или нет? Забота в такой неизвестности погрузила

меня в несказанную слабость. Лишась сна и пищи, я хуже младенца. Все видят мое изнурение. Ехать в Херсон, сколь ни нужно, не могу двинуться. Ежели моя жизнь чего-нибудь стоит, то в подобных обстоятельствах скажите только, что вы здоровы».

И вот он приехал в Петербург; императрица приняла его с отличным уважением, осыпала милостями; но «нелепые новости» не оказались нелепыми, и верить им было надобно. Как же было ему не хандрить! Как же было не тосковать?

И он хандрил, и он тосковал, но при этом ревностно занимался приготовлениями к задуманному им празднеству, делая сам все распоряжения и сам за всем наблюдая. Множество всякого рода художников и мастеров в течение нескольких недель занималось во дворце разными работами. Множество знатных кавалеров и дам, в течение нескольких дней кряду, собиралось туда же для изучения назначенных им ролей, и даже каждая из этих репетиций походила на особое празднество, была пышна и торжественна. Потемкин распоряжался по-потемкински. Вздумалось ему, например, чтобы какая-нибудь вещь или какой-нибудь припас были непременно добыты оттуда-то — и курьер летел для этого за несколько верст, как летал нередко и за тысячу, с приказанием от светлейшего — привезти откуда-то клюквы, а оттуда-то огурцов. Прилетел же курьер обратно, привез желаемое, а уже светлейшему желаемого не желается или желается из другого места. Денег, разумеется, на это выходило целые горы; но князь Григорий Александрович о деньгах не тужил. Он хандрит, тоскует и распоряжается; художники и мастера работают во дворе неутомимо; знатные кавалеры и дамы репетируют исправно; а Петербург с нетерпением дожидается, когда наступит 9 мая — день, назначенный для торжества.

И вот наступил этот желанный день. На площади перед Таврическим дворцом построены были качели и разного рода лавки, из которых велено было безденежно раздавать народу не только пищу и напитки, но платья, обувь, шляпы, шапки и тому подобные вещи. Народ во множестве толпился и около лавок, и под качелями, а богатые экипажи один за другим подкатывали к дворцовому подъезду, на фронтоне которого

металлическими буквами сделана была надпись, выражавшая благодарность Потемкина великодушию его благодетельницы. Всех приглашенных было три тысячи человек, и все они, как мужчины, так и дамы, должны были явиться в маскарадных костюмах. На самом Потемкине был алый кафтан и епанча из черных кружев, стоившая не одну тысячу рублей. Все это, по обыкновению Григория Александровича, сияло бриллиантами, а на шляпе его было их столько, что ему стало тяжело держать ее в руках, и он отдал ее одному из своих адъютантов, который и носил за светлейшим эту неоцененную драгоценность. Обстановка и убранство апартаментов соответствовали вполне великолепию их обладателя. Из передней, не очень большой комнаты о трех дверях, средними дверями входили в огромную, великолепную бальную залу с куполом и светом сверху. Под куполом устроены были хоры, на которых стояли невидимые снизу часы с курантами, игравшие попеременно пьесы лучших тогдашних композиторов; тут же помещено было триста человек музыкантов и певцов. Во всю длину залы, в четыре ряда, шли высокие и массивные колонны из белого полированного гипса, образывавшие, таким образом, две узкие галереи, по четырем концам которых поставлены были громаднейшие зеркала. Окна находились не в продольных, а в поперечных стенах комнаты, и тут, у каждой из этих стен, устроено было по эстраде, отделявшейся от полу несколькими ступеньками. Одна из эстрад, предназначавшаяся для императрицы, покрыта была драгоценнейшим персидским шелковым ковром. На каждой из эстрад стояло по огромнейшей вазе из белого каррарского мрамора на пьедестале из серого; а над вазами висели две люстры из черного хрусталя, в которых вделаны были часы с музыкою. Люстры эти стоили Потемкину сорок две тысячи рублей. Кроме них, в зале было еще пятьдесят шесть люстр и пять тысяч разноцветных лампад. Белые лампады находились в определенном расстоянии от карниза; цветные же, сделанные наподобие лилий, роз, тюльпанов и других больших цветов, развешаны были гирляндами между колонн. При входе в залу, по обеим сторонам от дверей, устроены были ложи,

драпированные роскошными материями, убранные цветами и вообще великолепно и со вкусом изукрашенные. Под ними были входы в четыре ряда комнат, обитых драгоценными обоями, на которых красовались не менее драгоценные картины, купленные Потемкиным, равно как и вышеупомянутые мраморные вазы и хрустальные люстры, у английской герцогини Кингстон. Из этих комнат особенным великолепием и пышностью убранства отличались комнаты, предназначенные для карточной игры императрице и великой княгине Марии Феодоровне. Обои в них были гобеленовские; софы и стулья стоили сорок шесть тысяч рублей. В одной из этих комнат находился «золотой слон», т. е. средней величины часы, стоявшие перед зеркалом на мраморном столе. Часы служили пьедесталом небольшому золотому слону, на котором сидел персиянин. Слон был обвешан жемчужными бахрамами и драгоценными камнями.

Из большой бальной залы между колоннами был выход в зимний сад. Сад этот можно было смело назвать чудом роскоши и искусства, руководившегося истинно изящным вкусом. Он был вшестеро больше зимнего сада в императорском эрмитаже и хотя расположен был также в английском роде, но несравненно лучше эрмитажного. Тут был и ярко-зеленый дерновый скат, по которому шла дорога, обсаженная цветущими померанцевыми деревьями. Тут были и целые лесочки, а по окружавшим их решеткам вились душистые розы и жасмины. Тут были и редчайшие кустарники и растения — одни, посаженные в землю; другие, выставленные в драгоценных горшках на мраморных и гранитных пьедесталах. Тут были и аллеи, обсаженные чужестранными деревьями, сросшимися между собою так густо, что в аллеях этих и днем было довольно темно. В кустарниках там и сям виднелись гнезда соловьев и других певчих птиц, оглашавших сад своим пением. На дорожках и на невысоких дерновых холмиках стояли мраморные вазы и мраморные статуи, изображавшие гениев, из которых одни венчали очень сходно сделанный бюст Екатерины, а другие совершали перед ним жертвоприношения. По траве разложены были большие, отличного стекла шары, наполненные водою, в которой плавали золотые и сереб-

ряные рыбки. По середине сада возвышался храм простой, но изящной архитектуры. Купол его, достигавший до самого потолка, искусно расписанного в виде неба, и таким образом способствовавший к поддержанию потолка, опирался на восемь колонн из белого мрамора. Несколько ступеней из серого мрамора вели в храм, к жертвеннику, служившему подножием изображению императрицы, иссеченному из белого паросского мрамора. Императрица представлена была в царской мантии, держащею рог изобилия, из которого сыпались орденские кресты и деньги. На жертвеннике была надпись: «Матери отечества и моей благодетельнице». И здесь, как и в зале, виднелись разноцветные лампы наподобие цветов, фестонами обвитые вокруг колонн. Позади храма находилась великолепная листовая беседка, внутренние стены которой состояли из зеркал, а наружные решетки украшены были пестрыми лампадами, изображавшими яблоки, груши и виноградные гроздия. Между храмом и беседкою виднелась зеркальная пирамида, украшенная хрустальными, а близ нее — еще несколько таких же пирамид поменьше. Все окна залы прикрыты были искусственными пальмовыми и померанцевыми деревьями, листья и плоды на которых устроены были из разноцветных лампад. Из таких же лампад устроены были в разных местах сада и другие искусственные плоды: дыни, арбузы, ананасы, виноград и т. п. Между деревьями и кустами поставлены были там и сям невидимые для гуляющих курильницы, и издаваемые ими благовония, смешиваясь с запахом цветов и душистыми испарениями небольшого фонтана, бившего лавандною водою, наполняли воздух упоительным ароматом. Эффект, производимый этой волшебной обстановкой, был чрезвычайный.

И настоящий сад при Таврическом дворце устроен и отделан был Потемкиным великолепнейшим образом. Где сравняли место, где сняли пригорки, мешавшие перспективе, где насыпали новые холмы, где провели новые аллеи. Речке, протекавшей в саду по прямой линии, дали течение извилистое и провели из нее воду для каскада, низвергавшегося в мраморный водоем. Построили несколько великолепных мостов из мрамора и железа; пруды покрыли гондолами и други-

ми судами; поставили на аллеях новые статуи. Вечером весь сад был блестящим образом иллюминирован.

Кроме других построек, сделанных собственно для праздника 9 мая, Потемкин приказал построить и на дворцовом дворе, и вне окружности его несколько павильонов и беседок, из которых гости могли бы любоваться окрестными видами. Словом, он не пощадил ничего, чтобы сделать праздник свой сколь возможно блистательнейшим, и с нетерпением ожидал ту, которая должна была послужить лучшим украшением его пышных чертогов.

Императрица приехала в седьмом часу. Перед самым почти дворцом она была задержана совершенно неожиданным обстоятельством. Народу, собравшемуся на площади, было объявлено, что увеселения и раздача питей и закусок должны начаться в то самое время, когда будет проезжать государыня. Но тут вышло недоразумение: кто-то, по ошибке, принял экипаж одного вельможи, действительно похожий на придворный, за экипаж императрицы и подал знак к началу народного празднества. Народ крикнул «ура!» — и, не дожидаясь раздачи приготовленных для него подарков, бросился расхватывать их сам. Произошла давка, кутерьма, замешательство до того сильные, что настоящий экипаж императрицы и экипажи ее свиты, доехав до площади, должны были остановиться и простоять более четверти часа. Наконец дело объяснилось. Раздалось снова «ура», и сопровождаемая этим криком Екатерина, с великими княжнами Александрою Павловною и Еленою Павловною, подъехала ко дворцу. Потемкин принял ее из кареты, а в передней комнате встретили императрицу наследник престола и его супруга. Сопровождаемая всею высочайшею фамилиею, Екатерина прошла на приготовленную для нее в большой зале эстраду, и начался балет сочинения знаменитого тогдашнего балетмейстера Пика. В балете участвовали двадцать четыре пары из знатнейших фамилий — на подбор красавцы и красавицы. Все они были в белых атласных костюмах, украшенных бриллиантами, которых в итоге было на десять миллионов рублей. Предводительствовали танцовавшими великие князья Александр и Константин Павлович и принц Виртембергский. В конце балета явился сам Пик и отличился каким-то необыкновенным соло.

Между тем стало смеркаться, и Потемкин пригласил императрицу со всею высочайшею фамилиею в театр, устроенный в одной из боковых зал, куда последовала и часть гостей, сколько то позволяло пространство комнаты. Когда занавесь поднялась, на сцене появилось лучезарное солнце, в середине которого, в зеленых лаврах, сияло вензелевое имя Екатерины II. Поселяне и поселянки, воздевая к солнцу руки, выражали движениями свои благоговейные и признательные к нему чувствования. За сим следовали две французские комедии и балет. В балете представлен был смирнский купец, торгующий невольниками всех народов, между которыми, однако же, не было ни одного русского. «Мысль самая льстивая! — восклицает один из биографов князя Потемкина, — она долженствовала натурально привести на память опустошительные набеги татарские на Россию и заставить сравнить ужасы тогдашних времен с счастливым веком Екатерины II». Спектакль был с намерением протянут, чтобы дать время надлежащим образом осветить дворец. Наконец все было готово, и высочайшая фамилия приглашена была хозяином сначала в большую залу, потом в зимний сад.

Там все уже приняло иной вид. Дворец освещен был ста сорока тысячами лампад и двадцатью тысячами восковых свеч. Он был буквально залит светом, всюду отражавшимся в бесчисленных зеркалах, всюду дробившимся в хрустале и драгоценных украшениях. Здесь огонь сверкал, как бриллиант, там, как рубин, тут, как изумруд; эффектно перемешанные и переплетенные между собою, малиновые, розовые, синие, зеленые, желтые огни составляли гирлянды, сливались в радуги, сияли звездами. «Неужели мы там, где и прежде были?» — спросила Потемкина Екатерина, невольно изумленная, но видимо довольная неожиданно представившимся ей великолепным зрелищем. Пошли потом в зимний сад. Там заливались на все голоса соловьи и другие птицы, курились тонкие ароматы, картинно рисовались на зелени травы и деревьев колоссальные искусственные цветы и плоды. На зеркальной, украшенной хрусталем пирамиде, находившейся между храмом и листовняной беседкой, сверкало бриллиантовыми литерами имя «Екатерина»,

и от этого имени исходило на все стороны сияние. На других пирамидах горели трофеи и составленные из фиолетовых и зеленых огней вензеловые имена наследника престола, его супруги и обоих великих князей: Александра и Константина Павловичей. Когда императрица со своею свитою подошла к храму, на ступенях его Потемкин упал на колени перед изображением государыни и благодарил ее за все ее благодеяния. Екатерина ласково подняла его и поцеловала в лоб.

По возвращении высочайших особ в залу начался бал. Он открылся польским «Гром победы, раздавайся», с трескотней литавр, пением и пушечными выстрелами. Императрица во время бала играла в карты с великою княгинею Мариею Феодоровною; а гости, кроме обыкновенных танцев, забавлялись плясками русскою и малороссийскою, музыкою, устроенными в самых апартаментах качелями и разными другими увеселениями. Прохладительные напитки, плоды, конфекты и т. п. подавались беспрестанно. Потемкин не скупился на угощение своих посетителей.

Угощался и веселился по-своему и народ в дворцовом саду, который тоже весь горел огнями. Иллюминированы были беседки, иллюминированы аллеи, иллюминированы суда, стоявшие на прудах, иллюминированы берега самых прудов. Роговая музыка и хор песенников попеременно услаждали многочисленную публику.

В двенадцатом часу начался ужин. Ужинали в той зале, где был спектакль, и в соседних с нею комнатах. Стол, за которым кушала императрица с наследником престола и его супругою, находился на самом том месте, где стоял оркестр. Сервиз на этом столе был золотой, и Потемкин сам прислуживал Екатерине, пока она не попросила его сесть.

Позади императрицы накрыт был стол на сорок восемь персон, для лиц, участвовавших в балете. В этой же зале находилось еще четырнадцать столов, поставленных амфитеатром и накрытых только с одной стороны. Гости проходили посередине и садились за столы в один ряд, лицом к императрице. В прочих комнатах было до тридцати столов, каждый на двадцать персон, да, сверх того, еще множество столов расставлено было вдоль стен, и уж тут ужинали стоя.

Посредине каждого стола стояло по цветущему помаранцевому дереву; освещены были все столы разноцветными стеклянными шарами; посуда везде была драгоценная, а кушанья и напитки — по словам вышеупомянутого нами биографа Потемкина — «казалось, приготовлены были самою роскошью».

После ужина бал продолжался до самого утра; но императрица с высочайшею фамилиею уехала в исходе второго. Никто не помнил, чтоб она у кого-либо оставалась так долго. Когда она уже выходила из залы, с хор, закрытых стеклянными сосудами, сиявшими ярким огнем, послышалось нежное пение с тихим звуком органов. Пели итальянскую кантату, слова которой были следующие:

«Царство здесь удовольствий, владычество щедрот твоих; здесь вода, земля и воздух — дышит все твоей душой. Лишь твоим я благом и живу и счастлив. Что в богатстве и почестях, что в великости моей, если мысль — тебя не видеть — дух ввергает в ужас? Стой и не леги ты, время, и благ наших нас не лишай! Жизнь наша — путь печалей: пусть в ней цветут цветы».

Екатерина обернулась к провожавшему ее Потемкину и изъявила ему свое живейшее удовольствие и признательность за прекрасный праздник. Потемкин упал перед императрицею на колени, схватил ее руку и прижал ее к губам своим. Он был глубоко тронут, он плакал. На глазах Екатерины показались тоже слезы...

Многие из присутствующих при этом говорили потом, что светлейший князь был так растроган потому, что предчувствовал близкую смерть. Предчувствовал ли он ее, или нет — неизвестно; но смерть, действительно, уже избрала его своей жертвой, и 9 мая он в последний раз видел Екатерину в своем доме. Менее чем через пять месяцев после своего пышного праздника светлейший князь Потемкин-Таврический скончался, и скончался так же необыкновенно, как жил: на дороге из Ясс в Николаев, в глухой, пустынной степи, под открытым небом, на разостланном на земле дорожном плаще. Судьба и тут не покинула своего баловня: Потемкин умер без страданий, без мучительной агонии — умер так, как можно пожелать умереть всякому.

ПРИМЕЧАНИЯ

И. Н. Божерянов, В. А. Никольский
НЕБЫВАЕМОЕ БЫВАЕТ

С. 4. «*Бомбардир-капитан Петр Михайлов*» — один из псевдонимов, под которыми Петр I был известен в Европе.

Борис Петрович Шереметев — Шереметев Б. П. (1652—1719) — первый генерал-фельдмаршал (1701), тайный советник, сподвижник Петра I.

...сдавшегося «на аккорд» *Ниеншанца*. — Ниеншанц — шведская крепость, находившаяся на месте впадения р. Охты в Неву. После блокады и бомбардировки русскими войсками шведы сдались Петру I. Вскоре после этого крепость срыли.

С. 5. *Ниен* — небольшое шведское поселение у крепости Ниеншанц. *Шанец* — окоп, небольшое, укрепление.

С. 7. *Нумберс* — командующий шведской эскадрой.

Лосий остров — жившие по берегам Невы финны так называли Васильевский остров.

С. 9. *Адмирал Головин* — Головин Иван Михайлович (ум. в 1737 г.) — сподвижник Петра I, начальник галерного флота.

ПЕТЕРБУРГ В 1742 г.

С. 10. *С. А. Салтыков* — Салтыков Семен Андреевич (1672—1742) — дипломат и государственный деятель.

...*Остермана, Миниха, Левенвольда, Менгдена*... — Речь идет о государственных деятелях времен царствования Анны Иоанновны (1730—1740) и регентства Анны Леопольдовны (1740—1741).

Историк Соловьев — Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, академик, автор ряда работ по русской истории.

С. 11. *Герцог Голитинский Карл-Ульрих* — будущий император России Петр III (1728—1762), внук Петра I, муж Екатерины II.

С. 12. ...а князь *Юрий Долгоруков* получил все свои деревни... —

По-видимому, речь идет о Юрии Владимировиче Долгорукове (1740—1830), двухлетнем сыне опального В. В. Долгорукова, посланного в 1739 г. в Соловецкий монастырь императрицей Анной Иоанновной.

...брошенный и зажженный шведами Фридрихсгам...— Речь идет об эпизоде русско-шведской войны (1741—1743), когда в июне 1742 г. русские войска заняли г. Фридрихсгам.

С. 13. *Алексей Гр(изорьевич) Разумовский* — Разумовский А. Г. (1709—1771) — граф, генерал-фельдмаршал (1756), участник дворцового переворота 1741 г.

ВСТРЕЧА ЛЕТА В ЕКАТЕРИНГОФЕ. ПРАЗДНИК «БЫКОДРАНИЯ».
ОСТРОВА И СБОРНЫЕ ПУНКТЫ НА НИХ

С. 14. *Екатерингоф* — парк Екатерингоф не сохранился.

Екатерингофский дворец — дворец не сохранился.

С. 15. *Принц курляндский Бирон*.— Речь идет о старшем сыне временщика Э. И. Бирона Петре Бироне (1724—1800).

Подзорный дворец — дворец не сохранился.

...стояли дворцы Анненгоф и рядом Елизаветенгоф...— Дворцы не сохранились.

С. 16. *...по словам историографа Петербурга, академика Георги...*— Георги Иоганн Готлиб (1729—1802) — врач и естествоиспытатель, автор «Описания Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного» (СПб., 1794).

...А. В. Храповицкого, автора известного дневника. — Речь идет о «Памятных записках» А. В. Храповицкого, охватывающих время с 1782 по 1793 г. Изданы в 1874 г.

С. 17. *Гофштендантская контора* — придворное ведомство, занимавшееся хозяйственными делами.

Коломна — территория Санкт-Петербурга между реками Мойкой и Фонтанкой.

...в «Записках» Рафаила Зотова...— Зотов Рафаил Михайлович (1795—1871) — романист, драматург, «Записки» Р. М. Зотова опубликованы в «Иллюстрированном вестнике» (1874, № 3—8).

А. П. Каратыгин — правильно: Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879) — известный актер, педагог и автор 68 пьес.

С. 19. *...до бракосочетания Великого Князя Александра Павловича с В(еликой) К(няжной) Елизаветою Алексеевною...*— Имеются в виду будущий император Александр I (1777—1825) и его жена Елизавета Алексеевна (ум. в 1826 г.), дочь маркграфа Баденского.

...приводимая в 4-м томе «Магазина» А. Т. Болотовым... — Имеется в виду энциклопедическое издание — журнал «Экономический

магазин» (1780—1789), выпускавшийся писателем и ученым-естествоиспытателем А. Т. Болотовым (1738—1833). 40-й том вышел в 1789 г.

С. 21. *Князь Шаликов* — Шаликов Петр Иванович (1768—1852) — писатель и журналист. Страстный поклонник сентиментализма.

С. 22. *Каменноостровский дворец* — здание дворца сохранилось.

С. 23. *Я. А. Брюс* — Брюс Яков Александрович (1742—1791) — государственный деятель, в 1780-е гг. — генерал-губернатор С.-Петербурга и Москвы.

Дача эта сохранилась до сих пор... — Строгановская дача у Черной речки не сохранилась.

Музей Александра III — ныне Государственный Русский музей.

Калмыков — правильно: Колмаков Н. М. — автор исследований «Дом и фамилия гр. Строгановых», опубликованных в журн. «Русская старина» (1837, № 3).

С. 25. *Гнедич* — Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт и переводчик, член Российской академии.

Башуцкий — Башуцкий Александр Павлович (1803—1876) — писатель, публицист, художник-любитель. Автор «Панорамы Санкт-Петербурга» (СПб., 1834).

Толя — место рыбного промысла на реке.

С. 26. *Лаваль* — Лаваль Иван Степанович (ум. в 1846 г.) — французский эмигрант, деятель просвещения, журналист.

Поляков — Поляков Сергей Сергеевич — промышленник, «железнодорожный король». В начале 1900-х гг. дом у него был куплен казной для размещения зала заседаний Сената.

С. 27. *А. М. Белосельский* — Белосельский-Белозерский Александр Михайлович (1752—1809) — князь, русский дипломат и писатель. Член Российской академии и почетный член Петербургской АН.

...назвал это место «Чухонской деревней»... — «Чухонская деревня» не сохранилась.

С. 28. *Академик П. Пекарский* — Пекарский Петр Петрович (1827—1872) — историк, литератор и археолог. Член Петербургской АН. Автор «Петербургской старины» (журн. «Современник», 1860).

Елагинский дворец — Елагинский дворец был перестроен в 1818—1822 гг. (арх. К. Росси). В упомянутом виде не сохранился.

С. 29. *Александровский театр* — ныне Академический театр драмы им. А. С. Пушкина.

В своем «Описании Петербурга» Пушкирев говорит... — Пушкирев Иван Ильич (1803—1848) — писатель, историк, автор книг по истории Петербурга, среди которых «Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» (СПб., 1839—1842, в 4 ч.).

С. 30. *А. И. Тургенев* — Тургенев Александр Иванович (1785—1845) — историк, археограф. Почетный член Петербургской АН.

С. 31. *...первая из серала рейхс-эфендия (Безбородко) наложница...* — Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — князь, государственный деятель и дипломат. Был известен своим сластолюбием.

...издателя первого описания С.-Петербурга Богданова... — Имеется в виду «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год» (СПб., 1779), изданное А. И. Богдановым.

...в словаре Д. А. Ровинского... — Имеется в виду «Подробный словарь русских гравировальных портретов» (СПб., 1889, т. 1—2).

ПЕТЕРГОФ — ЛЕТНЯЯ ЦАРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

С. 34. *Миних* — Миних Бурхард Кристоф (1683—1767) — граф, русский военный и государственный деятель.

С. 35. *...юный государь Петр II...* — Петр II Алексеевич (1715—1730), внук Петра I, царствовал с 1727 по 1730 г.

...чтобы не возвращаться к нему в дом. — Меншиков предполагал женить Петра II на своей дочери, и в столице юный император жил во дворце временщика.

Наталия Петровна — здесь допущена неточность. Имеется в виду великая княжна Наталия Алексеевна (1714—1728), дочь царевича Алексея Петровича.

...посетившая Петергоф... леди Рондо писала... — Имеется в виду жена английского посланника при дворе Анны Иоанновны. В 1775 г. она издала в Лондоне «Письма леди, которая провела несколько лет в России, своему другу в Англии».

С. 37. *...лаводнием разрушило в Монплеzure Иордань...* — По-видимому, имеется в виду емкость для хранения освященной воды, громадных размеров купель.

...о победах, одержанных русскими над пруссаками при Пальциге и Кунерсдорфе... — Речь идет о событиях Семилетней войны 1756—1763 гг.

Позье — Позье Еремей (Иеремия) Петрович (1716—1779) — уроженец Швейцарии, придворный ювелир. С 1729 г. — в России. Автор «Записок» о России сер. XVIII в. Впервые на русском языке опубликованы в ж. «Русская старина» (1870, т. I).

С. 39. *Порошин* — Порошин Семен Андреевич (1741—1769) — с 1762 г. воспитатель великого князя Павла Петровича. Автор воспоминаний о юношеских годах будущего Павла I. Впервые опубликованы в ж. «Русский Архив» (1869, № 1).

С. 40. *И. Бернулли* — Бернулли Иоганн (1667—1748) — знаменитый математик, один из первых академиков Петербургской АН (с 1725 г.).

ПЕТЕРБУРГ В ОСЕНЬ 1796 ГОДА

С. 46. *Гримм* — Гримм Фридрих Мельхиор (1723—1807) — публицист, дипломат. Переписывался с Екатериной II с 1774 по 1796 г.

...теперь А. Г. Елисеева... — Одним из последующих владельцев дома Безбородко в конце XIX — начале XX в. был знаменитый хозяин «Елисеевских магазинов» в Петербурге и Москве Елисеев Александр Григорьевич.

С. 47. *Дризен* — По-видимому, имеется в виду Остен-Дризен Н. В., историк автор работ о русском театре.

С. 48. *Массон* — Массон Карл (1762—1807) — писатель, родом из Швейцарии. В конце 1786 г. приехал в Россию, где преподавал в Артиллерийско-инженерном кадетском корпусе. В 1790 г. был выслан из России Павлом I. Автор «Тайных мемуаров о России в период царствования Екатерины и Павла I» (Париж, 1803).

Марков — Марков (Морков) Аркадий Иванович — дипломат, в начале XIX в. — русский посол в Париже.

ОДИН ГОД ИЗ ЦАРСТВОВАНИЯ ПАВЛА I

С. 51. *...Екатерингоф Павел I подарил княгине Гагариной, урожденной Лопухиной.* — Имеется в виду фаворитка императора Лопухина Анна Александровна (1777—1805), в замужестве Гагарина.

Императрица Мария Феодоровна — София-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Вюртембергская (1759—1828) — супруга Павла I.

А. С. Строганов — Строганов Александр Сергеевич (1733—1811) — граф, обер-камергер, член Государственного Совета, президент Академии художеств. Александром I ему было поручено строительство Казанского собора.

Меншиков — Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — князь, государственный и военный деятель. Как руководитель морского ведомства (с 1827 г.) оказал резко отрицательное влияние на развитие военно-морского флота, что сказалось во время Крымской войны 1853—1856 гг.

Сестренцевич — Сестренцевич-Богуш Станислав (1731—1826) — митрополит римско-католической церкви России, автор произведений по истории и экономике. С 1813 по 1823 г. — президент Вольного Экономического общества.

...где ныне Пажеский корпус. — Здание Пажеского корпуса (ныне Суворовского училища) расположено на Садовой ул., д. 26.

С. 52. *Ю. А. Головкин* — Головкин Юрий Александрович (ум.

в 1846 г.) — обер-камергер, дипломат. С его смертью прекратился род Головкиных.

Вас(илий) Ив(анович) Баженов — Баженов В. И. (1737—1799) — архитектор, один из основоположников русского классицизма.

Постройка замка была начата под личным руководством Баженова в 1796 г... — Имеется в виду указ Павла I от 28 ноября 1796 г. о начале строительства Михайловского замка.

Коцебу — Коцебу Август фон (1761—1819) — драматург, романист. В 1800 г. по прибытии в Петербург был арестован и сослан по приказу Павла I.

С. 53. *Пимен Абрамов в своей «Летописи русского театра»...* — Арапов Пимен Николаевич (1796—1861) — драматический писатель и историк русского театра. Его «летопись» вышла в 1861 г.

Головина — Головина Варвара Николаевна (1766—1817) — фрейлина Екатерины II, автор мемуаров на французском языке.

...графиня София Дм(итриевна) Строганова (рожденная кн. Голицына) рассказывала Плетневу... — Здесь допущена неточность. Имеется в виду Строганова Софья Владимировна (1774—1845) — статс-дама Екатерины II, занималась литературными переводами. Владелица огромного состояния. В своих имениях построила много школ. Хозяйка великосветского салона в столице, в котором бывал и Петр Александрович Плетнев (1792—1866) — педагог, критик, журналист, друг А. С. Пушкина.

С. 54. *Пален* — Пален Петр Александрович (1745—1826) — генерал от кавалерии, в 1798—1801 гг. — генерал-губернатор С.-Петербурга. Один из организаторов и участников убийства Павла I.

...процешных... друзей Палена: князя Платона и графов Николая и Валериана Зубовых. — Бывший фаворит Екатерины II П. П. Зубов и его братья приняли участие в организации покушения на Павла I.

С. 55. *Гейкинг* — Гейкинг К. А. (1752—1809) — автор записок «Мои воспоминания» (1799).

...Людовик XVIII, живший в Митаве... — Будущий король Франции (1814—1824), во время Великой французской революции 1791 г. бежал из страны. Прибыв в Россию в 1797 г., до 1801 г. жил в Митаве (ныне г. Елгава, Латвия).

ЛЕБЛОНОВ ПЕТЕРБУРГ

С. 55. *Георгий Матарнови* — Матарнови Г.-И. — один из деятельнейших авторов застройки Петербурга первой трети XVIII в.

С. 57. *...Штелин рассказывает...* — Имеются в виду «Анекдоты о императоре Петре Великом» (1788) академика Штелина Якова Яковлевича.

С. 58. ...*рассказывает Нартов...*— Нартов Андрей Константинович (1693—1756) — русский ученый, механик, скульптор. Личный токарь Петра I. Автор «Достопамятных повествований и речей Петра Великого» (впервые полностью опубликованы в 1891 г.).

Мардефельд — Мардефельд Густав — прусский посланник в России в конце 1720-х — начале 1730-х гг.

ЛЕТНИЙ САД ПРИ ПЕТРЕ

С. 59. *Летний сад при Петре был гораздо больше нынешнего...*— Имеются в виду три Летних сада: дворец Петра I находился в первом Летнем саду, летний дом Екатерины Алексеевны — в третьем (ныне Михайловский сад).

У первого фонтана на «Дамской» площадке...— Петровские фонтаны в Летнем саду не сохранились.

Индийская пагода не сохранилась.

С. 60. ...*по описанию Берхгольца...*— Имеются в виду «Записки» голштинского посланника Ф. В. Берхгольца, жившего в Петербурге в 1721—1728 гг.

Беседка не сохранилась.

Пруд в Летнем саду сохранился и донныне.

С. 61. *Эта церковь -- единственный уцелевший остаток «третьего» Летнего дворца.*— Церковь (собор) Св. Троицы не сохранилась.

Дворец Екатерины I не сохранился.

Дворец прища Ольденбургского — бывший дом И. И. Бецкого, ближайшего сподвижника Екатерины II. Ныне здесь расположен Институт культуры (ул. Халтурина, д. 2).

СТОЛИЧНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ

С. 64. ...*все отправились на шлопках в дом Меншикова.*— В 1710 г. дом Меншикова находился на Петербургской (Петроградской) стороне. Не сохранился. Дворец князя Меншикова на Васильевском острове был построен в 1714 г.

Апраксин — Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728) — генерал-адмирал, президент Адмиралтейской коллегии; член Верховного тайного совета, один из ближайших сподвижников Петра I.

Головкин — Головкин Гаврила Иванович (1660—1734) — канцлер, член Верховного тайного совета, сенатор, ближайший сподвижник Петра I.

С. 65. ...*как выражается Вебер...*— Имеется в виду книга ганноверского (брауншвейг-люнебургского) резидента в России Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия» (1739).

С. 66. *Ягужинский* — Ягужинский Павел Иванович (1683—1736) — ближайший сподвижник Петра I, исполнял дипломатические поручения. Генерал-прокурор Сената.

С. 67. *Ромодановский* — Ромодановский Федор Юрьевич (ум. в 1717 г.) — начальник Преображенского, Сибирского и Аптекарского приказов, вел следствие по делу о Стрелецком бунте (1698). Ближайший сподвижник Петра I с «потешных» времен, когда получил титул «князя-кесаря».

С. 70. ...«князь-папы» *П. И. Бутурлина*...— Имеется в виду Бутурлин Петр Иванович (ум. в 1724 г.), возглавлявший собрания «Все-пьянейшего собора», за что и получил титул «князь-папы».

ПЕТЕРБУРГСКОЕ «ПИАНСТВО»

С. 72. *Шафиров* — Шафиров Петр Павлович (1669—1739) — русский государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I.

С. 73. *Черкасский* — Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742) — канцлер и сенатор, известный богач, сподвижник Петра I.

НИШТАДТСКИЕ ТРИУМФЫ

С. 73. *Ништадтские триумфы* — Имеются в виду празднества по случаю заключения между Россией и Швецией Ништадтского мирного договора 30 авг. 1721 г., завершившего Северную войну.

С. 75. «*Ингермоландия*» — Ингерманландия или Ингрия, Ижорская земля. Территория по берегам Невы и юго-западному Приладожью. В 1708 г. вошла в состав Петербургской губернии.

С. 78. *Екатерина во фрисландском костюме*...— Т. е. из Фрисландии, области в Нидерландах.

ПОСЛЕДНИЙ «КНЯЗЬ-ПАПА»

С. 82. *Гагаринский бунт* — место города, где Большая Невка впадает в Неву. Здесь находились склады.

С. 87. *Головин* — Головин Федор Алексеевич (1650—1706) — граф, генерал-адмирал и генерал-фельдмаршал, дипломат. Ближайший сподвижник Петра I.

...*после Лахтинского купания*...— В конце октября 1724 г. Петр I, помогая снять с мели лодку у села Лахты (в нескольких километрах от Петербурга), сильно простудился.

М. И. Пыляев

БЫЛЫЕ УЛИЧНЫЕ ОРИГИНАЛЫ

С. 91. *Брыжи* — воротник на груди или выпуск на груди в виде оборок.

Тюрбушоны — завивка в форме тюрбана.

Венгерка — куртка с нашитыми поперечными шнурами по образцу формы венгерских гусар.

«*Боливары*» — широкополые шляпы, модные в 20-х гг. XIX в.,

названные в честь одного из героев войны за независимость испанских колоний в Южной Америке Симона Боливара (1783—1830).

Квакеры — члены религиозной христианской общины, основанной в сер. XVII в. в Англии. Проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью.

С. 92. *Тупей* — вид высокой прически.

С. 94. ...*татарин выстроил себе около десяти домов в Татарской слободке.* — Татарская слобода располагалась на Петербургской (ныне Петроградской) стороне.

С. 96. ...*плащ à la Quiroga.* — Назван так в честь Антонио Кироги, активного участника Испанской революции 1820—1823 гг.

С. 97. ...*говорит в своих воспоминаниях Ципринус...* — Псевдоним Пржецлавского Осипа Антоновича (1799—1879) — государственно-го деятеля и писателя, автора воспоминаний о Петербурге 1820—1850-х гг.

С. 100. *Нелединский-Мелецкой* — Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829) — поэт.

КАК ЕЛИ В СТАРИНУ

С. 111. *Танер* — Таннер Бернгард, участник польского посольства 1678 г. в Москву.

С. 112. *Бухав* — немецкий путешественник, побывавший в Москве в 1570-е гг.

Мейерберг — Мейерберг Августин — австрийский дипломат, посетил Россию в 1661—1662 гг. в составе посольства императора Леопольда I. Оставил описание этого путешествия.

С. 113. *Граф Сегюр* — Сгюр Луи Филипп де (1755—1830) — граф, в 1783 г. был назначен послом Франции в Петербурге.

Комаровский — Комаровский Евграф Федорович (1769—1843) — генерал-адъютант, участник путешествия Екатерины II на юг России.

С. 114. *Андрей Шувалов* — Шувалов Андрей Петрович — обер-гофмаршал и обер-камергер Императорского двора.

Кирилл Разумовский — Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803) — последний гетман Украины (1750—1764), президент Петербургской АН (1764—1798).

С. 121. ...*в доме Армянской церкви...* — Здание Армянской церкви сохранилось (Невский пр., д. 40—42).

И. Шишкин

ПРАЗДНИК У КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО
(9 мая 1791 г.)

С. 122. ...*Потемкин прибыл из Ясс, увенчанный новыми лаврами...* — Имются в виду события русско-турецкой войны 1787—1791 гг., завершившиеся присоединением Крыма к России.

ГОРОДСКИЕ НАЗВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Адмиралтейский бул. — бул. Профсоюзов
Березовый остров — Петроградский остров
Биржевой мост — мост Строителей
Большая Конюшенная ул.— ул. Желябова
Воскресенский просп.— просп. Чернышевского
Гагаринская наб.— наб. Кутузова
Гарновская ул.— Советский пер.
Екатерининский канал — канал Грибоедова
Кадетская линия — Съездовская линия
Пантелеймоновский мост — мост Пестеля
Полицейский мост — Народный мост
Сергиевская ул.— ул. Чайковского
Смоленское поле — не сохранилось
Троицкая пл.— пл. Революции

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приглашение к путешествию	3
<i>Божерянов И. Н., Никольский В. А.</i>	
Из книги «Петербургская старина»	
Небываемое бывает	4
Петербург в 1742 году.	9
Встреча лета в Екатерингофе. Праздник «Быкодрания». Острова и сборные пункты на них	14
Гарновская улица и дом Гарновского	30
Петергоф — летняя царская резиденция	34
Петербург в осень 1796 года.	43
Один год из царствования Павла I	51
Леблон Петербург	55
Летний сад при Петре	58
Столичные увеселения при Петре	63
Петербургское «пианство»	70
Ништадтские триумфы (Картинки петербургской жизни XVIII в.).	73
Последний «князь-папа»	82
<i>Пыляев М. И.</i>	
Из книги «Замечательные чудаки и оригиналы»	
Былые уличные оригиналы	90
Из книги «Старое житие»	
Как ели в старину	110
<i>Шишкин И. А.</i>	
Праздник у князя Потемкина-Таврического (9 мая 1791 г.)	122
Примечания	132

ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

Составитель

Файнштейн Михаил Шмильевич

Редактор *О. Байкова*

Художественный редактор *М. Горняк*

Технический редактор *Л. Каменева*

Корректоры *В. Курятникова, М. Чирикова*

Сдано в набор 05.02.92. Подп. в печать 28.05.92. Формат 84 × 108¹/₃₂. Изд. № 064600441.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. п. л. 7,56. Усл.
кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 7,12. Тираж 75 000 экз. Заказ 2616. С-001.

Издательство «Панорама». 123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Российский государственный информационно-издательский центр «Республика».
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**Л 38 М. Легенды Старого Петербурга / Сост., прим.
М. Файнштейна.— М.: Панорама, 1992.— 144 с.
ISBN 5-85220-173-1**

Санкт-Петербург — город-легенда, город, где теряется ощущение времени, город, в котором одновременно с нами, но как бы в другом измерении продолжают жить тени наших предков. Слышны пушечные залпы — это бьются русские и шведские полки. Стучат топоры — строится на болотах великий город. Проходят вереницей царствующие Романовы. Звучит торжественная музыка, расцвечено фейерверками небо — пышно празднует победу над турками светлейший князь Потемкин-Таврический.

Мы предлагаем вам, читатели, прикоснуться к петербургской истории. И пусть на миг наша книга сделает нереальное реальным, далекое — близким, прошлое — настоящим.

Л 4702010101-001—КБ-5-5-92
088(02)-92

ББК 63.3(2)4

14.50

